

Максим Шторм

ЗАКОН И ЧЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕЛО ЧЕСТИ

Максим Штурм

**Закон и честь. Часть
первая. Дело чести**

«Издательские решения»

Шторм М.

Закон и честь. Часть первая. Дело чести / М. Шторм —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502196-0

Джейсон Джентри лучший сыщик в отделе по расследованию убийств Империял-Ярда. Но даже ему никак не удаётся изловить жестокого и таинственного маньяка, известного как Джек Попрыгунчик. А тут ещё начальство подсовывает нежданную работёнку по охране знаменитого ученого, готового поразить мир невероятным открытием. Да ещё в столицу прибывает террорист номер один Невидимка. И вообще беспокойно что-то стало в последнее время -похищения людей, загадочные убийства. А вдруг всё это связано между собой?!

ISBN 978-5-00-502196-0

© Шторм М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	57
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Закон и честь

Часть первая. Дело чести

Максим Шторм

© Максим Шторм, 2019

ISBN 978-5-0050-2196-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-2197-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закон и честь

Часть 1

Дело чести

Глава 1

– Свежие новости, свежие новости! Превосходство разума над материей! Спешите видеть! Спешите!.. – во всё закалённое горло надрывался тощий вихрастый мальчишка, размахивая кипой утренних газет Раневол-Ньюс. – Новое чудо света – Иллюзиограф! Совсем скоро в каждом городе!.. Очередной прорыв научной мысли!..

– Эй, малец, а ну-ка, поди сюда, – поманил мальчишку-газетчика пожилой статный господин в скроенном по последней моде костюме.

– Всего четыре пенса, сэр, – мальчишка резво подскочил к остановившему его человеку. – Свежие новости! Свежие!..

Пожилый господин сунул газету под мышку и протянул пареньку шиллинг.

– Сдачу оставь себе.

– Спасибо, сэр! – мальчуган (на вид ему было не больше четырнадцати лет) спрятал монетку в карман поношенной куртки и восторженно заорал: – Спешите заказать билеты в первый ряд! Новое чудо света!..

– Пшёл вон! Разорался, сопляк, – благодушное настроение пожилого как рукой сняло. Поморщившись, он сдвинул на затылок шляпу-котелок и торопливо развернул ещё пахнущий типографской краской утренний номер.

Малолетний разносчик газет от греха подальше задал стрекача по скользкой после ночного дождя улице, оставив пожилого господина стоять на углу бакалейной лавки.

Утреннее солнце робко посматривало в прорехи заволочивших хмурое осеннее небо туч. Пахло сыростью, опавшими листьями, мокрой шерстью, камнем. Лёгкий ветерок навевал запахи выпечки, кожи, угля, сточных вод. С юго-востока доносились вязкие тяжёлые «ароматы» выхлопов фабричных труб. Большой город просыпался, ворочаясь и пытаясь, как медведь в берлоге после зимней спячки. Со всех сторон нарастал гул, шумя как морской прибой, и принося с собой пену всё новых и новых звуков – включались паровые установки, цокали подкованные копыта лошадей, дребезжали кареты и дилижансы, порывкивали, исторгая клубы удушливого дыма, самоходные машины. Гомон сотен высыпавших на улицы людей вклинивался в усиливающееся голосовое многообразие Столицы.

Пожилый господин поёжился и прислонился широкой спиной к фонарному столбу. Защищённый толстым стеклом газовый рожок был потушен. Одно из последних достижений науки – электрическая лампа накаливания – ещё только начала вытеснять, как сказали бы учёные, «технически устаревшие рудименты прошлого века».

С первой полосы утреннего номера на него смотрело улыбающееся лицо Кристофа Дюбуа, изобретателя иллюзиографа. Молодой учёный за каких-то полгода завладел умами и душами тысяч и тысяч людей. Разговоры о нём и его детище не прекращались, а фотографии и частые интервью не сходили со страниц газет и журналов. Старик торопливо зашуршал бумагой, листая страницы. Не то, всё не то... У него не было ни времени, ни желания вчитываться в очередные дифирамбы, посвящённые прославившемуся на полмира арданцу. То, что реально интересовало пожилого денди, находилось почти в самом конце выпуска Ньюс.

Совсем небольшая статья, едва ли занимающая четверть страницы. Даже не попала в горячую сводку криминальных новостей за прошедшие выходные. Печально. Старик неприлично вздохнул и пожевал кончик вислых, пшеничного цвета, усов. Усы, кстати, зверски

чесались. Впрочем, как и борода. Модный длиннополый пиджак жал в плечах. Начищенные до блеска туфли ему категорически не нравились, гетры он считал совершенно лишним предметом гардероба, ну а котелки он просто ненавидел!

Свернув газету в трубочку и сунув её обратно под мышку, пожилой господин достал из внутреннего кармана часы «луковицу» и посмотрел на циферблат. Восемь утра. Как же всё тянется...

– Плюшку, сэр? Очень вкусная, горячая, прямо из печи! Или желаете свежайших пирожков? – в живот старика уткнулся заставленный парующей сдобой деревянный поднос. – Всего пол шиллинга за штучку. Попробуйте!

Старик едва взглянул на обряженного в белую куртку ученика пекаря настырного мальчишку. На поднос легла монетка, а сдобный пирожок с повидлом оказался в крепкой с длинными сильными пальцами руке пожилого господина. Только наметанный глаз распознал бы в испачканном мукой мальчугане, торгующем сладостями, давешнего юного оболтуса, срывающего голос известиями о техническом прогрессе.

– Миссис, купите булочку, уверен, она очень понравится вашей внучке! У нас самые вкусные булочки на всей улице... – мальчишка моментально переключился на проходящую мимо матрону в длинном пышном платье с раскрытым над головой зонтиком.

– Ах ты, нахал! Ты посмел меня бабкой обозвать?! – уязвлённая в самое сердце тётка замахнулась зонтом. – Да у меня дети младше тебя, бездельник!..

Поскольку весовые категории были явно в пользу взбеленившейся мадам, юный булочник предпочёл срочно покинуть место назревающей битвы. Старик с трудом сдержал улыбку и приложил пальцы к полям котелка, приветствуя исходящую гневом матрону. Та, гордо вскинув голову, не обратила на джентельменский жест ни малейшего внимания. Откусив половину пирожка, пожилой господин усмехнулся и мельком бросил взгляд на маленький клочок бумаги, взятый им с подноса вместе со сдобой. На крохотном листочке было чьим-то аккуратным почерком выведено всего четыре слова – Улица Берг, Большой тупик.

Проглотив вторую половинку пирожка, старик смял в кулаке бумажку и быстрым размеренным шагом двинулся по мощённому булыжником тротуару. Он чинно обходил спешащих в сей ранний утренний час всё прибывающих прохожих, уступал дорогу дамам, лёгким кивком головы здоровался с мужчинами. В общем, вёл себя как самый настоящий джентльмен солидного возраста, весомого положения в обществе и немалого достатка. Из всех трёх перечисленных выше пунктов, на самом деле он не соответствовал ни одному.

Остановившись напротив рыжего как арбуз кряжистого чистильщика обуви, старик поставил ногу на скамеечку. Чистильщик мазнул гуталином по надраенной коже туфли и, не поднимая головы, тихо произнёс:

– У тебя и так педали блестят как напояженные, Джентри... Не переигрывай.

– Он изменил маршрут. Улица Берг, скорее всего Большой тупик, – старик поставил вторую ногу. – На тебе и Якобе Цветочный переулок. Держите глаза раскрытыми.

Рыжий, не переставая орудовать обувной щёткой, сказал:

– На этот раз он не уйдёт, верно? Если он в районе Большого тупика? Ему просто некуда будет деться...

Пожилый господин, ничего не сказав, уронил в деревянный ящичек очередную монетку, и быстро удалился. Он перешёл через проезжую часть, уступив дорогу запряжённому четвёркой вороных коней скорому почтовому дилижансу, и оказался на углу улицы Берг. Повернув на север, он быстро пошёл вдоль открывающихся посудных лавок и мастерских по ремонту и пошиву одежды. По столь нелюбимому им котелку дробно застучали капельки срывающегося с хмурого неба дождика. Солнце испуганно спряталось где-то в вышине, не рискуя связываться с раздувающимися тучами.

Не самый роскошный район города – Ремесленный, не самый новый и далеко не современный. Оттого достаточно запутанный и хаотичный. Не лучший расклад из всех возможных. Впрочем, могло быть и хуже. К примеру, если бы ОН в прошедшую ночь решил появиться в Рыбацком квартале или в чёртовых закоулках Района Бедноты! Так что, старик криво усмехнулся, им, если можно так выразиться, повезло. А вот тем, кто не пережил прошлую ночь, совсем не повезло.

Он разминулся с целым выводком детворы в сопровождении двух серьёзного вида молодых дам, и заглянул через плечо стоящего напротив витрины портняжной лавки низкорослого человека в длинном старомодном пальто и шляпе с широкими полями.

– Он в тупике, сэр, – старик так и не видел лица говорившего, делая вид, что целиком поглощён изучением разложенного за стеклом товара. – Хоскинс и Бёрк перекрыли центральный проход.

– Не подпускайте сюда Спунера, – одними губами шепнул старик. – Он свою часть работы выполнил. Будет артачиться – дайте хорошего пинка под зад.

Человек в шляпе едва заметно кивнул. Когда пожилой господин зашагал прочь, то его свёрнутая под мышкой газета заметно потяжелела.

Джентри не был богат, не занимал весомого положения в обществе и на самом деле имел мало общего с изображаемым им в данный момент обликом престарелого денди. Ему было всего тридцать лет, он не блистал в высшем обществе, а единственным доходом служила зарплата старшего инспектора по расследованию убийств городского Полицейского управления.

Но в определённых кругах инспектор Джейсон Джентри был очень даже хорошо известен. Он слыл честным и неподкупным полицейским. Стражем правопорядка в наилучшем из возможных проявлений. Начальство держало старшего инспектора на хорошем счету, постоянно подкидывая наиболее сложные задания... Проще говоря, Джентри частенько приходилось раскидывать дерьмо лопатой там, где другие, более здравомыслящие, отказывались. Некоторые принимали Джентри на непроходимого идиота, готового ради одних ему ведомых принципов землю грызть. Представители криминально мира при упоминании имени инспектора кривились в недовольных гримасах, словно им жали все зубы разом. Дамы строили холостому полисмену глазки, сослуживцы в большинстве своём уважали... Сам же Джейсон не считал себя кем-то выдающимся и незаменимым.

Он был упрям, как двухгодовалый бык, твёрд, как алмаз, порою наивен, как дитя и строптив, как набивающая цену проститутка. И да, старший инспектор был настоящим профессионалом с чутьём охотничьей гончей и железной хваткой. Рыжий шутник Герман частенько говаривал, что у Джентри зубы волка и хвост лисы. Джейсон в ответ ворчал, что чья-бы корова мычала...

Липовый старик остановился на перекрёстке. По дороге, практически бесшумно, шурша одними покрышками, резво пронёсся паромобиль новейшей модели. Откидной верх, плавные обводы подкрылок, хромированные спицы колёс, дворники на ветровом стекле, оснащённый звукогасящим кожухом парогенератор, двигатель от компании «Клеменз и Клеменз». Машина стоила трёх годовых жалований старшего инспектора Империял-Ярда.

За удаляющимся чудом современной техники, радостно вопя, неслась стайка не по сезону легко одетых ребятишек. Водитель в кожаной куртке и защитных толстостенных очках как будто специально не набирал скорость, позволяя маленьким преследователям держаться в пытящем хвосте машины. Может, выпендривается перед восхищённо охающими при виде новенького «Формакса» прогуливающимися по тротуару дамами?

Джентри закусил губу и последовал дальше. Он не одобрял чрезмерного роста научного прогресса и ни от кого не скрывал этого. Скрывал он лишь то, что попросту боялся современной машинерии, считая, что в бездушных утробах всех этих железных монстров и среди вращающихся шестерёнок и щёлкающих пружин кроется некий дьявольский план по одура-

чиванию всего человечества. Джейсон знал, что его позицию с радостью разделяет и церковь, приписывая все последние научные изобретения не иначе как Сатане и подручным. Но клириков инспектор тоже не любил.

Он ускорил шаг. До места встречи с Флемингом и Вудсом оставалось пройти ещё не менее сотни ярдов. Они опаздывают. Они постоянно опаздывают. Как бы тщательно не готовилась очередная операция, к её началу всегда оказывалось, что хоть немножко, но времени не хватает. И всё начинало катиться псу под хвост. Впрочем, Джейсон был излишне строг к себе и подчинённым. Но признать, что дело в том, что не они опаздывают, а просто их постоянно опережают, было не лучше. Хрен ничем редки не слаще, верно?

Сунутый под мышку газетный свёрток приятно оттягивал руку. Джентри на ходу поправил отсыревшую под морозящим дождём бумагу. Газета скрывала под размякшими страницами восьмизарядный револьвер «Кардинал» пятьдесят второго калибра с удобной рукояткой и огромной пробивной силой. У Джентри был маленький бзик на почве оружия. Дома он держал неплохую, на зависть сослуживцам, коллекцию. «Кардинал» занимал в ней довольно почётное место. Благодаря удлинённому стволу и специальным сплавам он позволял вести стрельбу на дистанции приближённой к винтовочной. Пуля «Кардинала» с двухсот ярдов пробивала навывлет металлический лист. Пушка не для слабаков, отдача была соответствующей. С такой мортирой впору выходить на бешеного медведя.

Но тот, на кого в это непогожее осеннее утро собрались охотиться старший инспектор с командой, был гораздо опаснее любого зверя.

Джентри поравнялся с остановившейся напротив мебельного магазина лёгкой каретой. Впряжённые в упряжь две пегие лошади нервно грызли удила. Бархатные ноздри широко раздувались. Лошади всхрапывали и прядали ушами. Такое ощущение, что животные чувствовали назревающую в прохладном утреннем воздухе опасность... Облачённый в чёрный дождевик кучер сдвинул на затылок шляпу-цилиндр и подкрутил густые разбойничьи усы. Джентри отсалютовал двумя пальцами. Из магазина, ругаясь на чём свет стоит, вышли два дюжих малых, волоча на руках лакированный комод красного дерева.

– Хотел бы я знать, каким местом думал этот придурок, когда прислал сюда карету, – громко возмущался один из работяг. – Как, будь я проклят, мы засунем внутрь эту махину, а? Тут грузовая повозка нужна, не меньше!

– Ещё скажи – паровик! – натужно отозвался второй малый. По его лбу струился пот, смешиваясь с мелкими дождевыми каплями.

– Ага, держи карман шире! Этот вонючка тот ещё жмот...

Все эти мелкие и совершенно незаметные постороннему глазу детали Джентри подмечал автоматически. Пот на лбу грузчика, едва заметную хромоту его напарника (Коллинз всегда начинал хромать при больших нагрузках, сказывалась старая боевая рана), плохо приклеенные усищи скучающего на козлах кареты Вудса. Сукин сын! Не хватало ещё, чтобы они оторвались в самый неподходящий момент, скрипнул зубами Джентри.

Блеск круглых очков Флеминга Джентри увидел ещё издали. Высокий помощник старшего инспектора весьма правдоподобно изображал дышащего свежим воздухом пастора местной церкви. Длинная, до пят сутана, накинутый на плечи по случаю дождика лёгкий плащ, отполированные бусины чёток в сложенных на животе руках. Благочестивый взгляд, очки, небольшая залысина на макушке среди коротко остриженных русых волос. Вылитый святоша, усмехнулся про себя Джентри. Остановившись рядом с «пастором», он приветливо улыбнулся. Со стороны могло показаться, что почтенный старец решил осведомиться у служителя господнего о ближайших перспективах загробной жизни.

За их спинами раскинулось огромное четырёхэтажное здание постройки прошлого века, из дикого камня, перегородившее улицу из одного края в другой. Несколько высоких печных труб, четырёхскатная черепичная крыша, две входные двери. Раньше в этом доме жило

несколько семей из местных мастеровых. Сейчас в нём располагалась Угольная районная контора, занимавшая два первых этажа. Два остальных продолжали пустовать. Ну просто идеальное место для НЕГО, чтобы отсидеться и переждать бурю... Это и был Большой Тупик. Собственно, тупиком эту домину можно было назвать с натяжкой, поскольку, войдя внутрь, любой спокойно вышел бы с обратной стороны. Но это если знаешь, как.

Арочные проёмы окон смотрели с фасада огромного дома на мирно беседующих священника и пожилого джентльмена. Дождик прекратился. Назойливый ветерок сделал своё дело, прогнав прохуdivшиеся тучи на восток. Голубые глаза Флеминга за стёклами очков выдавали его тревогу.

– Джейсон, там слишком много людей... Мы здорово рискуем, – сказал он, продолжая располагаясь улыбаться. – Если он поймёт, что мы его выследили, и решит прорваться, будет тяжело обойтись без жертв. Ты же не хуже меня знаешь этого недоноска.

– Задний двор перекрыли? – Джентри даже не смотрел в сторону старинного здания.

– Разумеется. Он обнесён кирпичной стеной в десять футов высотой. За стеной дежурит несколько наших ребят. Чёрт меня возьми, да у нас тут собралась добрая половина Империял-Ярда...

– Не богохульствуй, ты же святой отец, – хмыкнул в накладную бороду инспектор.

Флеминг беспомощно улыбался. Морган был хорошим полицейским и уже четыре года выполнял обязанности первого помощника. Как раз с тех самых пор, как Джейсона повысили до старшего инспектора по расследованию убийств. Ещё никому в его возрасте не удавалось удостоиться этой сомнительной чести. Флеминг был всего на два года старше Джейсона и до прихода в полицию служил на флоте, пока его не комиссовали из-за ослабшего зрения. В полицию же ему помогли устроиться давние знакомые. И Морган никогда не давал повода кому-либо краснеть за него.

– Сегодня пятница, внутри может быть много людей, – Флеминг до побеления костяшек сжал чётки.

– А ты не задавал себе вопрос, как он может находиться в набитом народом помещении абсолютно незамеченным? Ведь никто же до сих пор не поднял ни малейшей тревоги.

– Джейсон, ты совсем не слушаешь меня! – такой же липовый, как и старик, священник чуть повысил голос. – Ты уверен, что он не возьмёт кого-нибудь в заложники?

Джентри крепче прижал газетный свёрток к боку и вполборота повернулся к внушительной громаде угольной конторы.

– Абсолютно.

– Ради Христа, ты можешь объяснить – почему? – глаза Флеминга за стёклами очков выглядели озадаченными.

– Он маньяк, но не террорист.

– Господи, Джентри, да у тебя логика умалишённого, – пробормотал Флеминг, пряча чётки в карман. Он снял очки и протёр линзы отворотом сутаны.

– Ты слишком сильноходишь в роль, Морган, – Джентри продолжал искоса разглядывать большущие арочные окна, пытаясь уловить за стеклом малейшее движение. Но тщетно, никто не подходил к онам, ни одна из задёрнутых штор не шевелилась. Что, впрочем, не означало, что за ними не наблюдают, точно так же, как они за зданием. Хотя старший инспектор считал это предположение маловероятным. – У меня нюх на жаренное, ты же знаешь. Я чувствую, что он не станет никем прикрываться. Он способен проложить себе путь к отступлению по трупам, но не станет никого хватать и использовать в качестве щита. Я так думаю.

Флеминг вновь растянул губы в натужной улыбке.

– Не понимаю, чем одно отличается от другого...

– Благословите, святой отец, – к ним подошла средних лет дама в строгом платье с высоким воротником, с убранными под шляпку золотистыми волосами. Над её головой держал

зонтик затянутый в сюртук пожилой мужчина с шикарными бакенбардами и пресным выражением на физиономии.

Джентри вежливо кивнул, приложив два пальца к полям котелка.

– Доброе утро, мадам.

– И вам того же, сэръ, – у дамы было осунувшееся и бледное лицо. Джентри отметил, что ей не больше сорока и что она очень недурна собой. Судя по неброской, но дорогой одежде и сопровождающему лакею, не из бедных.

– Пусть Господь озарит твой путь на земле, дитя моё, – внушительно сказал Флеминг, мгновенно принимая возвышенный вид. Он уверенно перекрестил склонившую голову женщину и забубнил под нос молитву.

Джентри ощутил неподдельную гордость. Что ни говори, а в его отделе работали сплошь профессионалы.

Он отошёл в сторону. На улице становилось слишком много посторонних. Необходимо было решаться. Или входить в здание, или проявить больше терпения и осторожности и ждать дальше. Но чего ждать? Джентри бросил из-под полей котелка оценивающий взгляд на расположенные на высоте двенадцати футов окна второго этажа. Всё, что было ниже, его не волновало. На первом этаже стёкла были забранными прочной решёткой. Из окон верхних этажей вполне можно было сигануть вниз. Если не бояться сломать себе ногу или шею, конечно. Самое худшее заключалось в том, что тот, на кого вот уже третий год охотился весь Имперский Двор, был вполне способен на подобный акробатический трюк.

Это существо появилось на ночных улицах Столицы около трёх лет назад. И почти сразу поставило на уши всю полицию. Его выходки поначалу носили чисто шаловливый, клоунский характер. Его посчитали безвредным полоумным шутником. Но размах деятельности этого фигляра просто поражал! Он мог за одну ночь нашкодить сразу в нескольких районах города, словно умел летать. В Ярде поначалу даже сочли, что действует целая группа клоунов-единомышленников. Правда вскоре стало понятным, как он умудряется за столь короткое время покрывать столь значительные расстояния.

Собака была зарыта в этих чёртовых научных достижениях! Скорее всего, этот неуловимый ловкач пользовался какими-то скрытыми механизмами, увеличивающими его силу, скорость и позволяющих совершать ну просто немыслимые прыжки. Ему ничего не стоило перемахнуть десятифуттовую стену, с лёгкостью опытного эквилибриста пробежать по коньку церковного собора Святого Августина или обогнать запряжённую повозку. Вот вам и технически прогресс. Кто знает, какой такой паровой двигатель умудрился засунуть себе в задницу этот горе-атлет... Надо заметить, что объяснения недюжинных сверхчеловеческих способностей мерзавца одними лишь техническими новшествами не исчерпывались.

Некоторые ярые сторонники теологии приписывали ему силу, дарованную чуть ли не самим Дьяволом. Дескать, это и не человек вовсе, а сам бес, демон во плоти, пришедший на землю и изводящий добропорядочных верующих. Джентри едва не плевался желчью, стоило ему только услышать о неземном происхождении этого чудика. Он искренне считал, что самым страшным существом на свете был, есть и остаётся человек. Что только человеческий ум настолько, хм, дьявольски умён, чтобы почти три года скрываться от полиции, пакостить, мучить людей, совершать дерзкие преступления и до сих пор не понести никакого наказания.

Попервах новоявленный преступник вёл себя как разнузданный хулиган, и кроме возмущённо-испуганных воплей не вызвал никаких сильных эмоций. Заглядывал в окна, пугал прохожих в тёмных переулках, угонял лошадей из конюшен, чтобы потом несчастных коняг нашли через пару кварталов, привязанных к дверным ручкам. Воровал продукты из лавок, подвешивал кошек за хвосты перед домами зажиточных горожан... Задирали подолы молоденьким девицам, побрасывал к дверям кучи собачьего дерьма. В общем, развлекался, как мог. И как

ему позволяли. Поскольку буквально заваленная сотнями жалоб полиция не знала, с чего ей, собственно, и начать!

Потом стало хуже. Много хуже. Словно разгулявшийся шутник в силу безнаказанности со стороны закона вошёл во вкус. И шутки его стали куда как более жестокими.

Он начал нападать на людей. Преимущественно женщин. Отнимал сумочки, срывал одежду, царапался и даже кусался, как дикий зверь! Сначала этот паразит орудовал исключительно ночью, потом его стали всё чаще встречать и днём. Он совершенно перестал бояться. Так, постепенно с женщин он переключился на детей. Изредка нападал и на мужчин. В основном его интересовали одинокие прохожие. Поток жалоб и разгневанных писем завалил Империял-Ярд по самую крышу. Сам мэр лично навестил Департамент и намекнул, что пора бы уже и завязывать с этим балаганом. Неужели вся городская полиция не в состоянии изловить одного сумасшедшего?

Газеты с радостью набросились на свежую сенсацию, словно свора гончих на загнанного оленя. Ежедневно заголовки газет пестрили новыми сводками о нападениях маньяка. Прессу не надо было хлебом кормить, ей хватало свидетельств очевидцев и утечек из Двора. Ну а буйная журналистская фантазия довершала общую картину творящегося в городе беспорядка.

Спустя какое-то время ОН обнаглел настолько, что стал вламываться в дома, расположенные в глухих, окраинных районах города, в лачуги бедняков и домишки мастеровых. Подонки не брезговали и особняками аристократов, иногда совершая свои дерзкие рейды и в престижные кварталы столицы. Он ни для кого не делал никаких различий. А ещё через несколько месяцев он убил первого человека. Сбросил беднягу с крыши городского суда прямо на мощённую брусчаткой площадь, с высоты семидесяти футов. Днём, на глазах у десятков людей. После чего резво запрыгал по черепице, перемахнул на крышу соседнего здания и был таков.

С тех пор, за два с половиной года по официальным данным полиции он убил девяносто восемь человек. Счёт напуганным, ограбленным и избитым шёл на сотни. Разумеется, не обошлось и без подражателей. Многие бандиты под шумок проворачивали свои делишки, прикрываясь личиной неуловимого преступника. Но с этими двойниками обозлённая до предела полиция разбиралась быстро и жёстко. Вскоре количество подражателей здорово сократилось.

Старший инспектор по расследованию убийств Джейсон Джентри ровно два года назад получил персональное задание всеми силами изловить маньяка и заключить под стражу. Прошло два года, но Джентри продвинулся в расследовании не больше, чем в самом начале пути. Прыгучий негодяй не оставлял никаких следов и отпечатков. Ровным счётом ничего, за что можно было бы уцепиться. За два года ни одной явной улики. Что, впрочем, не означало, что у Джейсона не было никаких версий. Джентри считал, что кем бы ни был этот человек, в средствах он явно не стеснён. Джентри упорно настаивал, что имеет дело с обычным человеком. Пусть сумасшедшим, безумным, но отнюдь не дураком. Это должен быть своего рода гений криминала. И богатый гений. Поскольку его выкрутасы, невероятные трюки и мастерское умение замывать следы говорило о применении сложнейших технических средств. Технология и механика, алхимия и математика. Этот человек обязан был прекрасно разбираться в любой из данных областей.

Когда Джентри намекали, что он копает в неправильном направлении, советуя больше уделять внимания ну, как бы так мягче сказать, сверхъестественному происхождению маньяка, старший инспектор впадал в животную ярость. Проще всего списать ум и находчивость преступника на проявление паранормальных сил, чем признать собственное бессилие. Но Джейсон не зря слыл упрямым. Он твёрдо верил, что ему противостоит человек. Не совсем обычный, но и не колдун какой-нибудь. И уж тем более не демон. Это бредни пусть остаются для охочих на сенсации репортёров.

Джентри прозвал своего противника Джеком-Попрыгунчиком. Это имя тут же попало во все газеты. Так маньяк обрёл имя. Джек-Попрыгунчик. Попрыгунчик не сходил с пер-

вых полос всех популярных газет почти год. Затем он стал обыденностью, частью устоявшегося мира. Неотъемлемым городским атрибутом. Газетчикам стало скучно. Из сенсации Джек постепенно превратился в рядовую заурядность. Все уже давно привыкли к тому, что примерно раз в неделю Джек с собой изошрённостью убивает кого-нибудь, а полиция всё так же бес- сильно разводит руками. Ну и где здесь сенсация? Горячие новости? Так заголовки о нападениях Попрыгунчика уверенно перекочевали на последние страницы в затёртую колонку криминальной сводки. На первых страницах продолжили печатать статьи о Дюбуа, Формаксе, Вурцеле, Грее...

Самое забавное было то, что Джек нисколько не скрывал своего внешнего вида. Его лицезрели тысячи людей. И практически во всех случаях показания очевидцев сходились. Люди описывали Попрыгунчика как очень высокого худощавого человека в длиннополом кожаном пальто и шляпе-цилиндре. Заострённые уши, узкое вытянутое лицо с резкими чертами, безумные выпученные глаза, налитые кровью. Многие добавляли такие животрепещущие подробности, как дым из раздутых ноздрей, раздвоенный змеиный язык, когтистые лапы, шерсть, некоторые даже видели хвост! И вроде бы имелись у этого мерзавца копыта... Но не больше двух! Разговаривал Джек на андерском, но иногда переходил на непонятную тарабарщину, не иначе как сатанинское наречие. Вот...

Джентри, читая подобные «достоверные» протоколы, покатывался со смеху. Из всей этой чуши добрую половину можно было отметить не глядя. И что в итоге оставалось? Высокий рост, худощавое телосложение, впалые щёки, взгляд безумца и страсть к кожаным плащам. Негусто. Полицейский штатный художник Джеймс Кейн не раз и не два пытался делать наброски Джека, но всегда в итоге выходило нечто среднее между цирковым уродцем и сильно похудевшим и выжатым как лимон начальником полицейского департамента Вустером. Когда Вустер в одном из рисунков признал себя, то устроил Кейну форменной разнос, под страхом расстрела запретив брать в руки карандаш, если тот не хочет лишиться своих «корявых обезьяньих клешней».

Джек всегда ухитрялся ускользать из расставленных ловушек. Какую бы сеть не забрасывал Джентри, Попрыгунчик постоянно вёртким ужом проскакивал в самую маленькую ячейку. Он совершенно никого не боялся. Джейсон подозревал, что для этого психа объявленная полицией война всё равно, что игра в кошки-мышки. И что Джеку невероятно нравится эта игра. Вот только Джентри до сих пор не мог понять, какие им уготовлены роли в происходящем безумии.

Когда получившее святейшее благословление печальная дама удалилась, Джентри снова оказался рядом с Флемингом. Борода и усы нещадно чесались. Проклятые туфли жали пальцы, настроение Джейсона портилось чуть ли не быстрее погоды. На душе у него было так же пасмурно и уныло.

– Морган, если я не выйду через пятнадцать минут, ты лично запустишь план «Б» и возглавишь операцию. Постарайтесь не оплошать.

– Ты говоришь, как приговорённый к смерти, – Флеминг посмотрел на Джейсона поверх очков. – Ты думаешь, что он всё время был у нас под носом? Что Джек работает в этой конторе? Он один из сотрудников?

– Не исключено.

– Как же ты тогда его узнаешь?

– Я его учую, – слабо улыбнулся Джентри. – Достаточно того, что он внутри, Морган. Остальное... Рано или поздно это должно было закончиться. Или он или я.

Священник размашисто перекрестил склонившего перед ним седую голову старика, благословляя. И тем самым давая сигнал к началу операции, которая повлечёт за собой очень интересные и неожиданные последствия.

Уже на подходе к зданию в голову Джентри закралась шальная мыслишка – а ну, как и вправду Джеком окажется один из сотрудников конторы? Да нет, ерунда... Вопреки собственным словам он не верил в подобную вероятность. Инспектор полагал, что после ночной вылазки Попрыгунчик просто-напросто выбрал наиболее удобное на данный момент местечко, чтобы залечь на дно. Угольная контора случайно подвернулась. С одинаковым успехом на её месте могло оказаться любое другое общественное здание или заброшенный дом. Джеку нужно было время, чтобы переждать день, а затем ночью по-тихому улизнуть в свою тайную берлогу.

Но как тогда, дьявол его заберит, он вошёл внутрь? Люди Джентри следили за Попрыгунчиком от самого Баргбургского моста, где этой ночью он напал на двух ночных бабочек. Как обычно, Джек легко оторвался от погони неуклюжих констеблей и затерялся в районе Ремесленников, не подозревая, что погоня отстала намеренно, а лучшие из лучших сыскарей Ярда продолжали следовать за ним. Провожая Прыгуна до улицы Берг, переодетые агенты держались на достаточном расстоянии, чтобы он не заметил слежки. Последним в цепи был изображающий провонявшего дешёвым виски забулдыгу Моррис. Он и сказал, что Джек вошёл в Большой Тупик и направился к зданию Угольной конторы. Это произошло ровно в шесть утра, когда в бывшем жилом доме кроме сторожей никого не было.

Как Джек смог проникнуть через запертые изнутри двери, впрочем, было не суть важным. Он выкидывал и более невероятные фортели. Факт в том, что с обратной стороны он не вышел. Все дополнительные задействованные силы отделения по расследованию убийств сосредоточились за огораживающей контору с заднего двора высокой стеной. Центральный подход к кирпичной громаде по улице так же контролировался вооружёнными переодетыми агентами. У Джека практически не было шансов удрать.

Джентри толкнул тяжёлую, оббитую железом деревянную дверь и оказался в ярко освещённом по случаю хмурого утра газовыми рожками вестибюле. Обширное, высокое, окружённое по верху протянувшейся с трёх сторон галереей помещение было пустым, не считая сонного клерка за стойкой регистратуры. На второй этаж, в разные крылья здания вели широкие, плавно изгибающиеся лестницы. Изначальный проект здания был неузнаваемо изменен, многое перестроили, подгоняя под специфические нужды муниципального учреждения. Под ногами скрипел затёртый рассохшийся паркет, в воздухе витал запах пыли.

– Чем могу быть полезен, сэр? – вежливо осведомился клерк, приглаживая разделённые пробором редкие волосы слегка дрожащей пятерней. Мешки под глазами, нездоровый цвет лица, машинально отметил Джейсон. Определённо любитель заложить за воротник. – Какое, однако, неприветливое утречко, не находите?

– Да, да, в самую точку, молодой человек, – старчески закричал инспектор, подходя к отполированной тысячами прикосновений регистратурной стойке. – Хотелось бы вот у вас выписать угля. Поговаривают, зима будет лютой.

– В самом деле? – оживился клерк. – Знаете, моя двоюродная тётушка работает на метеостанции... Ну на одной из этих современных, построенных Дэвидом Греем...

Джентри, стряхивая с полей котелка дождевые капли, прислушивался к своему внутреннему голосу, который, сволочуга, как назло, упорно молчал. Клерк с неподдельной гордостью за свою тётушку, продолжал заливать соловьём:

– Вы бы видели, какие ТАМ установлены агрегаты по слежению за погодой! Эти чёртовы метеорологи способны предсказать изменения в климате на несколько месяцев вперёд! Уму непостижимо, до чего дошла техника...

– Вы так радуетесь за все современные достижения науки? – не удержался Джейсон.

– А как же иначе, сэр! Слава богу, мы не дикари какие-нибудь, и живём в век просвещения и открытий. Это же облегчает нам жизнь!

– И человек становится зависимым от всех этих технических штук.

– Но если бы не наука, мы до сих пор тысячами умирали от чумы и тифа, – не сдавался клерк. Кто, как не врачи придумали чудодейственные вакцины, способные противостоять самым ужасным неизлечимым болезням?

Тут Джентри крыть было нечем, и он заткнулся. Откашлявшись, инспектор сказал:

– Милейший, кажется, мы с вами несколько отвлеклись...

– А? Ой, ради всего святого прошу меня простить сэр. Вам нужно в кабинет номер тридцать четыре. Это на втором этаже в левом крыле справа по коридору. Там вы сможете решить все свои вопросы.

Поблагодарив словоохотливого клерка, Джентри направился к лестнице и тут отчётливо услышал режущий слух звон разбитого стекла, последовавший следом истошный вопль, приглушенные стенами яростные крики, какой-то шум. Вот оно! Холодок нехорошего предчувствия цепкими мерзкими лапками пробежался по позвоночнику, Джейсон подобрался как изготовившийся к прыжку тигр. Попрыгунчик дал о себе знать. Но что его заставило? Кроме Джейсона в здании нет ни одного полицейского. Зачем маньяку себя выдавать? Он что-то заподозрил? Или его обнаружили служащие конторы?

На паркет полетела намокшая газета. Следом отправились ненавистные котелок, парик, борода и усы. Джентри расправил плечи, перестал сутулиться, сразу став выше ростом и повернулся к испугано застывшему за стойкой клерку. Увидев зажатый в руке преобразившегося раннего посетителя воронённый ствол гигантского револьвера, клерк побелел, его мутные глаза едва не вылезли из орбит. Он попятился назад, пока не упёрся спиной в шкафчик для бумаг.

– С-с-сэр, смею в-вас заверить, что вы аб-бсолютно правы! Все эти новомодные технические штучки – то ещё дерьмо собачье!

Джентри молча извлёк из внутреннего кармана пиджака жетон Империял-Ярда с выбитым на красноватого оттенка металле суровым ликом Версиды – Богини правосудия.

– Скоро сюда ворвутся ещё несколько полицейских. Я бы вам посоветовал спрятаться и не высовываться, пока всё не закончится. И предупредите всех, кого увидите...

– Да что закончится-то, а? Что именно?

Но Джентри уже повернулся к опешившему служащему спиной, оставив того в полной растерянности. Старший инспектор бросился вглубь вестибюля. Раздающие со стороны внутреннего двора крики не утихали, к ним добавились какие-то пока неясные звуки. Джейсон подскочил к двери чёрного хода и с размаху ударил ногой на уровне дверного замка.

Дверь не поддавалась ни на дюйм. Заперто! Бросив на притихшего, словно мышь, за стойкой клерка кровоточащий взгляд (мог бы и предупредить, сукин сын!), Джентри отступил на шаг и вскинул револьвер. Ба-бах! Крупнокалиберная пуля продела в крепкой древесине из морённого дуба дыру размером со сковородку, с мясом вырвав замок. В закрытом помещении выстрел прозвучал оглушительным набатом. Наверняка служащие конторы ушам своим не поверили. Плевать! Скоро здесь может такое начаться, что одним выстрелом больше одним меньше...

Джейсон, перехватывая револьвер в левую руку, выскочил наружу. Тут же схлопотал в лицо горсть брошенных поднявшимся ветром дождевых капель. На заднем дворе царил полнейший бедлам. Вокруг валялись куски разбитых оконных стекол, словно маленькие озерца отражая опрокинутое над ними неприветливое хмурое небо, обломки рам, наличника, куски штукатурки... Что за?..

Не успев толком оглядеться, Джентри отбежал на середину двора, высоко задирая голову. Дьявол! Четвёртый этаж зловеще скалился тремя пустыми оконными проёмами. В одном из них суматошно мелькали какие-то силуэты. До инспектора доносились глухие удары, неясные восклицания. Вся эта катавасия напомнила ожесточённую борьбу. Трах!!! Ещё одно окно, вздувшись пузырьём, взорвалось изнутри здания водопадом стеклянных брызг. Джентри

вовремя отскочил в сторону, уворачиваясь от вылетевшей вслед за стеклом тяжёлой оконной рамы. Следом за искорёженной деревянной коробкой на выложенный плиткой дворик полетел... человек.

У Джентри все внутренности скрутились узлом, когда без единого крика несчастный тяжело шлёпнулся прямо напротив распахнутой двери. Раздался звук, напоминающий удар китового хвоста по воде. По камню потекла алая кровь. Сыплющий дождь тут же раскрасил кровь в розовый цвет.

Одного единственного взгляда, брошенного на разбившегося человека, хватило Джентри понять, что умер тот ещё да того, как раскроил голову о брусчатку. С такими переломами и свёрнутой на сто восемьдесят градусов шей не живут. Кто бы это не проделал, он использовал бедолагу в качестве боксёрской груши, выбив им четыре окна, свернув под конец шею и вышвырнув с высоты тридцати пяти футов. Судя по синей, с серебряными пуговицами униформе, начищенных сапогах и дородной стати, на земле лежал местный сторож. Видимо ему не повезло во время утреннего обхода обнаружить постороннего на четвёртом этаже конторы.

Посторонний. Ха! Вот что, точнее, кто заставил Попрыгунчика высунуть нос из норы. И, разумеется, безумный маньяк выступил в своём репертуаре. Он нисколько не боялся, что на шум прибегут полисмены. Впрочем, Джеку не было ведомо, что его обложили, как гончие загнанного волка, лучшие сыщики Империял-Ярда. Молясь всевышнему, чтобы никто из служащих не додумался геройствовать, Джентри вскинул револьвер, целясь в опустевшие оконные проёмы. Он медленно водил стволом справа налево и обратно, готовый в любую минуту открыть огонь. Морозящий дождь остужал разгорячённое лицо, но и снижал обзор. Однако Джентри не боялся промахнуться с такого расстояния. Он слыл недурственным стрелком.

Вот! В третьем справа окне мелькнула и застыла чья-то высокая фигура. У Джейсона возникло противное чувство, что его пристально рассматривают как диковинную обезьяну в зоопарке. Будто это он дичь, а охотник притаился за стеной одной из комнат четвёртого этажа. Палец Джентри ласково коснулся спускового крючка. Он был уверен, что не промажет. Но где гарантии, что его мишень именно Попрыгун? Вдруг он держит на мушке какого-нибудь вусмерть перепуганного крючкотвора?

В оконном проёме показались чьи-то руки. Пальцы в перчатках ухватились за сколотые кирпичи. Джентри фыркнул, смахивая сбегавшую с намокших волос дождевую струйку. Он приподнял оружие на пару дюймов. Дуло револьвера безликим чёрным зрачком угрюмо смотрело вверх.

Вслед за руками на подоконнике оказался и сам виновник торжества. Ноги в чёрных сапогах ступили на широкий, опоясывающий здание по периметру карниз. Чёрный, напоминающий кожистые крылья летучей мыши плащ, шляпа-цилиндр, смазанные из-за расстояния и морозящего дождя черты лица. Но Джейсону не нужно было подходить вплотную, чтобы понять, кто вылез из развороченного окна. Джентри знал это ещё до того, как увидел его. Джек-Попрыгунчик собственной персоной. Палец Джейсона надавил на спусковой крючок.

«Кардинал» рявкнул, выплёвывая пулю. Едва уловимым для глаз движением Попрыгунчик отдёргнул голову и во все стороны полетели раздробленные куски кирпича. Джентри, чертыхаясь, выстрелил ещё раз и ещё. Бах! Бах! И оба раза промазал, точно зелёный студент, впервые в жизни взявшийся за пистолет. Немыслимо! Джек, стоя на карнизе, с невероятной скоростью укорачивался от пуль, как от брошенных детской рукой мячиков. Издав душераздирающий безумный хохот, Джек оттолкнулся от изрешечённой стены и... Прыгнул вниз!

Джентри глазам своим не верил. К слову, до сего момента он ни разу не видел вблизи маньяка, которого безуспешно разыскивал более двух лет. И все чудеса, приписываемые Попрыгунчику, инспектор вычитывал из донесений и между строк в газетных статьях. А теперь, пожалуйста, он на представлении в первом ряду! Спешите видеть. Вот только брат автограф на память у этого сумасшедшего фигляра Джентри не собирался.

Джек приземлился в двадцати шагах от попятившегося полицейского. Мягко присел, разведя руки, и тут же выпрямился во весь свой нешуточный рост. Ошарашенный Джейсон прикинул, что долговязый, в кожаном, до пят пальто преступник добрых семи футов ростом и нависает над ним как один из строящихся на Лонг-стрит десятиэтажных высотных домов. Едва ли не впервые в жизни инспектору захотелось оглянуться, дабы убедиться в надёжности тылов. Но способные прийти на помощь агенты находились за десятифутовой стеной. А Флеминг, как хороший агент, будет ждать положенного по плану времени. Нет, здесь, на заднем дворе, позади огромной кирпичной коробки четырёхэтажного здания они были совершенно одни. И в ближайшие несколько минут на помощь Джентри не придёт никто. Его люди следуют плану. Он сам отдал такой приказ.

– Стой, подними руки так, чтобы я их видел! – в неудобном костюме, жмущих пальцы туфлях, промокший и злой Джентри постарался, чтобы его голос звучал твёрдо и властно. Чёрта с два он испугался! Он контролирует ситуацию, а не этот маньяк. – Я сказал, руки вверх! Считаю до трёх или я буду вынужден стрелять на поражение!

По-хорошему, Джейсона так и подмывал всадить в Попрыгунчика оставшиеся четыре пули. Практически в упор. И будь Джек хоть трижды быстрее ветра, ему не уклониться. Размазать его к такой-то матери по замощённому каменной плиткой двору. Видит бог, Джек сто раз заслужил высшую меру... Но Джентри что-то останавливало. Да, он был полицейским и всегда соблюдал закон. Это была одна из причин его неподкупности. Он полицейский, а не сутяга. Но не стремление следовать букве закона останавливало Джейсона. И конечно, не жалость! Нечто иное. Этого ублюдка будет судить верховный суд. А Джентри приложит все усилия, чтобы приговор суда был наитягчайшим. А выстрелить... Выстрелить он всегда успеет.

– Инспектор Джентри...

Вот теперь Джейсон уже ушам своим не верил! Но ему не послышалось. Вкрадчивым, но жёстким, шуршащим наждачной бумагой по железу голосом Попрыгунчик обратился к нему.

– Инспектор... Наконец-то мы с вами встретились... Признаться, я долго ждал этого часа.

Джек глумливо закудаhtал, неспеша приближаясь к Джейсону. Он шёл вальяжной расслабленной походкой. Тяжёлые сапоги громко стучали подбитыми каблуками по плитке, Джек наклонил голову, сутулясь. Его руки, прячась в рукавах плаща, безвольно болтались вдоль тела.

– Стоять и не двигаться, – Джентри прикусил нижнюю губу. – Повторяю в последний раз...

– Иначе что? Убьёте меня? – маньяк хихикнул, словно заправский идиот. Он ещё ниже опустил голову, с полей высокого цилиндра стекала вода. – Инспектор, что же вы будете без меня делать? Я обеспечил вас хорошим развлечением, превратил вашу жизнь в нечто стоящее. Дал вам цель, стремление! А вы грозите мне своей игрушкой?

– Считаю до трёх, мразь, – Джейсон для пущей убедительности сделал шаг вперёд, сокращая расстояние к шагающему навстречу преступнику. Будь он проклят, если покажет Прыгуну, что испугался его.

– Я рад нашему знакомству, инспектор, – Джек, не замечая нацеленного на него ствола, протянул Джейсону длинную, как у орангутанга, руку. – Я так наслышан о вас...

Когда между ними осталось не более двух ярдов, Джек выпрямился и поднял голову. На Джейсона уставились выпуклые, круглые как у совы, глаза с багровыми прожилками и вертикальными зрачками. Худощавое лицо с запавшими щеками, острый крючковатый нос, курчавые бакенбарды, низкий скошенный лоб, мясистые, неприятные на вид губы, растягивающиеся в жуткой гримасе, обнажая неровные желтоватые зубы. Руки Джейсона, сжимающие рукоять «Кардинала», дрогнули и опустились. Он как прикованный не мог оторвать потрясённого взгляда от этих насмешливых, страшных, искрящихся безумием нечеловеческих глаз.

Джентри едва не прозевал молниеносный удар раскрытой ладони. Учтывая, что лапа Попрыгунчика габаритами не уступала лопате, инспектор вполне мог оказаться в нокауте. Джентри отшатнулся, поскользнулся на мокром камне и, падая, начал стрелять. «Кардинал» ожил, послушно взрѣывая. Джек совершил невероятный кульбит, уходя с линии поражения. Прыгнул гигантским зайцем в сторону, одним махом покрыв не мене восьми футов, пригнулся, затравленным зверем глядя на палящего с локтя полицейского, и, оттолкнувшись от земли кончиками одетых в перчатки пальцев, взмыл ввысь.

Джейсон вскочил на ноги одновременно с Джеком, оказавшимся на окружавшей задний дворик десятифутовой стене из красного кирпича. Со стороны улицы тут же раздались крики и ругань. Занявшие позиции за стеной полицейские вразнобой орали Попрыгунчику немедленно сдать.

– Джентри! – Джейсон обернулся. Увидел через распахнутую дверь чёрного хода, что к нему со всех ног бежит Флеминг, по-женски подоткнув длиннополую рясу. На пятки ругающемуся на чём свет стоит Моргану наступали давешние грузчики. Вот только в руках у них теперь были не ящики, а короткоствольные винтовки Вестерна.

Уверенно стоящий на гребне узкой стены Джек снисходительно посмотрел сверху вниз на торопливо перезаряжающего револьвер Джейсона. Инспектор старался избежать взгляда его выпученных глаз. Джейсона всего колотило. Нет, это невозможно, дьявол его раздери. Никто, ни одно существо в мире не смогло бы восемь раз подряд уйти от выпущенной им из «Кардинала» пули. И эти глаза... У человека не может быть ТАКИХ глаз.

– Стреляйте, стреляйте же, чёртовы идиоты, – хрипло прокаркал Джентри, взводя курок.

Двор вновь наполнился канонадой. Подоспевшие с Флемингом агенты открыли шквальный огонь из винтовок. Джек, не желая более рисковать, издевательски махнул Джентри на прощание шляпой и вприпрыжку помчался по стене. С обратной стороны на него обрушился ещё один свинцовый дождь. Джек добежал до изгиба, где стена заворачивала обратно к зданию, и кузнечиком сиганул вниз. Его встретил возбуждённый рѣв полицейских и панические вопли случайных прохожих. А над всей этой многоголосицей стоял издевательский утробный хохот веселящегося Попрыгунчика.

С таким тщанием выстроенная операция обернулась полным бардаком и стала совершенно неуправляемой. Джентри готов был выть в голос от бессилия. Ну уж нет, игра ещё не окончена. Инспектор засунул револьвер за пояс и, даже не оглянувшись на подбежавшего Флеминга, рванул к стене.

– Старший инспектор Джентри... – попробовал было возвать к голосу разума начальника Морган, но было уже поздно. Джейсон со всех ног подбежал к стене и, не сбавляя ходу, совершил достойный пантеры прыжок, ухватившись за краешек стены самыми кончиками пальцев.

– Переходим к плану «Б», – Флеминг в критических ситуациях умел соображать не хуже Джентри. Вооружённые винтовками агенты молча кинулись обратно в вестибюль. Морган последовал за ними. Среди всего прочего он хотел как можно скорее избавиться от этой дурацкой рясы.

Джейсон, скрипя зубами, карабкался как кот, вонзая носки чёртовых туфель в выщерблины между кирпичной кладкой. Подтянувшись, он перекинул ноги через стену, одну, другую и не думая о последствиях, спрыгнул с высоты десяти футов. На его счастье, под ногами оказалась мягкая и вязкая после дождя земля. Но всё равно ступни обожгло ядрёной крапивой. Упав, Джейсон несколько раз перекатился, гася инерцию и дивясь, что ничего себе не сломал, подорвался и стремглав кинулся вдогонку за уходившим вдаль по улице Попрыгунчиком.

Джека уже преследовало с полдюжины вооружённых переодетых агентов. Вся погоня выбралась на улицу Святой Марты. Джек резво, словно рысак, нёсся по проезжей части, вызывая удивленные и недоумевающие возгласы запрудивших проснувшуюся улицу прохожих.

– С дороги! С дороги, полиция! – размахивая оружием, агенты пробивали себе путь через толпу. Мелькали локти, стучали каблуки, в стылом воздухе витали крики и проклятия. Дождик опять прекратился (надолго ли?), но прохожие не торопились убирать зонты, из-за чего ещё больше осложняли полисменам преследование.

Там, где агенты вынуждены были проталкиваться и с руганью торить себе путь, Джек просто напросто взмывал в воздух и перепрыгивал изумлённо охающих горожан. И ещё это хитрец выбрал себе наиболее удобный путь. Он бежал по проезжей части, мастерски лавируя между дилижансами и паромобилями. Улица Святой Марты всегда, в любое время и погоду была оживлена и запружена транспортом. Попрыгунчик бежал наперегонки с повозками, каретами и машинами, видимо, наслаждаясь царящим вокруг хаосом. Ржали лошади, истошно гудели клаксоны, шипели предохранительные клапаны, сбрасывая излишки пара. Уже два или три раза только чудом не произошли аварии.

Джейсон быстро нагонял своих подчинённых. До прохожих, наконец, дошло, что происходит нечто из рода вон выходящее, и никто не горел желанием попасть под горячую руку разъярённых людей с ружьями и револьверами. Но гвалт поднялся, хоть святых выноси! Кто голосил, требуя вызвать полицию и пожарных, кто посылал все кары небесные на головы этих «чёртовых сумасшедших». Дамы в нарядных платьях и кокетливых дождевиках визжали, джентльмены в шляпах и котелках возмущённо роптали, несколько бездомных собак с радостным лаем присоединились к погоне. На землю полетели выбитые из рук неосторожных прохожих зонтики и сумки...

Представив, как всё ЭТО выглядит со стороны, Джейсон чуть не споткнулся. В ушах стучало, кровь раскалённой лавой прилила к лицу, в груди хрипело. Он выжимал из себя все силы. Если он не приволочет к комиссару закованного в наручники маньяка, за устроенный среди бела дня цирковой балаган ему так влетит, что мало не покажется. И поэтому Джейсон наподдал ещё. И ещё чуть-чуть. Он уже обогнал всех, находящихся в гораздо худшей форме, чем он, коллег, но... Джек уходил. У задыхающегося Джентри сложилось впечатление, что Прыгун опять-таки играет с ними. Захоти, он бы уже смылся. Ну что стоило ему запрыгнуть на крышу одного из высящихся по обеим сторонам дороги домов и затеряться?

– С-сука, – зло посипел Джентри, чувствуя, что несколько секунд назад проснувшееся в боку шило с каждым шагом колет всё больше и больше.

Камни мостовой под ногами были предательски скользкими. Джентри казался себе неуклюжей коровой на льду. Он бежал, стараясь держать заданный Попрыгунчиком темп. Рукоятка револьвера больно давила в живот, хрипы в груди стали напоминать шипение проколотой паромобильной шины. Джек нёсся на всех котлах по направлению движения уличного транспорта. Придерживая одной рукой цилиндр, чтобы не слетел, высоченный преступник то и дело оглядывался. Задыхающемуся Джейсону казалось, что даже с расстояния в пятьдесят ярдов он различает издевательскую, раздирающую рот от уха до уха ухмылку Попрыгунчика.

Все запрудившие тротуар горожане суматошно расступались, освобождая бегущему инспектору путь. Он миновал расположенную на перекрёстке заправочную водяную колонку для паровых машин, перебежал через дорогу, шуганул стаю пасущихся возле хлебной лавки откормленных голубей. Джек маячил впереди, не сбавляя хода. Он продолжал мчаться по улице Святой Марты, не сворачивая ни в один из периодически ответвляющихся в обе стороны проулков.

Да что же он творит такое, злобно думал Джейсон, смаргивая с ресниц бисеринки пота. Решил загнать его до смерти? Надо отдать маньяку должное, у него неплохо получается. Джентри чувствовал, что ещё несколько минут такой гонки, и он замертво рухнет на вмурованные в землю булыжники. Внезапно сквозь шум в ушах полицейский услышал за спиной влажное пыхтение и стрекот механизма, приводящего в движение колёса. Джейсон резко свернул с тротуара к проезжей части. Выбрасывая струю чадающего сизого дыма, по дороге со скоростью

двадцать миль в час ехал паровой омнибус. В отличие от конного, у этого вход был с боку, а сзади располагался паровой котёл.

Джентри не колебался ни секунды. Он рванул наперерез машине, в отчаянном прыжке заскочил на боковую подножку и каким-то невероятным образом успел, балансируя на одной ноге, схватиться за металлическую стойку. Внутри крытого одноярусного салона на жёстких лавках сидело с полдюжины человек. Пассажиры омнибуса все как один, разинув рты, уставились на нежданного гостя. Вцепившийся в рулевое колесо водитель повернул к Джейсону отчасти скрытое защитными очками небритое лицо.

– Гони вон за тем циркачом! – гаркнул Джентри, указывая свободной рукой в сторону Попрыгунчика. Джейсон крепко держался за стойку, переводя дыхание. Теперь не уйдёшь, сукин сын. Спина улепётывающего маньяка стремительно приближалась. В этот миг инспектор был готов расцеловать умельца, придумавшего такое чудо техники, как паровой омнибус.

– А ну немедленно слазь! – водитель дёрнул за шнур, вручную сбрасывая давление пара. Раздался оглушительный свист. Запряжённая в одноосную лёгкую повозку лошадь, поравнявшаяся с омнибусом на встречной полосе, с громким ржанием чуть не встала на дыбы. До инспектора донеслась матросская ругань и щёлканье бича возницы, пытающегося удержать повозку на дороге. Омнибус же, как ни в чём не бывало, продолжал лететь вперёд.

– Или плати за билет или уматывай к чёртовой матери! – голос водителя не предвещал ничего хорошего.

Джентри, мерзко улыбнувшись, достал из внутреннего кармана пиджака бронзовый жетон Империял-Ярда и помахал им над головой. Увидев в зеркале заднего обзора массивную бляху с бесстрастным лицом древней богини, водила резко потянул за рычаг заслонки, отсекая подачу пара в цилиндры. Омнибус с шипением начал останавливаться. Пассажиры сидели в гробовом молчании, решительно отказываясь понимать, что происходит. Хорошо, хоть без паники и криков. За это Джентри был им искренне благодарен.

– Да нет же, тупой идиот, я сказал – вперёд! – не сдержавшись, заорал Джентри. – Вперёд вон за тем высоким типом в плаще!

Бормоча что-то под нос, водитель потянул за другой рычаг и, дёрнувшись, машина вновь увеличила скорость. Джентри злодейски посмотрел на воющего с управлением омнибуса человека:

– Если мы не нагоним его, то я тебе такой штраф выпишу за превышение скорости в пределах городской черты, что ты у меня за руль в жизни больше не сядешь. А за нарушение инструкции пользования свистком ты прав лишишься на столько, что гарантировано успеешь увидеть своих внуков взрослыми.

Водитель опасливо втянул голову в плечи и потуже нахлобучил на лоб кожаную кепку с кокардой городского транспортного управления. Паровая машина помчалась по дороге прямо как выпущенная из лука стрела. Джейсон с наслаждением подставлял прохладному ветру разгорячённое долгим бегом лицо. Расстояние между Прыгуном и омнибусом стремительно сокращалось. Какими-бы там специальными примочками не пользовался Джек, тягаться в скорости с паровой машиной он был явно не в состоянии. Кстати, а за счёт чего же он сам так быстро бегает и как ухитряется прыгать на зависть кузнечикам? В кои-то веки Джентри задумался о технической стороне вопроса. Что у него – пружины в ботинках спрятаны что ли?

Подпрыгивающий на выбоинах омнибус уже фактически наезжал Попрыгунчику на пятки. Почуввав неладное, убегающий преступник оглянулся, и Джейсон приветливо показал ему свой жетон. Заросшее нечёсанными бакенбардами узкое хищное лицо Джека исказила гримаса ненависти. Ого, а это уже что-то новенькое, мрачно подумал Джейсон. До последнего момента Джек только и делал, что лыбился, а теперь гляньте-ка на него – посмурнел, дружище.

Джек резко взял вправо и выскочил на тротуар. Сбив в прыжке двух случайно подвернувшихся прохожих, маньяк глумливо захохотал. Схватив одного из упавших людей – одетого

в короткое пальто молодого парнишку в очках, судя по всему, спешащего на занятия студента, – Джек крикнул:

– Инспектор, у меня для тебя подарочек!

Ещё раньше, чем последние слова маньяка растаяли в сыром осеннем воздухе, Джентри прыгнул с подножки не сбавляющего скорости омнибуса и, едва не кувыркнувшись через голову, успел поймать брошенного точно спортивный снаряд вопящего студентика. Они оба упали навзничь. Лишь благодаря Джентри парнишка не улетел под колёса торопливо удаляющейся паровой машины.

– Живой? – Джейсон вскочил на ноги и потянул студента за рукав пальто. Тот, бледный, как не первой свежести покойник, молча кивнул, не в силах выдать ни слова. Не задерживаясь более, инспектор развернулся к внимательно наблюдающему за ним Джеку. Револьвер Джейсона целился прямо в лицо Прыгуна.

– Хочешь проверить, промахнусь ли я на этот раз?

– А вы упёртый, мистер Джентри, – выпуклые глазищи преступника одновременно мигнули как у гигантской совы. – Вы мне нравитесь. С вами намного интересней...

Вокруг инспектора и Джека образовалось пустое пространство. Порядочные граждане, явившиеся невольными свидетелями окончания погони боязливо разбежались кто куда.

– Кто ты? Кто ты такой, чёрт тебя дерит? – тихий голос Джентри едва не звенел от сковавшего его напряжения. «Кардинал» был готов выстрелить в любую секунду. Ладони инспектора на отделанной деревом рукоятке револьвера противно вспотели.

Попрыгунчик, идиотски посмеиваясь, пятился к огромной застеклённой витрине магазина готовой одежды, предлагающим огромный выбор платья состоятельным людям. Джек исподлобья косился на угрожающий ствол револьвера. Чёрный цилиндр его был надвинут по самые кустистые брови, ноздри крючковатого носа лихорадочно раздувались.

– Вы знаете, как меня зовут, – Джек довольно осклабился, обнажая крупные, как у лошади, желтоватые зубы. – Вы же сами дали мне имя, старший инспектор!

– Что ты? – Джентри не горел желанием вступать в бессмысленный спор с этим исчадием зла. – Что тебе нужно?

Попрыгунчик выглядел удивлённым.

– В чём дело, мистер Джентри? К чему все эти вопросы? Арестуйте меня, устройте допрос с пристрастием и выбейте из меня все интересующие вас показания! Ну же... Что вас останавливает?

– Ложись ничком, сложив руки за спиной, – процедил Джейсон, чувствуя себя жалким дилетантом, которого снисходительно поучает седой ветеран.

– О, эти ваши полицейские замашки... Они мне знакомы не понаслышке, инспектор.

Хриплый, дерущий слух своей неестественностью голос Джека зазвучал вкрадчиво, маслянисто, словно у хитрого торговца, предлагающего заведомо никудышный товар. На лице Джейсона ничего не отразилось. Ему был прекрасно знаком подобный ход, когда прижатый к стенке преступник намекает на то, что знает достаточно много, чтобы рассчитывать на определённые поблажки.

– Я сказал – лечь на землю, – Джентри, не моргнув и глазом, нажал на курок. Бум! Пуля с воем ушла в небо, едва не задев высокую тулью шляпы Попрыгунчика. Громкий выстрел разогнал последних, самых бесстрашных зевак, глазающих на бесплатное представление с безопасного расстояния. – Следующую пулю получишь в лоб. Хочешь рискнуть и узнать, кто быстрее?

– У вас ущербное чувство юмора, инспектор, – хихикнул Джек.

– Зато твоего хватает на десяток психов.

– Кстати о психах, инспектор... На что вы рассчитываете, поймав меня? Ну, получите медаль, почётную грамоту, благодарность Департамента... Возможно, мэр лично пожмёт вам

руку, а то и удостоитесь приёма у Министра... Но что будет со мной? Вы не задумывались о моей дальнейшей судьбе? И как это отразится на вашей?

Джек поднял вверх растопыренные длинные пальцы.

– Видите? Я безоружен. Арестуйте меня, я сдаюсь. Но что из этого выйдет? Вникаете? Вам – благодарности, а мне – уютная, оббитая мягким войлоком палата для особо опасных больных в сумасшедшем доме!

Джентри насторожился.

– Что за чушь ты несёшь?

– А вы и вправду подумали, что такого исключительного преступника, как я, будут судить обычными критериями? Я же полный, законченный псих! Инспектор, да вы же сами это признали несколько минут назад. Любой врач скажет, что меня лечить надо, а не сажать в тюрьму! Да здравствует наша замечательная правоохранительная система! У меня тоже есть права, инспектор. Видимо, вы забыли о такой малости... Ну так что, будете меня арестовывать? Или же предпочтёте убить безоружного, сдающегося на милость полиции преступника прямо на улице, на глазах у свидетелей?

Джентри был готов съесть собственные подштанники. А ведь прав, на сто процентов прав этот хитрый изворотливый подлый ублюдок. Если на суде будет присутствовать тот же широко известный в определённых кругах доктор Аткинс, то считай, что тёплое местечко в застенках лечебницы Мерсифэйт Попрыгунчику обеспечено. Ради такого пациента ушлый психиатр договорится с любым судьёй, и не важно, сколько преступлений будет доказано за Джеком. У Аткинса имелись нужные друзья в верхах и необходимые для менее сговорчивых рычаги. Джейсон судорожно сглотнул. Откровенно говоря – дело дрянь. И почему он не пристрелил его тогда, на заднем дворе Угольной конторы? Да потому что не смог! Потому что маньяк уделал его по всем статьям! Инспектору захотелось удариться головой о стену.

Стук колёс по камням мостовой, конское ржание и щёлканье бича, вспарывающего стылый воздух, вклинились в невесёлые думы Джентри. Запряжённая четвёркой красавцев-рысаков карета, как выпущенное из пушки ядро, мчалась по дороге, направляясь к заставшим друг напротив друга противникам. На козлах, рядом с кучером, сидел избавившийся от рясы Морган Флеминг с пистолетом наизготовку. В просторном салоне кареты находилось ещё шестеро вооружённых ружьями агентов. Кучер с силой натянул поводья, останавливая разгорячённых лошадей. Экипаж остановился за спиной стоявшего на обочине Джейсона.

Морган спрыгнул на землю и встал рядом с начальником. Из распахнувшихся дверей кареты высыпались как горох из стручка полицейские. Их вид не предвещал Джеку ничего хорошего.

– Долго вы добирались, – с укором сказал Джентри, не сводя с ухмыляющегося маньяка нацеленного револьвера.

– Заторы на дорогах, – Флеминг машинально поправил очки, снимая с предохранителя свой пистолет – новейший магазинный «Херцог» с обоймой на двенадцать патронов. По его сигналу шестёрка агентов заученно рассредоточилась на позициях, беря Джека в кольцо. – Вы здорово опередили нас. Ты на крыльях летел, что ли?

Джейсон кивнул, продолжая внимательно следить за Джеком. Прыгун успел поднять высокий воротник плаща, до половины скрывший хищное лицо и ещё ниже надвинуть цилиндр. Он словно ушёл в тень, из которой лишь сверкали совершенно дикие, на выкате, глаза. Которые, к слову, как бы уменьшились в размерах... Джейсону показалось, что он спит и видит дурной сон. Как Джеку удаются все эти фокусы?! Видя такое, поневоле поверишь во всякую чертовщину...

– Заболтался я с вами, ребята, – сказал Попрыгунчик, напрочь забыв о своих последних словах с предложениями о капитуляции. – Ещё увидимся, инспектор!

Без разбега и каких-либо дополнительных движений Джек свечой взмыл в воздух.

– Огонь! – заорал Джентри, первым нажимая на спусковой крючок.

Остальные опоздали на самую малость. К грохоту «Кардинала» присоединились визгливые нотки стреляющих винтовок и басовитый кашель «Херцога». Джек сделал в воздухе умопомрачительный пируэт, в гигантском прыжке перемахнул через полицейский экипаж и приземлился на другой стороне улицы. Ни одна из впопыхах выпущенных пуль не задела его. Затравленно заозиравшись, Джек вломился в первое оказавшееся на его пути здание, выбив входную дверь. За скрывшимся в чреве раскинувшегося на углу дома маньяком взметнулись полы чёрного плаща.

– Не стрелять! – Джейсон на ходу отдавал приказы. У него уже не было ни сил, ни времени на удивление. – Морган, перекроешь чёрный ход, возьми четверых. Остальные за мной.

Джентри перебежал через дорогу и подошёл к облюбованному Прыгуном зданию. Одноэтажное приземистое строение, с неказистым фасадом и без особых изысков. Видимо какой-то склад. Инспектор наступил на лежащую на земле толстую дверь, расколотую в нескольких местах, и вошёл внутрь. Полицейские с ружьями не отставали от него ни на шаг.

Внутри было темно, пыльно и холодно. Джентри втянул какой-то острый пряный запах. Просторное внутреннее помещение было почти до самого потолка заставлено грубо сколоченными поддонами с непонятно чем набитыми мешками. Зарешечённые окна были замазаны серой краской. Джейсон прищурился, пытаясь в царивших здесь сумерках разглядеть хоть что-нибудь. Один из полицейских зажёл предусмотрительно захваченный керосиновый фонарь. Жёлтое уверенное пламя торжествующе разогнало тьму, в углах огромной комнаты тут же зашевелились тени.

– Кажется, здесь никого нет, – сказал второй агент, водя винтовкой «вестерна» из стороны в сторону. – Он как сквозь землю провалился, ублюдок чёртов!

– Нужно найти чёрный ход, я голову даю на отсечение, что он попытается прорваться наружу, – Джейсон осторожно двигался вперёд. – За этим залом должен быть ещё комнаты...

Они прошли по центральному проходу между рядами поддонов, по секундно оглядываясь и скидывая оружие. Никто не хотел, чтобы Джек свалился на голову как нежданно-негаданный снег в мае. Джентри прислушивался к каждому шороху. Но, кроме с писком разбегающихся мышей, здесь никого не было. Наконец они упёрлись в спрятанную в глубине помещения дверь. Дверь была чуть приоткрыта. Выломанный замок валялся тут же на полу. Джентри опустил взгляд. Пол был истоптан так, словно здесь резвилась целая банда отплясывающих канкан подвыпивших матросов. В пыли, среди отпечатков множества следов их собственные ничем не выделялись. Чёрт! Здесь часто бывают гости...

Толкнув дверь рукой, инспектор отступил на шаг назад. Винтовки послушно выглядывали из-за его плеч. Дверь со скрипом отворилась. На пороге мелькнули чьи-то силуэты, послышался едва слышимый шёпот, замелькал приглушенный свет фонаря. У Джейсона едва не опустились руки, когда он понял, кто скрывается за дверью.

– Морган, это мы, – в голосе Джентри отчётливо звучало неверие. Куда, дьявол его забери, девался Попрыгунчик? Не мог же он в воздухе раствориться?!

– Джейсон? Джейсон, не вздумайте пальнуть! Это мы!..

В загромождённый издающими пряный аромат мешками зал торопливо вошли возглавляемые близоруко шурящимся Морганом полицейские. Некоторое время все в глубочайшем изумлении пялились друг на друга. Джейсон с трудом находил слова. Он хрипло сказал:

– Полагаю, у чёрного хода вы его не обнаружили...

– Сэр, дверь была заперта изнутри, – сказал один из агентов, Моррис. От него всё ещё за милю разило обильно пролитым на затасканную одежду дешёвым виски. – Нам пришлось её взламывать.

– Мы думали, что он до сих пор в главном зале, пока не увидели эту дверь, – Флеминг виновато развёл руками. – Джейсон, что происходит? Ты можешь мне объяснить, ради всего святого? Кого мы ловим, Виктора Стокера? Не мог же этот тип...

– Раствориться в воздухе... – Джейсон засунул револьвер за пояс. Его всего трясло. И отнюдь не от холода. Перед внутренним взором до сих пор стояли выпуклые, усеянные багровыми прожилками глаза Джека. Неестественно огромные, полные нечеловеческого безумия, с необычными вертикальными зрачками. Нечеловеческие глаза.

– Вызови группу Фрезера. Пусть здесь обнюхают каждый вонючий закуток, осмотрят каждый квадратный дюйм, просеют через решето каждую крупинку этой чёртовой пыли, но скажут мне, как он смог уйти от нас?!!

Глава 2

Под пристальным изучающим взглядом холодных голубых глаз Катрин Гиллрой Элен почувствовала себя совсем маленькой нашкодившей девочкой. Она живо вспомнила себя в детском возрасте, когда за бесконечные проказы то и дело попадала на ковёр к тогда ещё живой бабушке. Снова это чувство полной беспомощности, стыда, смущения и желания с головой спрятаться в какую-нибудь глубокую норку. Но если после череды выговоров и наставлений тон бабушки менялся, превращаясь из нарочито строгого в ласковый и насмешливый, то высокий, избавленный от эмоций голос миссис Гиллрой оставался студёным как зимняя стужа.

И глаза Катрин Гиллрой, так похожие на два ледяных кристалльных кусочка, не спешили оттаивать. Миссис Гиллрой была высокой худощавой женщиной, с тонкими холёными пальцами, идеально уложенной высокой причёской и породистым высокомерным лицом. Холодные голубые глаза, тонкий нос, бледные поджатые губы. Ни капли тепла, ни грамма сострадания во взгляде. Дорогое, изысканного покроя роскошное платье, золотые, украшенные сапфирами серьги, жемчужное кольцо, охватывающее высокую лебединую шею. Катрин походила на одну из придворных дам с когда-то виденной Элен в музее Средневекового искусства картины Моруа «Королева Беатрикс со свитой». Впрочем, с подобной осанкой и манерой держаться миссис Гиллрой с успехом подошла бы и на роль королевы. Элен совсем некстати подумала, что её голубоглазая хозяйка вполне смогла бы играть Беатрикс в новой постановке Вертонского Большого Театра.

– Милочка, вы меня слушаете? У меня сложилось впечатление, что вы игнорируете сказанные мною слова. Перестаньте витать в облаках. Не думала, что вы настолько легкомысленны, – Катрин холодно взглянула на Элен снизу вверх.

Девушка, вытянувшаяся в струнку перед сидевшей в кресле с высокой прямой спинкой миссис Гиллрой, покраснела. Она едва не опустила голову, судорожно вцепившись в сумочку обеими руками. Но что-то ей подсказало, что отведи она взор от пристальных, обжигающих холодом глаз этой женщины и всё закончится в ту же минуту. Она проиграет и получит отворот поворот. Нужно быть твёрже, сильнее. Такой же твёрдой и неуступчивой, как застывший в голубых глазах Катрин Гиллрой лёд.

– Прошу меня извинить, мадам, но я невольно отвлеклась. У вас очень красивый дом, и я имела неосторожность засмотреться. Я вас очень внимательно слушаю.

Несколько томительных секунд Катрин, не моргая, смотрела на Элен. Девушка стоически не отводила своих больших карих глаз. Она старалась выглядеть такой же невозмутимой, хотя внутри вся сжалась, словно в ожидании удара. Наконец бледные губы Катрин тронула тень лёгкой улыбки. Скорее даже намёка на улыбку. Элен сильно сомневалась, может ли эта женщина вообще улыбаться.

– Да, у нас красивый дом, милочка. Этот особняк – фамильное наследство моего мужа. Дом достался отцу Джеймса более сорока лет назад. И с тех пор он служит надёжным убежищем нашей семье. А как живёте вы, мисс Харт? У вас большой дом?

Элен опешила. Она совсем не ожидала подобного поворота разговора. Обычно у нанимающихся в услужение девушек хозяева не интересуются их жилищными условиями. Странно.

– Простите, миссис Гиллрой, – девушка медлила, подбирая слова. – Я из обычной рабочей семьи, и наш дом ну никак не может сравниться с вашим. Мы отнюдь не богаты...

– Ещё бы, милочка, иначе ты бы не стояла сейчас передо мной в моём доме, – Катрин изогнула тонкую выщипленную бровь. Элен, глядя на неё, подумала, что вся эта высокомерная холёная женщина какая-то... тонкая. Тонкая в кости, тонкая талия, тонкие губы, нос, брови. Поймав холодный взгляд льдисто-голубых глаз, девушка окончательно смутилась. – Мне хочется знать, как ты живёшь, дитя. Я должна знать о тебе как можно больше. На опреде-

лённое время ты станешь частью МОЕГО дома и будешь вынуждена следовать установленным в нём правилам. И мне необходимо знать твоё отношение к домашнему быту. А ничто не скажет о человеке больше, чем ЕГО дом. Но поскольку я лишена возможности лично увидеть твой дом, ты сама мне всё расскажешь. И учти, я сразу распознаю ложь.

Элен с трудом проглотила вставший в горле противный комок. Внезапно она ощутила себя в этой шикарной, великолепно обставленной дорогой мебелью, освещённой электрическими лампами гостиной, согреваемой огромным пышущим камином, невзрачной серой мышкой. Она, вполне заурядная девушка из обычной семьи, каких тысячи, в простенькой одежде, стояла на толстеном ворсистом ковре под неумолимым взором властной хозяйки этого старинного особняка и краснела как вызванная к доске нерадивая школьница, не выучившая урок.

– Ну... Мы живём в Фабричном районе, на улице Шестерёнок. Почти в самом конце... дальше начинается Портовый район. Когда ветер дует с запада, он приносит запахи Магны...

– Полагаю, не самые приятные.

– Когда как, миссис Гиллрой. Всё зависит от времени года. В разгар сезона рыбной ловли с Пирсов несёт, конечно, не очень...

– Портовый район... Пирсы. Получается, ты живёшь на западной окраине города.

– Да, мэ. Нам повезло, что основное скопление фабрик и заводов находится в стороне от нашей улицы. Иначе бы было невозможно спать от постоянного гула и грохота всех этих машин. А так до нас доносятся лишь отдалённые звуки. Поверьте, они работают и днём, и ночью, безостановочно! И люди так же вынуждены работать наравне с механизмами в три смены...

– Ты описываешь довольно-таки неблагоприятное место для обитания. Я бы не хотела жить в твоём районе. От постоянного шума у меня сразу бы разыгралась мигрень.

Элен позволила себе пожать плечами:

– Мы привыкли, миссис Гиллрой. Когда рождаешься и живёшь среди этого нескончаемого грохота, поневоле привыкаешь и перестаёшь обращать на него внимание. Единственное, к чему нельзя привыкнуть, это к выхлопам, к дыму из фабричных труб. В ветреную погоду дым сносит к Магне и дальше к морю. Но когда стоит штиль, весь этот смог раскидывается над районом подобно удушающему одеялу. И тогда запахи, прилетающие с реки, начинают казаться ароматами дорогих духов!

Катрин взяла с низенького столика, вырезанного из редчайшего чёрного дуба, спицы, пряжу и, не спуская с девушки внимательного взора, принялась за работу. Спицы ожившими молниями замелькали в её тонких пальцах с идеально наманикюренными розовыми ногтями. Элен решила, что при удачном раскладе у миссис Гиллрой должно получиться что-то вроде шарфа. И судя по ожесточённому стуку без усталости порхающих спиц, сноровки хозяйке дома было не занимать.

Элен перехватила сумочку двумя руками и несмело продолжила:

– Наш дом почти ничем не отличается от остальных на улице Шестерёнок. Один этаж, сложен из кирпича. Крышу папа уже несколько раз чинил. На самом верху флюгер в виде вставшего на дыбы единорога. В нашем районе почти каждый дом украшен флюгерами... И если специально обратить внимание, то видно, что все дома утыканы молниеотводами, как ежик иголками. Наш дом не большой, но у меня есть своя комната. Дом у нас ухоженный и чистый. Мама всегда следит за порядком. Раньше с нами жила бабушка, но она умерла три года назад. И теперь в её комнате мама устроила мастерскую по шитью. Она замечательно умеет чинить одежду, правда!

– Должно быть, она работает в «Марго и Маргарита»? – саркастически усмехнулась Катрин, не прекращая стучать спицами.

Элен была готова сквозь землю провалиться, услышав название самой известного и дорогого ателье в городе.

– Нет, мэм. Она шьёт на дому. С тех пор как маму уволили с завода, она занимается починкой одежды.

– Уволили? Интересно, милочка, очень интересно... За что выгнали твою мать?

Элен постаралась взять себя в руки и отвечать всё так же учтиво. Но в голосе её прорезались твёрдые стальные нотки. Она не позволит Катрин, не смотря на её деньги и положение в обществе, смеяться над нею и её семьёй. И опять, Элен показалось, что она снова выбрала исключительно правильное поведение при разговоре с этой женщиной.

– Маму никто не выгонял. То есть её уволили, равно как и нескольких других рабочих. Но это было плановое сокращение, связанное с тем, что в производство ввели новую паровую машину. Этот монстр оказался способен заменить дюжину человек!

– Скоро современные машины окончательно вытеснят труд человека, и надобность в рабочих руках отпадёт, – назидательно сказала Катрин.

– Но что же тогда будет со всеми уволенными?.. На что будут жить все, потерявшие работу люди? – Элен поражённо смотрела на Катрин, спокойно рассуждающую о том, что машины заменят людей. – Начнётся безработица, голод!

– Люди живучие твари, а бедняки в особенности. Не волнуйся, дитя, на наш с тобой век ещё хватит всех этих замызганных трудяг, вкальвающих по три смены. Я говорю о будущем. Впрочем, государство способно позаботится о своих гражданах. Ты как считаешь?

Поражённая способностью Катрин с абсолютной невозмутимостью менять темы разговора, перескакивая с одной на другую, Элен растерялась.

– Я... Я не сильна в политике, мэм.

– Не бери в голову, милочка. А чем занимается твой отец?

– Он один из тех замызганных трудяг, кто вынужден каждый день вставать в шесть утра и идти на работу на одну из фабрик, чтобы прокормить семью, – глухо сказала девушка. Она уже начала жалеть, что попала на это объявление в газете. В конце концов, можно было поискать и другие вакансии, благо потребность состоятельных господ в прислуге, няньках и сиделках никогда не уменьшалась.

– Что ж, в принципе, мне всё стало более-менее понятно, – Катрин со вздохом отложила вязание и взяла с того же столика небольшой серебряный колокольчик на короткой, искрящейся в желтоватом свете электрической люстры цепочке. – Присаживайся, дитя, в ногах правды нет. У нас ещё будет время потрепаться, как старым добрым подругам.

– Это значит, что я принята, миссис Гиллрой? – опустившись на самый краешек второго кресла, спросила Элен. Девушка уже и не знала, радоваться ей или огорчаться. С одной стороны, возможность заработать, безусловно, очень радовала, с другой придётся мириться с тяжёлым и стервозным характером хозяйки. И ещё неизвестно, что из себя представляет мистер Гиллрой. А вдруг он сноб под стать супруге? У Элен голова пошла кругом от разом выросших на пустом месте вопросов.

Катрин потрясла колокольчик, отозвавшийся чистым звонким голосом.

– Думаю, ты не откажешься от чашки крепкого чёрного чая, – Катрин не спрашивала, она утверждала. И Элен ничего не оставалось, как кивнуть. Она находилась в этом доме уже более часа и успела понять одну вещь – Катрин Гиллрой лучше не перечить.

– Замечательное выдалось утро, не находишь? – Катрин поставила колокольчик на стол и расправила оборки длинного тёмно-синего платья – Особенно после вчерашней мерзкой дождливой погоды. Ненавижу слякоть. От осенней сырости у меня начинают ныть кости. Я уже далеко не так молода, как хотелось бы...

– Вы прекрасно выглядите, мэм, – Элен вовремя сообразила заполнить возникшую в реплике Катрин пустоту нужными словами.

– Ах, дитя моё! – женщина притворно закатила глаза. – Сколько тебе лет? Не больше двадцати, верно?

– Девятнадцать.

– Превосходный возраст, превосходный! Я в свои сорок шесть кажусь себе старой изломанной клячей. Но только, чур, это между нами, – Катрин, чуть наклонившись вперёд, заговорщицки подмигнула Элен холодным бесстрастным взглядом. – Даже мой муж не знает, сколько мне лет.

Элен словно примёрзла к сидению кресла, боясь пошевелиться. Она не знала, как отреагировать на очередную откровенность Катрин. На её счастье, миссис Гиллрой успокаивающе усмехнулась:

– Я пошутила, милочка. Джеймс знает обо мне всё. Даже то, что ему знать и не надо. У тебя есть братья или сёстры?

Облегчённо выдохнув, Элен торопливо сказала:

– Да, у меня есть младший братишка, мэм. Тони всего восемь лет.

– О-о-о, ну, тогда тебе будет привычно в своём новом амплуа. Ты же никогда не работала нянькой, не так ли?

– Не приходилось, мэм. Но я уверена, что справлюсь. У меня есть опыт работы горничной, сиделки. Я не боюсь трудностей. Вы же наверняка читали мои рекомендательные письма...

Катрин небрежно отмахнулась:

– Боже, дитя, уволь меня от этих бумажек. Я вижу людей насквозь и безо всяких рекомендаций. Мне достаточно посмотреть тебе в глаза, чтобы сказать, что хорошие рекомендации ты получила именно за свою работу, а не за то, что вовремя раздвинула ножки ради пары необходимых подписей.

Густо покраснев, Элен не знала, куда деть руки. На счастье девушки, прерывая неприятный для неё разговор, в гостиную степенной и важной походкой вошёл дворецкий. Именно он открывал Элен дверь, когда она набралась духу постучать в оббитое кованым железом тёмное дерево. Дворецкий внушал трепет одним своим видом. Высокий, сухопарый, в безукоризненно отутюженной ливрее, с тщательно зачесанными назад седыми волосами, невозмутимым выражением на испещрённой морщинами, словно вырубленной из камня физиономии. Пенсне в левом глазу, начищенные до блеска туфли, белые перчатки. По мнению Элен, дворецкий Гиллроев был достоин службы в королевском дворце.

– Знакомься, дитя. Уильям Шатнер, наш старый и верный слуга. Он начинал работать ещё у отца Джеймса. Уилл – наша волшебная палочка-выручалочка. Даже не знаю, чтобы мы без него делали. Во многих вопросах он просто незаменим...

Дворецкий изобразил вежливый поклон в сторону Элен. Девушка привстала, вежливо улыбаясь. На старческом лице Шатнера не отразилось и тени эмоций. Улыбка Элен погасла сама собой. Они тут что, все стоворились что ли?

– Но, к сожалению, Уилл совсем не умеет ладить с детьми. И кроме того, у него куча других постоянных забот. На его плечах лежит всё хозяйство, весь дом.

– Я заметила, что у вас мало прислуги, мэм.

– Собственно, Уильям наш единственный слуга. Но не переживай, дитя. Заверяю, тебе не придётся стряпать на кухне и подметать полы. Твоя забота – это исключительно присмотр за моими шалопаями. Со всем остальным прекрасно справляется Уильям.

– Так я принята, мэм? – Элен осмелилась во второй раз задать один и тот же вопрос.

– Ну разумеется! Я разве не сказала тебе? Не заставляй меня думать, что ты непроходима глупа и невнимательна! Так вот... На чём я остановилась? Ах, на этих несносных детках. Сю и Том наши поздние отпрыски. Они двойняшки и, когда вместе, способны снести стены. И мне всё тяжелее с ними управляться. Они такие сорванцы. Ты будешь присматривать за ними шесть дней в неделю. Всё время, кроме того, что у них будут отнимать школьные занятия. Вы будете гулять вместе, учить с ними уроки, кормить их, укладывать спать и прочее. В свой законный выходной, мисс Харт, вы вольны делать всё, что не пожелаете. Можете отдохнуть, навестить

родителей, или сбежать на свидание к своему воздыхателю... Не надо краснеть, дитя, полноте. Я в жизнь не поверю, что у такой красивой и видной девушки нет кавалера.

Элен закусила изнутри щёку. Она не собиралась разубеждать хозяйку в её предвзятых домыслах. У Элен действительно никого не было.

– Уилл, принеси нам с Элен свежего чаю. Завари, пожалуйста, покрепче. Хороший чай с утра придаёт бодрости и заряжает на целый день отличным настроением. Уверяю тебя, милочка, ты в жизни не пробовала такого чая, как готовит Уильям. Это тебе не пыль с заводов Фабьена, а натуральный привоз с плантаций Сарготы.

Катрин снисходительно улыбнулась. Невольно вздрогнув, Элен сравнила её улыбку с волчьим оскалом. Коротко поклонившись, дворецкий вышел из гостиной, бесшумно ступая по ковру так, что Элен только диву далась. Если он захочет подкрасться к тебе со спины, ты и услышать его не сможешь. Против воли девушка покрылась мурашками.

– У нас с Джеймсом есть ещё один ребёнок. Наш старший сын Стефан. Он давно взрослый, так что о нём тебе не придётся волноваться. Он моя головная боль.

– Молодым господам свойственна вольная жизнь, – понимающе кивнула Элен. – Смею заверить, что я не буду беспокоить вашего сына и не дам ни малейшего повода для, хм, волнений.

– О чём ты говоришь, дитя? – Катрин недоумённо воззрилась на девушку, словно только что её увидела. – Ты думаешь, проблема кроется в разгульном образе жизни Стефана? Считаешь, что он волочится за каждой юбкой и будет приставать к тебе? Думаешь, что мой сын – богатенький повеса, обожающий транжирить отцовские деньги и доводить мать до белого каления?

Элен была готова сквозь землю провалиться, мысленно кляня себя последними словами. Господи, ну что она за дура! Ну почему она всё никак не научится вовремя прикусывать свой длинный язычок!

Катрин откинулась на спинку кресла и отстранённо сказала:

– Ты знаешь, я бы полжизни отдала, чтобы так всё и оказалась. Я была бы безумно счастлива, будь мой сын молодым бестолковым оболтусом, чьей главной проблемой был бы выбор очередной потаскушки на одну ночь. Увы, Стефан не такой.

– Простите, мэм, я не понимаю...

– Стефан идиот, – сказала, как припечатала Катрин. – Мой старший сын – умственно отсталый.

Элен опустила глаза, пытаясь собраться с разбегающимися, как стадо перепуганных овец, мыслями.

– Ради всего святого простите меня, миссис Гиллрой, – едва слышно шепнула Элен, старясь не глядеть на хозяйку дома.

Катрин прикоснулась кончиками пальцев к светло-золотистым волосам, поправляя безукоризненно уложенную причёску.

– Это далеко не секрет. В любом случае ты бы узнала об этой маленькой проблеме нашей семьи. Так пусть лучше о недуге моего сына скажу тебе я. Согласить, что встретив его, и не зная всей подноготной, ты бы попала в крайне неприятную ситуацию!

– Да, мэм.

– Да говори ты погромче! Господи, милочка!.. Можно подумать, ты кровно оскорбила меня. Не бойся, я не урежу тебе зарплату, – женщина издала негромкий смешок. Её льдистые голубые глаза пристально изучали потупившуюся Элен. – Ты как раскрытая книга, дитя. Вся на ладони. Я вижу всё, о чём ты думаешь. У тебя такое чистое невинное неиспорченное лицо...

Стефан не всегда был... хм, таким, как сейчас. Он рос вполне себе воспитанным и всесторонне развитым мальчиком. Но в один не самый благостный день он резко изменился. Из заме-

чательного юноши мой сын в одночасье превратился в недалёкого, вернувшегося назад в детство идиота...

В жёстком твёрдом голосе Катрин прозвучала давно накипевшая горечь.

– Представляешь? Моего сына словно подменили. Он лёг спать одним, а проснулся совершенно другим человеком. Мой сын за одну ночь лишился рассудка. Самые лучшие доктора до сих пор не могут понять, как это произошло. Эти жалкие недалёкие тупицы! Они ничем не умнее Стефана! Коновалы. Думают, я не знаю, как покупаются дипломы и пишутся научные диссертации?..

Против воли на глазах девушки выступили слёзы. Отчего-то Элен до давящей в груди боли стало жалко этого несчастного паренька. Она ни разу не видела его, только сейчас узнала о его существовании, но не могла сдержаться.

– Можно спросить, миссис Гиллрой?

– Спрашивай, дитя, – Катрин приняла невозмутимый и скучающий вид. Напротив Элен вновь сидела властная холодная женщина, закованная в доспехи высокомерия и превосходства.

– Сколько лет Стефану, мэм? – Элен сморгнула с густых ресниц слёзы.

– Двадцать шесть. Месяц назад мы отпраздновали его день рождения. Стефан очень обрадовался торту и подаркам, ты бы видела!.. Он сошёл с ума шесть лет тому назад. Видишь, мой сын был немногим старше тебя, когда на его бедную голову обрушилась эта кара. Шесть лет. Шесть! А мы всё ещё не знаем, чем ему помочь. И никто не знает. Сейчас Стефана взялся лечить доктор Аткинс. Наверняка ты слышала о нём. Ведущий психиатр, очень толковый специалист. Он лучший в своей области. Но даже он затрудняется пока сделать какие-либо выводы. Абрахам предлагал поместить моего сына в лечебницу, но я не позволила. Представляешь, мой сын, мой бедный Стефан в застенках Мерсифэйт! В этих ужасных нечеловеческих условиях!..

Прерывая Катрин, в гостиную вошёл дворецкий. Он бережно держал обеими руками серебряный поднос с чайными принадлежностями. Аккуратно поставив поднос на столик, старик откланялся и так же бесшумно и молча вышел. Элен заело любопытство. Уж не глухонемой ли он часом? За всё проведённое время в доме Гиллроев она не услышала от седовласого дворецкого ни словечка. Спросить же напрямую у Катрин девушка застеснялась. Она и так за это утро наговорила достаточно глупостей.

Катрин разлила по изящным фарфоровым чашкам парующий ароматный чай. Чайный сервиз по самым скромным прикидкам Элен стоил больше, чем отец зарабатывал на фабрике за месяц.

– Ну же, попробуй, милочка. Это крупнолистовой «Раджа», а не какой-нибудь суррогат из Портового района.

– С вашего позволения, мэм, – Элен взяла чашку с горячим напитком. Пахло изумительно. На вкус оказалось ничуть не хуже. Обжигаясь, под насмешливым прищуром холодных голубых глаз, Элен сделала несколько мелких глотков. – Очень вкусно, миссис Гиллрой. Спасибо.

– Не спеши. Этим чаем надо наслаждаться. Каждым вдохом его аромата и каждым глотком. Допивай и мы пойдём знакомиться с детьми.

– Так быстро?

– А к чему тянуть время? В обед я вызову дилижанс, съездишь домой собрать вещи. Уже начиная с сегодняшней ночи ты будешь жить у нас.

Элен поставила наполовину опустевшую чашку на поднос. Ей не очень хотелось такого быстрого развития событий. Катрин отдавала распоряжения, даже не интересуясь её мнением. Она единолично решала все вопросы, как будто Элен была её собственностью. Элен рассчитывала в случае удачного исхода назначенной в особняке Гиллроев встречи, по крайней мере, этот вечер провести дома с семьёй за ужином. Что ж, видимо, её планам сбыться не суждено.

Отказывать миссис Гиллрой в данном случае было крайне нежелательно. Девушка постаралась скрыть огорчение. Но от пронзительного взгляда Катрин скрыться было совсем нелегко.

– Что-то не так, милочка? Ты вся изменилась в лице. Какие-то проблемы?

– О нет, что вы, мэм, – Элен заставила себя безмятежно улыбнуться. Аромат чая уже не казался ей таким восхитительным. – Просто это всё так неожиданно для меня... Я всего лишь немного растерялась, мэм.

– Привыкай, дорогая, – Катрин двусмысленно усмехнулась. – У тебя начинается новая жизнь.

За несколько месяцев до описываемых событий...

...Раскаты грома сотрясали чёрное ночное небо. Низкий плотный фронт угрожающе надувшихся туч стелился над самой землёй. В наполненных вот-вот готовой пролиться водой гигантских бурдюках ярко сверкали ослепительно белые всполохи. Иногда из набухающих туч вырывалась гигантская ветвистая молния, на доли секунды превращая непроглядную ночь в сумрачный день.

Погода словно сошла с ума, явно задавшись целью обрушить на землю всю свою ужасающую мощь. Стихия расходилась не на шутку. Холодный студёный воздух был наэлектризован и пропитан запахом озона, жгучие хлёткие порывы ветра завывали в деревьях, тревожа их голые скрипучие кроны. Стали срываться первые капли дождя. Крупные, ледяные, готовые перерасти в чудовищный шквал исторгаемого разгневавшимися небесами ливня.

Громыхнуло особенно сильно, небо расколола колоссальная молния, осветив высившийся на скалистой возвышенности, поросшей жухлой, истерзанной только-только закончившейся зимой травой огромное строение из серого камня. Мрачная средневековая архитектура. Башенки, узкие окна-бойницы, забранные решётками, крытые замшелой черепицей многочисленные скаты крыши, неприступные стены. Молния ударила совсем рядом, вырисовывая скрытые тьмой подробности: тянущуюся по периметру здания ограду из высокой кованой решётки, силуэты множества толпящихся вокруг деревьев, ворота, ведущую к входным дверям домины тропинку.

Капли дождя с дробным стуком лупили по крыше угрюмого особняка с чёрными зеркалами окон без единого живого огонька. Казалось, что этот огромный, выстроенный сотни лет назад дом-крепость необитаем. Но это впечатление было обманчивым. И пусть старинное здание казалось погружённым в сон, в его недрах, самых глубоких и невидимых для посторонних глаз, в этот поздний полуночный час кипела жизнь.

Толстые каменные стены и сотни тонн грунта не пропускали изнутри ни звука, глуша любые крики. И поэтому никто не слышал истошных, разносящихся из-под земли воплей...

Погружённый в полумрак коридор наполнился звуками торопливых шагов. По каменной, высеченной в скальном основании здания кишке торопливо шли два человека. Две тёмные фигуры, практически неотличимые в темноте подземных казематов, отличающиеся только ростом. Один высокий, другой почти на полфута ниже. Можно сказать, они бежали, а их шаги рождали в каменных стенах звонкое эхо. Над головами спешащих людей через равные промежутки свисали горящие в вполнекала упрятанные в зарешечённые колпаки гудящие электрические лампочки. Чёрные суматошные тени неотрывно следовали за ними.

Новый истошный вопль, сильнее прежних, огласил закруглённые своды коридора, многократно усиливаясь и резко обрываясь на пике.

Один из людей, высокий, ускорил шаг. Подкованные каблуки его туфель выбивали из каменного пола дробный стук. Его низкорослому спутнику пришлось поднажать, чтобы не отстать.

– Она так орёт уже полчаса... Я ничего не мог сделать, сэр!.. Она не слушает меня...

– Почему мне раньше ничего не сказали? Так тяжело было подняться наверх? – безжалостно оборвал сбивчивые лепетания высокий, не сбавляя шага. – Ты же знаешь, что следует делать в таких случаях, Курт! Или от долгого сиденья на одном месте у тебя мозги совсем высохли?

– Сэр, я и подумать не мог, что это настолько затянется! Сэр!.. Она же и раньше вела себя беспокойно. Бывало, что и орала как резанная. Вы же сами знаете!..

– Но не в течение же получаса! – огрызнулся высокий, раздражённо размахивая руками. – Она что-нибудь говорила?

– Нет-нет, сэр, я бы точно запомнил! Она только орёт как припадочная, – зачастил Курт, почтительно держась за спиной явно разозлённого собеседника. – Признаться, я сразу заподозрил, что дело неладно, но не хотел лишний раз вас тревожить. У вас выдался и так тяжёлый день. Я не хотел беспокоить вас по пустякам. Я думал... Думал, что она покричит да успокоится. Но она всё орала и орала, и я больше не мог...

Коридор плавно повернул направо, продолжаясь ещё на добрую сотню футов. Вокруг идущих людей почти ничего не изменилось. Те же каменные стены, гулкое эхо, тусклое освещение, низкий давящий потолок, сырость и тянущийся под ногами сквозняк. Единственным отличием были вмурованные в стены по обе стороны коридора двери. Всего их было четыре. Две с одной стороны, две с другой. Все массивные, из морённого дуба, с забранными толстыми железными прутьями окошками. И все запёртые на мощные стальные засовы. Подземная сырость немилосердно обходила с металлом, и поэтому петли дверей и засовы регулярно проверялись, чистились от ржавчины и смазывались.

– Впредь заруби себе на носу, что не стоит выжидать тридцать минут, боясь оторвать свой зад от насиженного места, а позвать меня! – высокий был полон нескрываемого раздражения. От быстрой ходьбы полы длинного расстёгнутого сюртука развивались за ним словно крылья огромной ночной птицы. – Ещё одно нарушение инструкций, Курт, и ты крепко пожалеешь о своей нерасторопности...

Новый вопль, звучащий уже намного ближе и от того более живой и пронзительный, хлёстко ударил по ушам. Курт невольно зажмурился и пробормотал вполголоса:

– Господи Иисусе, да её как будто кто невидимый на части режет... Как можно так орать?

– Как только войдём к ней, не вздумай и слова выдавить, понял? – высокий торопливо зашарил по карманам. – Стой у меня за спиной и держи свой рот на замке. Ясно?

– Я всё понял, сэр. Я буду нем как рыба! – Курт почти не скрывал своего облегчения. Кажется, опасность миновала. Чем ближе они подходили к источнику душераздирающих воплей, тем собраннее и спокойнее становился его хозяин.

Они остановились в самом конце коридора, в тупике. Напротив, них, из темноты, выросла дверь, означая конец пути. Прямо над дверью в таком же решётчатом колпаке находилась лампочка. Перегоревшая. Курт молча закатил глаза.

– Смотрю, у тебя очень мало свободного времени, – процедил высокий, отходя в сторону.

– Клянусь всеми святыми, сэр, эта чёртова лампочка ещё несколько минут назад горела. Должно быть от её криков наверху...

Курт достал из внутреннего кармана куртки связку бряцающих ключей и с некоторой опаской приблизился к двери. В отличие от всех встреченных ими ранее, эта дверь была целиком и полностью из потемневшего железа, усиленная приклёпанными стальными полосами, с врезным замком вместо обычного засова. И в этой двери не было окошка.

Вставив длинный, с многочисленными зубчиками ключ в замочную скважину, Курт несколько раз провернул его. Замок звонко щёлкнул в воцарившейся после очередного раздавшегося из-за двери вопля зыбкой тишине.

Высокий чуть ли не за шиворот оттащил загораживающему ему проход Курта и взялся за прикрученную к двери железную скобу-ручку. Звякающий ключами Курт торопливо отскокил на несколько шагов.

– Пожалуй, останешься здесь. И смотри мне, не вздумай и пикнуть. Чтобы не случилось, не суй внутрь своего носа. Понял? – обернувшись, хозяин давал ему последние наставления. – Я поговорю с ней наедине.

– Я всё понял, сэр, можете не волноваться. Я буду здесь, и если вам что-то понадобится, только позовите, – Курт вытащил скомканный носовой платок и вытер покрывшийся испариной лоб. И невооружённым взглядом было видно, что он на все сто поддерживает мудрое решение начальства. Входить следом за патроном у него не было ни малейшего желания.

Высокий потянул дверь на себя и переступил через порог. Послушно повернувшись на хорошо смазанных петлях, дверь лязгнула за его спиной, становясь на место. Высокий человек в длиннополом сюртуке какое-то время стоял за порогом, давая глазам привыкнуть к разлитому внутри комнаты полумраку. Под потолком вполнекала горела маленькая лампочка, идентичная тем, что были в коридоре. И её света едва хватало, чтобы освещать крайне скудную обстановку скрытого за железной дверью помещения. Вообще, стоит назвать эту комнату камерой. Ибо она почти ничем не отличалась от тюремных застенков. Небольшая, всего-то шагов пять в длину и ширину, с зарешечённой отдушиной под потолком, без окон. Шершавые каменные стены, каменный пол, в дальнем углу отгороженное невысокой стенкой из кирпича отхожее место. У стены топчан с брошенным поверх матрацем. Рядом привинченный к полу железный стол. На расстоянии, достаточном, чтобы поместился средней комплекции человек, был так же прикручен к полу железный стул. На сидение стула виднелся продавленный тюфячок. Больше обстановка камеры ничем похвастать не могла.

Несмотря на глубину и окружающий стылый камень, внутри не было холодно. Под потолком, рядом с отдушиной, располагалось ещё одно вырубленное в стене отверстие, забранное толстыми прутьями. Из него внутрь поступал тёплый воздух.

Последним элементом здешнего убранства было вмурованное в стену напротив двери стальное кольцо. От кольца отходила тонкая длинная цепочка из неподдающихся коррозии сплавов. Цепь вела к зашторенному клубящимися тенями топчану.

Если присмотреться, то становилось понятным, что на матраце кто-то был. Какой-то неясный, сливающийся с полумраком силуэт, напоминающий очертаниями скорчившуюся человеческую фигуру.

Зашедший в камеру человек приблизился к топчану. Оттуда доносилось тяжёлое дыхание, прерывистые всхлипывания, плохо различимое бормотание.

«Хорошо хоть, что она перестала кричать», подумал высокий, взглядываясь в тени. До него донёлся плотный, бьющий в нос запах сто лет не мытого тела. Но он даже не поморщился. В бытность своей деятельности высокому доводилось вдыхать ароматы и похлеще.

– Фрея, – тихо позвал высокий, стараясь вложить в голос как можно больше теплоты и участия. – Фрея, мне сказали, что ты кричала. Что случилось? Ты что-то видела? Или это был всего лишь сон? Тебе опять приснился кошмар?

Скорчившаяся на матраце фигурка пошевелилась, негромко звякнула цепочка. Всхлипывания прекратились, осталось одно учащённое дыхание. Высокий терпеливо ждал. Он прекрасно знал, как себя с ней вести. Знал, когда нужно проявить выдержку, а когда и быть более настойчивым. Сейчас был определён первый случай. После истерики, что она закатила, её нельзя напугать. От страха она может всё забыть. Перестанет различать видения и явь. И тогда от её слов не будет никакого проку.

Цепочка повторно звякнула. Звенья пришли в движения, словно бегущий серебристый ручеёк. Фигура переменяла позу и выпрямилась. С топчана свесились две босые грязные ноги, попадая в неверный круг света, отбрасываемого тускло горящей лампочкой. Вокруг одной

из тонких лодыжек был застёгнут широкий металлический обруч с подкладкой из мягкой кожи. Цепочка вела именно к этому обручу.

Присмотревшись к её худым грязным ногам, высокий почувствовал досаду. Так не пойдёт. Он любил их всех. Заботился о них. И о Фрее больше всего. И не у кого не повернётся язык сказать об обратном. Но беда в том, что Фрея чертовски не любила мыться. Она до безумия боялась воды. Поэтому каждая процедура помывки превращалась для всех в сущее наказание. И ведь ничего нельзя было поделаться. Фрея особенная. В отношении неё грубую силу не применишь. Он бы не простил себе, если бы с её головы упал хоть один волос. И поэтому она частенько зарастала чуть ли не месячной грязью, благоухая, как распоследняя замарашка с городского Дна.

– Фрея, расскажи мне, что произошло, – голос вошедшего в камеру человека источал мёд. – Мы же с тобой лучшие друзья, ведь так? Ты же во всём доверяешь мне. Я же забочусь о тебе... Я люблю тебя, Фрея. Помнишь, что я тебе подарил в прошлый раз?

– Колокольчик, ты мне подарил колокольчик, – отозвалась нежным, ласкающим слух голосом Фрея. Он так любил слушать её голос. Высокий, мелодичный, более подходящий девочке-подростку. Даже не верилось, что этот голос и оглашающие своды подземных коридоров чудовищные вопли принадлежали одному и тому же человеку.

– А сегодня я принёс тебе ещё один подарок, – высокий крепко сжал в кулаке вытянутую из кармана сюртука серебряную монетку в один фунт.

– Правда? – по-детски обрадовалась Фрея, спрыгивая на пол. Её босые ноги зашлёпали по ледяному каменному полу, когда она подошла к нему. Она остановилась в шаге от него и протянула руку открытой ладонью вверх. – Я хочу его увидеть. Сейчас.

Он торопливо вложил в её грязную узкую ладонь монету и на миг сжал её тонкие пальцы с обкусанными ногтями.

– Что это? – восторженно ахнула она, и высокий мысленно улыбнулся. Кажется, ему удалось успокоить её. Психика Фреи находилась в пограничном состоянии. Её сознание металось из одного пласта воспринимаемой ею реальности в другой. А настроение менялось с крайне нестабильной частотой. Даже он не мог предсказать, когда у неё наступит очередной коллапс. А когда она начинала ВИДЕТЬ, предугадать не мог абсолютно никто. Оставалось лишь ловить эти моменты, уповая больше на бога. На того, кто создал её такой.

– Это кусочек луны, Фрея, – тихо сказал он. – Я принёс его тебе.

Она зажала в кулачке монетку и пылливо взглянула на него. Он не мог отвести от неё взгляда. Она стояла перед ним, маленькая, босая, в одной домотканой ночной рубашке с длинными рукавами, заканчивающейся на уровне исцарапанных коленок. Фрея не нуждалась в иной одежде. Равно как и не нуждалась в остальном. Ей было достаточно своего мира. Того, что она могла себе вообразить. Того, что она видела. А иногда она видела нечто, что обладало некими эмпатическими связями с реальностью. Она видела то, что происходило за пределами этой похожей на камеру для особо опасных заключённых комнаты. Иногда Фрея могла видеть странные и необычные вещи. Недостигаемые для простых смертных.

Высокого всегда поражало, как она могла смотреть на него и словно бы пронзать своим взором. В такие минуты он чувствовал себя раздетым.

– Я давно не смотрела на настоящую луну, – сказала она и в её голосе проскользнули печальные нотки. – Мы сможем с тобой когда-нибудь гулять под луной, Эйб?

– Обязательно. Это время обязательно наступит, – он давно научился лгать не моргнув и глазом, на его лице не дрогнул ни один мускул. – Но ты же знаешь, что пока это невозможно, Фрея... Я должен заботиться о тебе. Мы вместе должны всё преодолеть. Понимаешь?

– Да, я понимаю, – послушно согласилась она, пряча монетку в складках рубашки. Рубаха выглядела совсем свежей, должно быть, Курт недавно менял её. И наверняка касался своими корявыми лапами её тела. Человек, названный Эйбом, ощутил укол ревности. Она его. Фрея

принадлежит только ему. И никто не имеет никакого права притрагиваться к ней. К сожалению, он не может сам выполнять все обязанности её няньки. Он просто не может постоянно находиться рядом с ней и заботиться так, как это делает Курт.

Он протянул руку и коснулся её спутанных, жирных на ощупь волос неопределённого цвета. Волосы Фреи росли буйной непослушной гривой и достигали поясницы. Она не боялась стричься. Просто ему всегда нравились её волосы.

– Фрея, так что же произошло? Почему ты так кричала? – он говорил спокойно и размеренно, аккуратно направляя разговор в нужное ему русло. – Ты так напугала Курта... Этой глупый болван решил, что ты сильно разозлилась... Но ты же хорошая девочка, верно? Ты бы не стала просто так кричать, да? Ты расскажешь мне?

Фрея медленно кивнула, подняв руку и прикоснувшись к глядящим её голову пальцам. Она вскинула подбородок и сказала:

– Я видела. Я видела человека... Он... Он опасен... Он опасен для всех нас! Он не такой как ты. Не такой как я! Он... Эта штука такая необычная... Она... Она способна изменить...

Эйб моментально подобрался. Наклёвывается весьма интересный разговор. Похоже, Фрея действительно это увидела. В последний раз она впадала в транс почти год назад. Затем до последнего момента наступило длительное затишье. И вот опять...

– Что изменить? Что за человек? И о какой штуке ты говоришь? – зачастил он, стараясь запомнить каждое обронённое ею слово. – Что она может изменить?

– Всё!!! Она может изменить всё!!! – с неожиданной силой заорала она, брызжа в лицо Эйба слюной. Он невольно отшатнулся, едва не прижав к ушам ладони. В груди Фреи зародился чудовищный рык, достойный льва. Мелодичный голос изменился на трубный рёв, еда не рвущий барабанные перепонки. Фрея выгнулась дугой, сбрасывая его руку, запрокинула голову и издала ещё один, заставляющий в венах стечь кровь, вопль. – ОН ХОЧЕТ ВСЁ ИЗМЕНИТЬ!!!

Её голос отразился от низкого покатога потолка и ржавыми гвоздями вонзился в уши Эйба. Он с проклятьями отшатнулся от неё. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Она действительно видела что-то! Она впадала в транс. Причём транс, выходящий далеко за рамки уже ставших для неё нормой. Он ещё ни разу не видел её в таком состоянии.

Фрея, завывая пароходной сиреной, с искажённым от терзающих её внутренних демонов лицом, завалилась на топчан. Тонкие пальцы с невероятной силой впились в матрац, разрывая плотную ткань. Она орала не переставая. Сквозь бессвязные вопли прорывались какие-то непонятные, плохо отличимые друг от друга слова. Эйб застыл соляным столбом, жадно впитывая всё, что происходило в камере. Он не должен пропустить ни одного словечка.

Он даже не услышал, как отворилась дверь, и внутрь заглянул с перекошенным от страха лицом Курт.

– С-сэр, господи Иисусе, что же это творится! – голос Курта потонул в криках Фреи.

Эйб, напрочь игнорируя подчинённого, подошёл к беснующейся на лежанке девушке. Она металась по матрацу, звеня пристёгнутой к лодыжке цепочкой. Её волосы взлетали разнузданными сальными патлами, худые руки и ноги судорожно молотили воздух, а из груди продолжали вырываться громкие нечеловеческие вопли. Её глаза вылазили из орбит, черты лица исказились в жутких болезненных спазмах, из уголка рта тянулась ниточка слюны. Фрея будила в остановившемся от неё на безопасном расстоянии высоком человеке противоречивые смешанные чувства, она вызвала и жалось и отвращение. Она была особенной. Для него.

– С-сэр, м-может, вколем ей что-нибудь успокаивающее? – заикаясь, спросил Курт, не отрывая вытаращенных глаз от корчившейся на топчане Фреи.

Эйб резко повернулся в его сторону и злобно рявкнул:

– Заткнись! Заткнись и убирайся к чертям собачьим! Жди за дверью, и без моего разрешения даже не вздумай здесь появляться, понял?!

Курга как ветром сдуло. Выбегая из комнаты, он едва не стукнулся лбом о дверь. Эйб осторожно склонился над Фреей. Припадок начал уходить. Её всё ещё корёжило, но, по крайней мере, она перестала кричать. Лишь тяжело дышала, издавая хриплые горловые звуки. Второй припадок за последние минуты, прикинул он. Но этот намного короче. Однако нет ни малейшей гарантии, что всё не повторится с удвоенной силой. А не он ли своими вопросами провоцирует Фрею? Вряд ли, когда она начинала видеть, то становилась абсолютно невменяемой. Ею невозможно было управлять. Оставалось только ждать.

Она внезапно поднялась с матраца и с недюжинной силой вцепилась в плечи нависшего над нею Эйба. Он против своей воли вздрогнул.

Её лицо оказалось напротив его. Из её рта противно пахло, на тонкой шейке бешено пульсировала жилка. Она была вся мокрая от пота. Рубашка прилипла к её груди, вырисовывая острые кончики напрягшихся сосков. Эйб с трудом отвёл взгляд от этого притягивающего словно магнитом зрелища.

– Человек... Он создал эту штуку... Он хочет всё изменить... Он может, может изменить мир... Он придёт, а вместе с ним придут перемены... Он опасен для людей...

Последние слова Фрея выдавила из себя вместе со слезами. Её голос, надорванный и охрипший, сорвался на скулёж, по грязным щекам побежали ручейки слёз. Но она не отпустила Эйба. Наверняка останутся синяки. Но это сейчас меньше всего волновало его.

– Что ты видишь, Фрея? – он напряжённо вглядывался в её лицо, будто надеялся увидеть недоступное, то, что видела только она. – Кто этот человек? Ты видишь его имя? Кто он?

– Он верит... Он верит в то, что делает, – выдохнула ему в лицо Фрея. Её голова запрокинулась, волосы упали на спину нечёсаной волной. Из приоткрытого рта донёсся гортанный сдавленный стон.

– Машина... Машина, что изменит всё... Он сможет влиять на умы людей... Опасно, очень опасно... Десятки, сотни лет...

Эйб не смел даже пошелохнуться, чтобы не помешать ей. Он всё запоминал, боясь лишний раз вдохнуть. Запомнить, главное, всё запомнить. Ничего не упустить. Анализировать он будет потом. Потом он решит, что делать с полученной информацией. Судя по всему, сейчас происходило нечто экстраординарное. Фрея ВИДИТ. Это понято и ему. Но что она видит? Настоящее, прошлое, грядущее? И не является ли то, что она сейчас вещает, плодом её погружённого в психический коллапс состояния? Она не всегда отличает правду от вымысла, жизнь от фантазии. Отличить её истинные видения от горячечного бреда так же задача не из лёгких.

Фрея, держась за его плечи, подтянулась, вплотную приблизив к нему лицо. Её глаза застыли на уровне его глаз. Он не отвернулся и не зажмурился. Он продолжал смотреть.

– Мистер, Крейг, добро пожаловать в столицу... Бабочка домчала вас быстрее ветра... – прошептали обескровленные губы Фреи. Тени клубились за её спиной, она выделялась на их фоне белесым серым пятном. – Моё новое изобретение изменит мир в лучшую сторону, мистер Джентри...

Последние слова совсем затерялись в погружившейся в тишину камере. Эйбу пришлось приложить все усилия, чтобы расслышать их и разобрать.

– Эйб, я люблю тебя, – произнесла своим обыденным, нежно мелодичным голосом Фрея. Он вздрогнул от столь скорой и разительной перемены в её настроении. Хотя уже давно должен был к подобному привыкнуть. – Ты принёс мне подарок, да?

– Да, – так же тихо ответил он, не делая и попытки освободиться от хватки её тонких, но таких сильных пальчиков.

Он смотрел на неё. Смотрел, не в силах отвести взора. У Фреи было тело и лицо шестнадцатилетней девушки. Но Эйб догадывался, что она намного старше. Она выглядит сопливой, преждевременно развитой девчонкой, но лет ей было несомненно больше. Он бы не удивился, узнай, что Фрея старше него.

У неё были тонкие заострённые черты лица. Острый подбородок, немножко вздёрнутый изящный нос, высокие скулы, маленький рот с тонкими губами. Когда Фрея улыбалась, во рту мелькали удивительно белые мелкие зубки. Самым же необычным в облике Фреи были её глаза.

Большие, миндалевидной формы, с самого рождения затянутые молочно-белой пеленой, сквозь которую ничего не проглядывалось. Её глаз были слепы и пусты. Сплошная жуткая пелена цвета морской пены. Она была слепа, но могла видеть. Она была сумасшедшей, но понимала скрытые тайны этого мира.

Она смотрела на него, и Эйб мог поклясться, что она видит его насквозь. Она смотрела на него своими удивительными глазами. Всеми тремя.

У Фреи был высокий, гладкий, без единой морщинки лоб. И на нём, ближе к переносице располагался ещё один глаз. Третий. Такой же незрячий и удивительный.

Генри Вустер, капитан городской полиции, глава Империял-Ярда и непосредственный начальник Джентри любил курить. Курил он всегда, много и в любое время дня и ночи, когда оставался на ногах. Вустер обожал дорогой табак и громадные изогнутые трубки. А ещё, наверное, даже больше курения, Вустер обожал устраивать полнейший разнос своим подчинённым. По крайней мере, к такому неутешительному выводу пришёл Джейсон, вот уже добрых десять минут выслушивая от капитана всё, что тот о нём думает. Причём в самых неприличных тонах и грубых выражениях. В своём кабинете Вустер не стеснялся сыпать отборной бранью и орать так, что от звуков его трубного голоса испуганно съёживались огоньки горевших на всю мощь газовых рожков. И его ничуть ни заботило то, что его вопли пробивались наружу, выплёскиваясь в заполненные полисменами коридоры и соседние кабинеты.

Вустер грыз чубук дымящей, как паровоз, трубки с таким ожесточением, что Джейсон испугался, как бы начальник не перекусил его пополам.

– Джентри, сукин ты сын, – откашлялся Вустер, когда исчерпал весь словарный запас нелицеприятных выражений. Его мясистая, с тщательно выбритыми щеками и подбородком, но с густыми, щегольски закрученными на кончиках усами, физиономия цветом напоминала промокший кирпич. – Ты понимаешь, во что ты превратил доверенную тебе операцию? Не знаешь? Не перебивай! А я знаю. Представь себе, неблагодарный ты засранец, что я знаю. Что? Вижу, и ты хочешь узнать. Ну так я скажу тебе!

Джейсон поморщился. Когда Вустер начинал читать морали, то брызгал слюной во все стороны, причём по большей части в лицо осыпаемого бранью оппонента.

– Ты устроил на улице города среди бела дня, на глазах у сотен свидетелей форменный цирк! Цирк, представление для разинувших рты дармоедов! Ты хоть деньги то успел взять с них, а, Джентри? Молчишь? Правильно, молчи. Что ещё может сказать такая неблагодарная свинья, как ты? Джентри, ты кто – циркач, клоун? А раз так, я что, похож на твоего личного антрепренёра?

Вустер сложил волосатые лапищи на объёмном, затянутом в сшитый на заказ синий мундир брюхе. Выпустив в сторону замершего по стойке «смирно» старшего инспектора струйку пахучего густого дыма, шеф Ярда с хеканьем потёрся широченной спиной о спинку кресла.

– Эта чёртова чесотка меня совсем достала, – пожаловался он. – А мой докторишки говорит, что у меня осеннее обострение какой-то вонючей кожной болезни. Слышь? Звучит так, словно я подхватил сифилис от шлюхи с улицы Тюльпанов. Моя жена боится ко мне лишний раз притрагиваться! А всё из-за диагноза этого жалкого рыжего докторишки... Не люблю рыжих... Джентри, ты что лыбишься, как сивый мерин?!

С трудом сдерживая расплывающиеся в ухмылке губы, Джейсон спокойно сказал:

– А почему бы не попробовать сменить доктора?

– Да ну их, – отмахнулся Вустер, перемещая изгрызенную трубку из одного уголка рта в другой. – Все эти засранцы одинаковы. Чёртовы жулики, только и мечтающие опустошить твой кошелёк, врачую от придуманных такими же, как они, болванами болезней. Вонючки.

Джентри стоял в кабинете Вустера всё в том же промокшем насквозь костюме, в сбитых туфлях, с остатками клея от фальшивой бороды на небритых щеках. Капитан смерил инспектора подозрительным взглядом бульдожьих глаз, словно только что увидел. Насупился, раздражённо фыркнул:

– Ты выглядишь, как последний бандит, Джентри. Право слово, глядя на твою вечно хмурю рожу и засунутый за ремень револьвер, можно испугаться. Ты хоть значок не умудрился потерять? Я вообще удивляюсь, как у тебя хватило ума не отстрелить свой же собственный член! Джентри, я так понял, что пуль, выпущенных тобою и, подчеркну, подчиняющимися тебе агентами, хватило бы зарядить ружья половины армии Ассалутского княжества!

– Сэр, я был вынужден отдать приказ открыть огонь, – Джейсон смотрел прямо на Вустера, не отводя серых глаз. – Вы же знаете, что будь в той ситуации любой иной выход, я бы не за что не допустил стрельбы на улицах, наводнёнными людьми.

Вустер усиленно запыхтел, скрываясь за клубами сизого дыма. Толстощёкий глава Империял-Ярда определённо исчерпал отведённый на один рабочий день лимит ругательств. Он деловито почесал лысеющую макушку и примирительно сказал:

– Джентри, ты мой лучший сыскарь отдела... Будь в полиции больше таких ребят, как ты, я бы уже с чистой совестью и спокойствием за благополучие нашего города свалил на пенсию. Не криви рожу, я не думал льстить тебе. Ещё этого не хватало! Много чести для такой неблагодарной сволочи, как ты. Так вот... Ты ж пойми, балда, выше меня стоит множество людей, которые не жалея сил, днём и ночью, протирая вонючими задницами кресла в шикарных кабинетах, пекутся о мире и спокойствии, о соблюдении законов, мать их так и раз этак. И эти засранцы крепко держат меня за яйца. И когда такие как ты энтузиасты ставят на уши полгорода, у них невольно возникает вопрос – а кто это там умный такой? Смекаешь?

У Джейсона чудовищно болели ноги, зверски чесалось лицо, он оголодал как волк и продрог как очнувшийся в сугробе протрезвевший выпивоха. И он чертовски устал. А ведь день только начался. Разнос у Вустера – это ещё цветочки. Наверняка шеф засадит его на оставшиеся полдня писать рапорты и объяснительные, чего инспектор терпеть не мог.

Заметив исподволь бросаемые Джейсоном взгляды на пустующий стул, Вустер сказал:

– Я бы тебе предложил присесть, но ты грязный как свинья. Да ещё, чего доброго, заснёшь прямо за моим столом. Так ты понял, что я тут вдалбливаю в твою неугомонную башку?

Джентри кивнул, скептически посмотрев на заваленный не поддающимся опознанию хламом рабочий стол начальника. Чего там только не было: чернильница, пресс-папье, груды бумаг, пухлые папки, какие-то коробки, подставка для трубки, горсть рассыпанных патронов... Генри Вустер гордо называл творившийся на столешнице бедлам рабочим беспорядком. Джейсон не помнил, видел ли он стол начальника когда-либо в состоянии хотя бы относительной чистоты. Вустер не позволял брать с его стола даже исписанной скомканной бумажки, без особого на то разрешения. Уборщица миссис Доил неоднократно объявляла войну царящему в кабинете Вустера свинству, но постоянно терпела поражение за поражением.

– Я всё понял, сэр. Но и вы поймите меня – с Джеком надо кончать. Этот маньяк натворил достаточно, чтобы взойти на виселицу. Я не могу сидеть, сложа руки, зная, что он всё ещё бродит по улицам города.

– А я вот могу, – клятвенно заверил подчинённого Вустер. – Мальчик мой, я хоть раз препятствовал тебе в поимке этого ублюдка? Не припомнишь такого? Странно! И я не припомню. Чёрт возьми, ты два года гоняешься за ним, два года! И знаешь, почему я до сих пор не отстранил тебя от расследования и не отдал дело кому-то другому, например, Майкрофту или Скалли? Они хорошие сыщики, согласись.

– Да, сэр, одни из лучших – Джейсон невольно сжал кулаки, вонзая грязные ногти в ладони. Краска бросилась ему в лицо. Похоже, его игра с Попрыгунчиком в кошки-мышки подходит к логическому завершению. Счёт тысяча ноль в пользу прыгучего дьявола.

– Только не вздумай мне тут разветвляться, неженка, – довольно ухмыльнулся Вустер, на краткий миг став похожим на объевшуюся мошкары толстую жабу. – Ты всё ещё ловишь Джека потому, что если его кто и способен заковать в кандалы, так это ты. Не хлопай зенками. Я знаю наверняка, что никто кроме тебя не способен поймать нашего красавца. Поэтому и позволяю тебе испытывать моё ангельское терпение. Но учти, что оно на исходе. Ладно, садись...

Джентри облегчённо упал на жёсткий продавленный стул.

– Сэр, вы бы видели его... Я считал, да и продолжаю считать, что Джек – кто-то из вполне состоятельных и процветающих людей столицы. Возможно, один из технических специалистов. Это тяжело и сложно описать, но то, что он вытворял, это... Это нужно видеть собственными глазами.

– У него под пальто спрятан паровой котёл, а из задницы идёт дым? – с преувеличенным участием спросил Вустер.

Скрипнув зубами, Джентри сказал:

– Сэр, Джек очень умный и технически подкованный сукин сын, я же вам говорю. Почему вы меня не слушаете? Обычному преступнику не под силу и половины того, на что способен Попрыгун. Я думаю запустить в разработку один план. Но мне понадобится разрешение на обыск в жилищах некоторых людей. Я могу хоть сейчас набросать вам примерный список...

Вустер отчаянно замахал руками, разгоняя ароматный дым табака. Джентри невольно закашлялся. Вустер облокотился на столешницу и вперил в инспектора налившиеся кровью глаза:

– Стоп. Джентри, опустишь с небес на землю. Я подозреваю, кого ты внесёшь в свой так называемый список. Не удивлюсь, если твоя чёртова лапа не дрогнет накалякать там имена ведущих учёных и инженеров крупнейших городских компаний!

– Но сэр...

– И думать забудь, ясно? Даже не произноси вслух эти фамилии, если не хочешь лишиться своего наглого языка. И вообще пока думать забудь о Джеке. Мы его ловим два года, так что днём раньше днём позже...

Джейсон, набычившись, заёрзал на жёстком сидении.

– Сэр, промедление будет кому-то стоить жизни. Вы отдаёте себе отчёт...

– Заткнись, Джентри. Я вот сижу, гляжу на твою нахальную морду, и не понимаю, почему я до сих пор терплю тебя, а не дал смачного пинка под зад? Я не отстраняю тебя, не заводись. Просто для тебя у меня есть отдельное задание, более важное, чем поимка Прыгуна. Этим недоноском временно займётся Флеминг. Котелок у очкарика варит немногим хуже, чем твой, поэтому он по крайней мере не умудрится нагадить. А ты, дружок, займёшься совсем другими вещами. И это не просьба. А будешь артачиться, можешь сдать жетон и убираться отсюда ко всем чертям собачьим! Из-за тебя у меня стремительно портится аппетит, а ведь уже скоро обедать, а моя старуха завернула мне изумительных на вид сэндвичей с жареной рыбой.

Ошеломлённо переваривая выданную шефом информацию, Джейсон весь подобрался. Чутьё подсказывало ему, что нужно проглотить остатки гордости, прикусить язык и пошире распахнуть уши. Однако Джентри недоумевал, чем его сможет удивить Вустер. Все серьёзные дела давно были поделены между отделами и инспекторами. Насколько было известно Джейсону, ничего особо важного за последнее время не наклёвывалось, а мелочёвкой он давно перестал заниматься, оставив каждодневную полицейскую рутину и бытовуху рядовым констеблям.

– Я весь внимание, сэр.

Вустер пошурудил в завалах стола, что-то бессвязно бормоча под нос, и с торжествующим видом извлёк на свет тоненькую, перевязанную шнурком папку.

– Ага, вот она, будь неладна. Ознакомься, Джентри. Твоё новое персональное задание. Сразу предупреждаю – дело огромной важности и запредельного уровня ответственности.

Джейсон недоверчиво вскинул брови, принимая документы в руки.

– Пахнет национальной безопасностью, сэр?

– Политикой.

– Политикой? – Джентри показалось, что он ослышался. А может это Вустер так неумело пошутил? Но нет, багровая физиономия главы Двора выражала неподдельную сосредоточенность. Всё понятно, шутки кончились. С внезапно учатившим свой бег сердцем Джейсон потянул за шнурок, раскрывая папку. Что за сюрпризы она таит в себе? – А при чём здесь Империял-Ярд? Политическими преступлениями занимается Внешняя и Внутренняя разведка. Но чтобы полиция?..

– Никакого преступления нет и быть, особо подчёркиваю, не должно. Ты давай бумаги смотри.

Джентри извлёк из папки несколько фотографий и удивлённо посмотрел на Вустера:

– И это всё?

– Я же тебя сказал – смотри, а не читай, – проворчал Вустер. – Снимки качественные, не какая-нибудь там халтура. Вот тебе и научные достижения. Я-то знаю, что будь твоя воля, ты бы до сих пор дома лучину жёг и спал на соломе. А я скажу, что фотоаппарат очень полезная штука. Представляешь, как можно усовершенствовать картотеки, дополнив досье преступников фотографиями? А? Ни одной дактилоскопией...

– Против фотографий я никогда ничего не имел, сэр, – буркнул под нос Джентри, цепким изучающим взором серых глаз рассматривая снимки. Всего снимков было шесть. На трёх из них в разных ракурсах был запечатлён незнакомый ему человек средних лет, ещё на двух какой-то чемодан, на последнем был изображён пассажирский дирижабль класса «Альбатрос». Джейсон решительно ничего не понимал. Дирижабль, чемодан, какой-то хмырь с чересчур умным и занудным лицом. Что за ерунда?

Правильно истолковал проявившуюся на физиономии Джентри реакцию, Вустер спокойно обронил:

– Ты смотри, смотри. Хорошенько смотри и запоминай. Ты должен выучить рожу этого человек лучше собственного отражения в зеркале.

– Да кто он такой, чёрт возьми! – Джейсон раздражённо бросил бумаги на стол. Его начало злить, что Вустер всё ходит вокруг да около. Одно радовало, в тёплом кабинете он постепенно начал согреваться, а подсыхающая одежда уже не так холодила кожу. Правда, голодные мяукающие спазмы в животе никуда не делись.

– Он тот, за кого ты будешь отвечать головой в ближайшие несколько дней. Тот, с кого ты пылинки сдувать будешь, а если понадобится, то и задницу ему подтирать, – Вустер повертел в коротких толстых пальцах погасшую к несказанной радости Джентри трубку. – Сынок, этот человек большая шишка. Завтра он прилетает в наш город на этом дирижабле. Багажом у него числится вот это самый чемодан. Даже и не знаю, что представляет наибольшую ценность – содержимое чемодана или учёной головы этого человека. Но ты будешь изо всех сил стараться сохранить в целости и то и другое, ясно?

– Очень интересно, сэр, – сказал Джейсон, вновь беря фотографии и по-прежнему мало что понимая. – Кто он такой и что ему нужно? И что находится в чемодане? И для чего, точнее, от кого его охранять?

– Содержимое чемодана не наше с тобой ума дело. Этот парень один из учёных. Его представили, как Гордон Крейг. Я не знаю, настоящее ли это имя... Он прибудет в наш город с научным докладом и испытательным образцом в этом чемодане. И ты станешь на несколько дней ему вместо няньки и отца родного.

– Охранять какую-то лабораторную крысу? – Джентри разочарованно посмотрел на шефа, всё ещё надеясь, что это шутка. – Сэр, я не пойму, зачем здесь нужны мы?

– Сверху, – Вустер недвусмысленно ткнул пальцем в низкий потолок, – дали ясно понять, ЧТО от нас требуется и с нашим мнением никто считаться не собирается. А вся загвоздка в том, что возможно существует угроза покушения на этого малого. Якобы следом за ним к нам в гости может заявиться сам Невидимка. Собственной персоной. Теперь понимаешь?

У Джейсона на несколько секунд пропал дар речи. Прочистив внезапно пересохшее горло, он сказал:

– А поподробнее, сэр?

Глава 3

На город стремительно падали ранние осенние сумерки. Зародившаяся после утреннего дождя прохлада к вечеру лишь усилилась. Высоко на просторах хмурого, без малейшего проблеска солнца, неба разгулялся завывающий ветер. Подступающий полумрак начал окутывать кварталы и улицы города. Повсеместно стали зажигаться фонари, газовые рожки. В окнах жилых домов включались лампы, в бесчисленных магазинах, лавках, и мастерских, наоборот – гаснуть. А во многих зданиях и строениях большого города свет горел всегда.

Поддерживающие жизнь столицы заводы и фабрики работали безостановочно круглые сутки, пыхтя огромными, вонзающимися в небо трубами. Жизнь в заполненных сложными механизмами чревах промышленных ангаров не прекращалась не на минуту, разнося по всей округе гул и грохот. Так же, не видя разницы между ночью и днём, продолжали работать котельные, пекарни, различные увеселительные заведения, театры. Всё так же встречал прибывающие и провожал отходящие паровозы вокзал, светился гирляндами сигнальных маяков на причальных мачтах небопорт. По мощным дорогам то и дело проносились экипажи и паровые дилижансы.

Жизнь в огромном городе ночью замедлялась, но не останавливалась никогда. Прохожих на улицах становилось меньше, но разогнать всех безоговорочно по домам было под силу разве что лютой непогоде. В сезон снежных штормов и на центральных, хорошо освещённых улицах редко кого встретишь. Но прохладным октябрьским вечерком снующих по своим делам горожан было более чем достаточно. Одни жители столицы спешили домой, поближе к тёплым очагам, другие, проклиная судьбу-злодейку, шли на работу. Хватало и празднующихся гуляк, которым было, в принципе, наплевать как на непогоду, так и на время суток.

Как видно, Столица ничем, кроме размеров и численности населения, не отличалась от любого другого города. Люди, они ведь везде одинаковы. Суть человеческая такова, что всегда и в любом месте на нескольких достойных людей найдётся один негодяй. Есть хорошие люди, а есть плохие. Некоторые отдадут последнюю рубашку нуждающемуся, а кто и снимет драные сапоги с умирающего в придорожной канаве. И совершенно неважно, где они живут, хоть в огромном городе, хоть в захудалой провинции. Люди одинаковы везде.

Джейсон Джентри покинул каменные стены раскинувшегося на полквартала трёхэтажного старинного здания Империял-Ярда в начале шестого. Он не стал брать пролётку или плестись на омнибусную остановку, а решил пройтись по вечерним улицам пешком. Часовая прогулка до дома определённо не повредит, только аппетит разожжёт. Старший инспектор надеялся, что влажный прохладный воздух проветрит ему голову и освежит мысли. Вустер, сукин сын, в наказание-таки заставил Джентри писать рапорт о провале утренней операции по поимке Прыгуна. Джейсон, скрипя зубами, вынужденно подчинился. Время, которое можно было выделить на изучение предстоящего задания, было в итоге потрачено на бесполезную пачкотню бумаги. Рапорты Джентри ненавидел всем сердцем и всеми силами избегал подобной чести. Но сегодня пришлось отдуваться одному за всех. Отчасти это было и справедливо, что нисколько, в общем-то, настроения Джейсона не улучшало.

Он шёл по тротуару Сорок второй улицы, ничем не выделяясь из бесконечного человеческого ручейка, текущего по отполированным сотнями тысяч ног булыжникам. Широкоплечая фигура в длинном шерстяном пальто чёрного цвета с поднятым воротником, остроносых сапогах на каблуке и широкополой шляпе с высокой тульей. Тоненькая папка с фотографиями лежала во внутреннем кармане пальто. В заплечной кобуре затаился «Хантер» – облегчённый длинноствольный револьвер. Уступающий «Кардиналу» по убойной мощи, но превосходящий по кучности стрельбы и боезапасу. В барабане «Хантера» ждали своего часа целых

десять смертоносных зарядов, готовых любого превратить в решето. Жизнь и служба полицейского давно научили Джентри никогда не расставаться с оружием.

На улицах города всегда хватало опасностей. И как бы не старался Ярд, победить преступность он не мог. Джентри прекрасно понимал, что эту сложнейшую, сотворённую много веков назад и возвращённую сотнями поколений эфемерную конструкцию победить нельзя. Как можно победить то, что у человека в крови? Деление на плохих и хороших, верно? Искоренить преступность дано лишь тому, кто научится врачевать людские души. Кто сможет предотвратить преступление ещё до его зарождения, разглядев то тёмное, что неизвестно по каким причинам, возникая в человеке, толкает его на убийство. Джейсон надеялся, что когда-нибудь это благословенное время наступит.

– Эй, красавчик, не хочешь поразвлечься? – окликнула старшего инспектора с порога мясной лавки вызывающе одетая девица в красных юбке, кожаных сапожках и кокетливом кружевном капоре. Симпатичная, с выбивающимися из-под головного убора прядями рыже-вато-золотистых волос, приятной улыбкой и рабочей усталостью в васильковых глазах, освещённая газовым рожком, она куталась в наброшенный на плечи тонкий плащик. На ступеньках она была не одна, а с под стать одетой товаркой, брюнеткой с длинными, падающими за спину волосами. На ступеньках, между выступающими пилястрами ночные бабочки прятались от забирающегося под юбки ветерка.

Невольно замедлив шаг, Джейсон машинально сунул руку за пазуху к пристёгнутому на лацкан жилета жетону. Но вдоволь натерпевшись за прошедший рабочий день, он был настроен благосклонно. Чертыхнувшись, Джентри разжал пальцы. Глядишь, так скоро начну и за револьвер хвататься при виде торгующего сладостями ребёнка, мрачно подумалось ему. Работа в полиции здорово меняла человека, что-то отнимая и, как ни горько было признавать Джейсону, мало что отдавая взамен. Он любил свою профессию. Ему нравилось ловить преступников, блюсти закон, помогать людям. Но чего-то, чего-то он безоговорочно лишился... Возможно, частички души?..

Разглядев мрачную физиономию остановившегося напротив них молодого человека, проститутки невольно прижались друг к дружке. О злодейских выходках Джека-Попрыгунчика не слышал только глухой. Как знать, вдруг этот прилично одетый парень окажется этим неуловимым маньяком?

– Лет то тебе сколько, дорогуша? – хмуро спросил Джейсон, отметив про себя чересчур юную мордашку остановившей его девушки. Вторая жрица любви успешно скрывала лицо за большим веером из облезлых страусиных перьев.

– А ты любишь погорячее, милый? – осмелев, подмигнула златовласка. – Мне будет столько, сколь тебе захочется. Ну правда... Я такое умею, что ни одной из этих разваливающихся матрон с улицы Тюльпанов и не снилось! Я буду твоей послушной девочкой!

Видя нарисованное на лице Джейсона сомнение и нерешительность, вторая проститутка, гортанно хихикнув, пробасила из-за веера:

– Генриетта, не будь такой назойливой. Вдруг господин предпочитает мальчиков?

Только сейчас, услышав грубый искажённый дискант второй «девушки», Джейсон допёр, что это выраженный в женские шмотки, высокий, не ниже его, детина, накрашенный и в парике. Тут уж Джентри сдержаться не мог. Он зловеще ухмыльнулся и медленно откинул полу пальто, демонстрируя хихикающим «дамам» жетон.

– Предпочитаю-предпочитаю. Ты угадал, дружище. Только закованных в наручники и привязанных к стулу в комнате для допросов.

Смех жриц любви как рукой сняло. Синеглазая блондинка от страха начала так сильно икать, что Джейсону искренне стало жаль бедняжку. Любитель вееров и женских тряпок и вовсе язык проглотил, вжавшись в запёртую дверь лавки и не сводя и инспектора ошалевшего взгляда загнанного зверя.

– Господи, боже правый, да он полицейский! – выдохнула названная Генриеттой деваха. Васильковые глаза приобрели размеры чайных блюдец. Даже в сгустившихся вечерних сумерках было видно, как побелело её миловидное личико. – С-сэр, надеюсь, вы не станете нас арестовывать? Поверьте, мы просто гуляем, у нас и в мыслях не было ничего такого... Этакого...

Окончательно запутавшись, ночная бабочка вконец сникла и умоляюще посмотрела на Джентри. Косящий под даму хмырь нервно дёргался. Его плутоватые, подведённые тушью глазки лихорадочно бегали. Он явно раздумывал, как бы так побыстрее и незаметнее свалить. Сразу видно, что опытный и не раз попадал в облавы.

Джентри кивком подбородка указал ему на путь к отступлению на тротуар. Вырядившийся в женские тряпки детина нисколько не интересовал старшего инспектора.

– Ты, ошибка природы, бери ноги в руки и катись отсюда. Ещё раз попадётся мне на глаза, загремишь в кутузку на месяц за бродяжничество. Посидишь в одной клетке с вонючими забулдыгами, враз ума наберёшься. Чего ждёшь?!

Подпрыгнув от грозного окрика Джейсона на пол фута, ночная, хм, ночной мотылёк гортанно пискнув на прощанье что-то неразборчивое, подобрал юбки, кинулся бежать. Оставшись с Джентри наедине, Генриетта чуть не зарыдала от страха и отчаяния. От намётанного глаза Джейсона не ускользнуло, что блондинка напугана до чёртиков. Наверняка недавно на панели и ещё не приходилось иметь дел с полицией. Битая жизнью проститутка, доведись ей схлестнуться с представителем закона, не стала бы плаксиво кривить ротик и беспомощно хлопать глазками. Вагон и маленькую тележку отборной брани в свой адрес Джейсон точно бы услышал. Но только не от этой дурёхи. На вид Джентри дал бы ей не больше восемнадцати. Совсем ещё сопливая девчонка. Что же толкнуло её заняться столь специфической профессией? Впрочем, Джейсон не понаслышке знал, что порою отчаяние толкает людей на отчаянные поступки. Вот и пойми, где тут правда жизни...

Джейсон сдвинул шляпу на затылок и как можно доброжелательней улыбнулся едва не падающей в обморок златовласке.

– Ты Генриетта, я правильно понял?

– Да, сэр, – тихонько ответила девушка, спрятав руки под мышки. – Вы заберёте меня? Пожалуйста, я вас прошу, не надо... Я... Я ничего плохого не делаю. И я ничем не болею, честно! Я не распространяю никакой заразы, можете быть уверенными. У меня и справка есть...

– Успокойся, – Джентри поднялся к ней на ступеньки. – Ты выбрала не самое удачное время для начала работы, Генриетта.

Блондинка удивлённо вскинула тонкие выщипанные брови. Этот странный полицейский вёл себя крайне подозрительно. Не так, как она ожидала и уж совсем не так, как по её мнению должен себя вести злобный, словно натравленный на лису охотничий пёс, страж порядка. Может, он намекает, что есть вероятность договориться?.. Полные губы девушки посетила неуверенная улыбка:

– Вы... Вы очень привлекательны, сэр. Думаю, что я бы могла кое-чем помочь вам...

Громко фыркнув, Джейсон с изрядным весельем посмотрел на неё сверху вниз.

– Ты что, предлагаешь мне взятку? Хочешь раздвинуть свои ножки, лишь бы я отвязался от тебя? Вот бестолочь...

Девушка вспыхнула, явно посчитав себя смертельно оскорблённой. Она стала похожа на маленькую оцетинившуюся злобную кошечку. Которая может больно оцарапать, а то и укусить.

– Что вы хотите от меня? – её мягкий полудетский голосок приобрёл колючие обиженные нотки. – Я ничего дурного не делала! Если вам так неймётся, то лучше займитесь своими прямыми обязанностями – ловите бандитов! Что вы пристали к бедной беззащитной девушке?

– Я к тебе не пристаю и арестовывать не собираюсь, – Джентри был само терпение.

– Если вы не хотите меня трахнуть, тогда что вам от меня нужно? – осмелевшая ночная бабочка шипела как выкипающий чайник. – Или вы мне решили мораль прочитать о моей нравственной распущенности? Хотите ткнуть носом в то дерьмо, где обитаю я и мне подобные? Да что вы вообще обо мне знаете?.. Вы, живущий по другую сторону этого города, в собственном чистеньком уютном мире...

Рука Джейсона промелькнула атакующей змеей. Стальные пальцы крепко стиснули подбородок Генриетты, зажимая ей губы.

– Довольно, – Джентри по-прежнему не повышал голоса. – Я хочу помочь тебе. Но если ты не желаешь прислушаться ко мне, то прислушайся хотя бы к голосу разума. И скажи мне, что делает такая красивая юная девушка как ты, здесь, этим поздним вечером, вместо того, чтобы сидеть дома под маминым крылышком и вышивать крестиком?

Генриетта закусила нижнюю губу, её большая не по возрасту грудь под тонкой красной кофточкой тяжело вздымалась. Она резко отвернулась от старшего инспектора, судорожно кутаясь в накинутый на плечи плащик.

– У вас такое хобби – спасать заблудшие души? По проститутке в день? Тогда вам нужно было идти в священники. Вы выбрали не ту профессию, сэр.

– Я сам не знаю, зачем я всё это говорю тебе, – признался Джейсон. – Если бы ты меня не окликнула, я бы прошёл мимо. День выдался тяжёлым и меньшее, что я хочу, это как можно скорее очутиться дома. Но мне становится не по себе от того, что этой ночью в городе, жителей которого я поклялся защищать, опять произойдёт очередное преступление. А я никак не смогу этому помешать. Может, всё дело в том, что я не хочу, чтобы ты пострадала от рук Джека-Попрыгунчика? Ты ещё слишком юна, чтобы умирать.

Джейсон внезапно почувствовал себя полным, законченным, наикруглейшим идиотом. Нет, ну в самом деле, что это с ним? Стоит тут как последний болван и пытается вправить мозги этой недалёкой дурочке, для которой, не смотря на юность и неопытность, что трусики снять, что пирожок съесть – всё одно! Кретин!

– Ладно, не буду тебя отвлекать от... работы, – Джейсон мрачно усмехнулся. – Бывай, Генриетта. Но... Если узнаешь что-нибудь интересное о том же Попрыгунчике, например, не поленись прийти в Импераал-Ярд. Или если тебе понадобится помощь, так же не стесняйся. Спроси старшего инспектора по расследованию убийств Джейсона Джентри.

Джентри поправил шляпу и, сбежав со ступенек, двинулся дальше, засунув руки в карманы пальто. Генриетта обернулась через несколько секунд, когда инспектора и след простыл. По щекам девушки, смывая косметику, текли слёзы.

Дома старшего инспектора ожидал гость. Впрочем, столь позднего посетителя, заглянувшего в логово Джентри на ночь глядя, трудно было назвать гостем. Особенно учитывая, как развязано и довольно нагло он себя вёл. Но Джейсон уже давно привык к особенностям несносного характера этого человека. Джеку Спунера были неведомы такие общеизвестные понятия, как учтивость, вежливость и стыдливость. А от слова «культура» Джек шараялся, словно от чумной крысы. Сдающая Джентри комнаты старенькая миссис Монро ворчала, что будь её воля и не подводи больные артритом кости, она бы живенько спускала Спунера с лестницы всякий раз, как он объявлялся на пороге дома номер 33 по Сторм стрит.

Но что поделаешь! В конце концов, Джек был давнишним приятелем инспектора, надёжным помощником и бесценным источником информации. И согласитесь, трудно обижаться на человека, который ведёт себя так, как считает нужным, всегда говорит всё, что думает, прямо в глаза и которому всего-навсего четырнадцать лет.

Миссис Монро, одетая в неизменный домашний халат и толстую шерстяную шаль, встретила Джентри в прихожей. Сердобольная старушка-божий одуванчик всегда каким-то шестым чувством угадывала тот момент, когда её единственный и неповторимый постоялец поднима-

ется по ступенькам и берётся за дверную ручку. Как всегда, Джейсона самым внимательнейшим образом осмотрели старушечьи, в окружении сетки мелких морщин, светло-карие глаза. Удостоверившись, что Джейсон цел и невредим, миссис Монро чуть ли не насильно стянула с инспектора пальто, и не успел тот по обыкновению возмутиться чрезмерной опекой участливой старушки, как услышал обвинительные слова:

– Ты сегодня подзадержался, Джейсон. Ужин давно стынет... Неужто тебе совершенно наплевать на заботу бедной несчастной старухи?

Метким броском отправив шляпу на вешалку, Джентри улыбнулся:

– Вы для меня и так делаете слишком много, миссис Монро. Мне кажется, что проживи я вечную жизнь, и то не смогу расплатиться с вами за всё добро. Правда, с моей работой долгая жизнь – непозволительная роскошь.

– Типун тебе на язык, глупый мальчишка, – замахала на него руками хозяйка. – Ты хочешь разбить мне сердце? Скажи спасибо, что давно вышел из того возраста, когда тебя можно было бы отодрать ремнём!

– Слава богу, – пробурчал Джентри, входя в гостиную. Личные комнаты Джейсона находились на втором этаже старинного добротного каменного дома, крытого тёмной черепицей, со стенами, увитыми цепкой паутиной плюща. На первом этаже безраздельно властвовала Джульетт Монро. Ужинали они зачастую вместе, в маленькой, уютной, ярко освещённой электричеством столовой. Добрая старушка нянчилась с бравым инспектором отдела по расследованию убийств как с родным внуком. Поэтому Джентри был порядком избалован различными вкусами и десертами. И не приведи господь сказать, что ты не голоден, если миссис Монро намеривалась тебя попотчевать клёцками со свиной или мясным рагу с гарниром из жареным грибов. Лучше уж сразу вздёрнуться. Бывало, Джентри удивлялся, как при таком усиленном домашнем питании он ещё не растолстел, как свин. Должно быть, все лишние калории он сжигал на работе, носясь как гончий пёс, по городу, наматывая немало миль.

– Мой руки и марш к столу, – поправив небрежным жестом сползающую с сухоньких плеч шаль, Джульетт одарила своего ненаглядного квартиранта подозрительным взглядом. В её глазах на секунду мелькнула и пропала весёлая хитринка. – И смой с себя запах духов, негодник.

Джейсон принюхался и поймал за ускользящий хвост едва уловимый шлейф аромата духов Генриетты. Клубника. Сочная сладкая клубника. Чёрт. Поморщившись, как от зубной боли, Джейсон засучил рукава рубашки и склонился над раковиной.

– Это хм... Издержки профессии полицейского...

– Назначать свидания девушкам?

– Допрашивать проституток, – ухмыльнувшись, Джейсон принял из сухоньких, жилистых рук миссис Монро полотенце.

– Ох уж эти падшие девки! В мою молодость с ними долго не рассусоливали... Да посмела бы хоть одна из этих бесстыдниц выставить на улице, на глазах у всех, голую ногу! Совсем бога перестали бояться, срам один!

Джейсон подозревал, что в годы юности осерчавшей старушки нравы не сильно отличались от нынешних. А сама миссис Монро наверняка до замужества разбила не одно сердце. В свои шестьдесят пять бойкая старушка ещё умудрялась строить глазки мистеру Рочестеру, пожилому лавочнику, торгующему овощами, чьим постоянным клиентом она являлась уже более десяти лет! Овдовев семнадцать лет назад, Джульетт Монро так и не сподобилась больше выйти замуж. Детей с покойным мистером Ричардом Монро у них не было, и вдова не нашла ничего лучшего, как сдавать второй этаж внезапно ставшего таким большим дома в аренду. Жилище миссис Монро было ухоженным, вместительным, оснащённым современным паровым отоплением и выгодно расположенным в одном из самых тихих и благополучных районов города. Посему сдача комнат в наём приносила приличный доход, позволяющий вполне безбедно существовать.

Джентри поселился на втором этаже девять лет назад, быстро поладил с хозяйкой, благоговевшей перед полицейскими, и тех пор стал чуть ли не самым родным и близким человеком для одинокой старушки.

– Кстати, в твоей комнате тебя ожидает твой малолетний дружок Спунер, – поставив на застеленный нарядной скатертью стол кастрюльку с источающим божественный запах луковым супом, сказала Джульетт. – Этот воришка опять пытался стянуть с кухни печенье, поэтому я прогнала его наверх. У мальчишки на редкость ушлые глазки плута и обманщика! Ума не приложу, как ты выносишь его общество!..

– Ум... Вкуснотище, миссис Монро, – польстил не на шутку разошедшейся хозяйке Джентри. С Джеком миссис Монро была, что называется, на ножах. И Джейсону никак не удавалось их примерить. – Вы бы позвали его к столу. Наверняка мальчуган голоден. Сжальтесь, Джульетт. У вас же добрейшее сердце размером с гору Бардук!

Миссис Монро приосанилась, половник в её руке выглядел королевским скипетром. Джейсон знал, что старушка неимоверно обожала, когда люди в два раза моложе неё обращались к ней по имени.

– Ну что ж, полагаю, мы не пообедем, если пожертвуем тарелочку супа этому лисёнку...

Решительно вздёгнув острый подбородок, миссис Монро вышла из столовой. Её негромкие шаги затихли где-то на устланной толстым ковриком лестнице. В тепле уютной комнаты, после нескольких ложек горячего пряного супа Джейсона разморило. Мысли разбегались в разные стороны, как улепётывающие от тапочка тараканы. Проклятье, он совсем забыл об оставшемся в кармане пальто конверте! Это всё чёртова усталость. Джентри провёл ладонями по лицу. Двухдневная щетина щекотала кожу. Внезапно Джейсону захотелось как можно скорее раздеться, нырнуть в ванную, а затем забраться в постель и заснуть на недельку другую. И чтобы никто не тревожил и не доставал никакими ответственными заданиями во благо всего государства. Но Джентри догадывался, что в ближайшую тысячу лет никакой отдых ему и не снится.

– Эй, Джейсон, дружище, привет! Ух ты, как здоровски пахнет! Чо это у вас за варево? Супец, да? Я бы тоже не отказался от парочки порций.

Из невесёлых унылых размышлений Джейсона вырвал звонкий мальчишеский голос, звучащий нарочито развязано и громко. Джек находил особое удовольствие орать во всю глотку в присутствии миссис Монро, полагая, что старушка туга на оба уха. Джейсон поднял на вошедшего в столовую паренёка серые глаза. Где-то позади Спунера приглушенно ворчала Джульетт.

Джек был одет в поношенные брюки в крупную клетку и длиннополый сюртук явно с чужого плеча. Голову мальчугана с непослушными светло-русыми вихрами украшала кожаная лётная кепка с пристёгнутыми массивными очками-гоглами. Что-то новенькое. Неужели Спунер спёр её в небопорте у какого-нибудь подвыпившего пилота дирижабля в увольнении?

– Привет, Джек, – старший инспектор приглашающе указал на свободный стул. Радостно ухмыляющийся Джек не заставил себя просить дважды, тотчас развалившись на другом конце стола, напротив сидящего лицом к дверям Джентри.

– В нашем доме принято снимать головные уборы, садясь за стол, – Джульетт грозно ткнула в мальчишку пальцем. – Я понятно выражаюсь, молодой человек?

Спунер бросил на усмехающегося в ложку с супом Джентри умоляющий взгляд широко распахнутых зелёных глаз. Джейсон и бровью не повёл.

– Старая гримза... – чуть слышно, под нос, пробормотал паренёк, стягивая кепку. Впрочем, он тут же забыл об обидах, когда перед ним появилась полная тарелка горячего супа. Джек схватил ложку, кусок хлеба и с жадностью накинулся на угощение.

Громко фыркнув, выражая крайнее неодобрение манерами Спунера, миссис Монро вновь вышла из столовой.

– Ты отлично сегодня сработал, Джек, – сказал Джентри, отодвигая опустевшую тарелку. – Вот только мы, точнее, я, сел в лужу. Я опять оплошал, представляешь? Этот ублюдок снова ушёл. Он был у меня на мушке и спокойно ушёл...

– Угу... Мм... Неплохо, совсем неплохо. Эта старая крокодилиха умеет готовить жратву, надо отдать ей должное...

Чувствуя желание выговориться, Джейсон не особо предавал значения тому, что с увлечением поглощающий суп мальчуган не обращает на его слова никакого видимого внимания. Память и слух у мальчишки были феноменальными. И раз что-либо услышав, он запомнил это намертво. Старший инспектор познакомился с Джеком Спунером, мелким воришкой и бродяжкой, два года назад, зимой, на одной из заснеженных улиц. Спунер пытался стащить из мясной лавки кусок говяжьей вырезки, и был схвачен с поличным бдительным лавочником. Дюжий мужик вознамерился наказать малолетнего воришку по-свойски, при помощи здоровенного соснового полена. На счастье приготовившегося к смерти Джека в лавку заглянул Джентри, выполняя заказ миссис Монро. Полицейский жетон способен творить чудеса и Спунер отделался лёгким испугом.

С тех пор Спунер стал верным другом и весьма полезным помощником инспектора Империял-Ярда. Внимательный, глазастый и пронырливый, он всегда владел самой первой информацией, которую только можно было добыть в самых низах общества, где Спунер вращался, как рыба в воде. Джентри искренне привязался к бездомному мальчишке, периодически давая тому разные мелкие и не очень поручения. И надо сказать, что все задания инспектора Спунер выполнял безукоризненно. У мальчика был врождённый актёрский талант и чутьё на жареное. Между полицейским и мальчуганом установились прочные дружески-деловые отношения, которыми оба предельно дорожили. Вот только Джентри уже неоднократно пожалел, что втянул Спунера в дело с Джеком-Попрыгунчиком. Уж больно вдохновенно, с немалой самоотдачей, Спунер включился в эту опасную игру. Джейсон знал, что не простит себе, если с мальчишкой что-нибудь случится. Но запретить Спунеру помогать означало поставить крест на их дружбе.

– Мы поймаем его, дружище, обязательно поймаем, – Джек облизал ложку. – Кстати, ты мне должен пять фунтов.

– Пять? – Джейсон откинулся на спинку стула и заложил ладони за затылок. – Ты держишь меня за миллионера?

– За чувака, который одолжит лучшему корешку каких-то жалких пять фунтов!

– Лучшему корешку?

– У тебя что, есть друзья лучше, чем я? – воровато оглянувшись, Джек потянулся на середину стола и ухватил из плетеной вазы самую большую и вкусную на вид плюшку, щедро посыпанную сахарной пудрой. – Слушай, а если я попрошу у твоей надзирательницы чаю, она не выплеснет мне на чердак весь чайник?

Джейсон вытянул из кармана жилета потёртый бумажник и, порывшись в нём, протянул маленькому вымогателю пятифунтовую бумажку. Купюра, едва к ней прикоснулись подвижные пальцы мальчишки, испарилась как по волшебству.

– Ты знаешь кого-нибудь с Сорок второй улицы по имени Генриетта? – внезапно подавшись непонятному порыву, спросил Джейсон, пытаясь выглядеть как можно более непредвзято.

Джек чуть не подавился плюшкой. Закашлявшись, он с укоризной взглянул на своего взрослого приятеля.

– Я тебе что, справочное бюро? Там же сотни людей живут, как я могу знать, кого из них зовут Генриеттой?

– Она проститутка. Невысокая симпатичная блондинка, с большой грудью и приятным голосом. Вряд ли старше тебя более чем на четыре года.

Вот после этих слов Джек закашлялся так, что Джейсон, ругнувшись под нос, поднялся и от души похлопал мальчишку по спине, сожалея, что не может таким способом выбить из него всю лишнюю дурь.

– Ты... Ты чего, Джейсон? На кой ляд тебе сдались эти фифы? Того и гляди подцепишь от них чего-нибудь и будешь потом год лечиться в больнице Святой Дианы! Слушай, я так думаю, что пора тебе всё-таки жениться. И сразу забудешь свою ненаглядную кудрявую Генриетту!

Джентри мрачно посмотрел на мальчишку:

– С чего ты взял, что меня интересуют интимные отношения с этой девушкой? И откуда ты знаешь, что она кудрявая, если никогда не видел её?

– Дьявол, иногда я забываю, что ты полисмен! – приуныл Спунер, догрызая плюшку. – Ты меня поймал... Знаю я её, знаю. Нормальная вполне девчонка, хорошая. Работать начала совсем недавно. Фамилия её Барлоу. Она нездешняя, по-моему. Говорит, что из Северных районов, но я лично ей не верю. Уж больно она чистенькая и холёная. По мне так она вылитая уроженка Клэр-Парка!

Инспектор с удивлением вскинул бровь:

– Ты не хуже меня знаешь, что Клэр-Парке живут исключительно богатые и состоятельные люди, Джек.

– Знаю. Но я готов поставить на кон правую руку, что Генриетта Золотые Кудряшки Барлоу не из низов.

– Любопытно-любопытно...

– Ты мне всё ещё не сказал, почему интересуешься этой особой, – пользуясь отсутствием в столовой миссис Монро (хозяйка дома знала, когда нужно тактично удалиться, чтобы не мешать), Джек набивал карманы леденцами. – Она не такая как все, чегой-то в ней меня настораживает... Хм, неплохая конфетка... Хотя говорят, что дело своё знает назубок. Или на роток!

Спунер заговорщицки подмигнул. На веснушчатой мальчишеской физиономии не было и тени смущения.

Опустив последние пошлые слова собеседника мимо ушей, Джентри сказал:

– Ты бы завязывал со своими делишками...

– С чего бы это? Я ж должен зарабатывать на хлеб.

– Подрезая чужие кошельки и воруя продукты у неповоротливых лавочников?

– Не менее достойное занятие, чем у сильных мира сего, ворующих в гораздо более крупных размерах, – отрезал Джек. Он обиженно нахохлился. – Вчера на площади Набата опять была демонстрация. Рабочие сталелитейных заводов выступили маршем. Поговаривают, что если к их требованиям никто не прислушается, то они устроят забастовку. Представляешь? А где одни, там и другие.

Джейсон с интересом посмотрел на посерьёзневшего мальчишку:

– Не думал, что тебя интересует политика.

– И правильно делал! Эта штука волнует меня не больше чем чирей у старого Мемо. Просто я э-э-э... Патриот. А ты полицейский инспектор и по долгу службы обязан поддерживать правительство. Даже если оно, правительство, не право. Это твоя обязанность. Пусть и в ущерб собственному мнению.

– И что ты хочешь этим сказать? – удивился Джейсон.

– Трудно быть патриотом подневольному человеку. А я свободен. Чуешь разницу?

Джентри потерял пуговицу на жилете, скупое усмехаясь. Котелок у мальчишки варит почище чем у многих констеблей, проработавших в полиции не один год и предпочитающих не задавать вопросов, не относящихся к службе. Люди узкого кругозора, которые даже не задумываются над приказами. Разумеется, беспрекословное подчинение – одно из найдостойней-

ших качеств любого полицейского, стремящегося подняться по карьерной лестнице вверх. Но ведь человеческого приоритета думать никто не отменял.

– Мы ушли в сторону от темы, Джек. Я говорил тебе завязывать с Дном и перебраться в более приличный район.

– Слушай, иногда ты бываешь невероятным занудой! – с отвращением фыркнул Спунер, нахлобучивая на голову лётную кепку. – Ещё скажи устроиться в работный дом или там проситься в приют для беспризорников! Я сам по себе и мне нравится моя жизнь. Другой мне и не надо.

– Ты ещё слишком юн и только по этой причине на тебя мало обращают внимания. Но стоит тебе подрасти, и многое изменится. Джек, помогая мне, ты ставишь под удар себя. Разве ты не понимаешь, что с тобой может произойти, если в дальнейшем ты по-прежнему будешь работать со мной? Знаешь, как называют полицейских осведомителей на Дне?

Спунер посмотрел на Джейсона, как арестант на судью.

– Я никогда не считал себя стукачом, Джейсон. И мне плевать, что там думают по этому поводу другие. Ты боишься, что я закончу свою жизнь с камнем на шее на дне Магны? Да кому я на хрен сдался? Я не состою ни в одной из гильдий и не собираюсь никуда вступать. Я одиночка, Джейсон! А ты мой друг. И помогая тебе, я не чувствую себя предателем или крысой! Я хоть раз заложил кого-нибудь из тех, кто доверяет мне, но находится в неладах с законом? Нет? Ну, так и о чём ты тогда переживаешь?

Джентри задумчиво водил пальцем по столу.

– Уже темнеет, Джек. Не подумай, что выгоняю тебя, но тебе стоит поторопиться, если не хочешь, чтобы ночь застала тебя в пути. Впрочем, ты бы мог заночевать и здесь. Дом большой и для такого тощего доходаги, как ты, уж найдётся уголок.

Вставая на ноги, Спунер поморщился, словно вместо сахара отведал лимонной кислоты:

– Если мне придётся выбирать между Попрыгунчиком и твоей домомучительницей, я выберу Джека. От него я как-нибудь отобьюсь, а вот с этой древней кашалотихой я связываться не хочу.

На город опускалась ночь, а вместе с нею туман. Плотной густой воздушной массой он растекался по улочкам и дорогам, накрывал дома и мягко стучался в окна. Тыкался в тупики и обволакивал рвущие ночное небо башни, скрывал молниеотводы и печные трубы, ложился на крыши, хватал за ноги случайных припозднившихся прохожих. Туман приглушал звуки города, окрашивал в призрачную таинственную палитру. Туман зыбким дрожащим маревом поглощал город квартал за кварталом, принося сырость и запахи надвигающейся зимы.

Света зажёгшихся ночных фонарей и ламп едва хватало, чтобы рассеивать клубящуюся пелену тумана. Жёлтые огоньки робко мерцали в туманной ночи, словно далёкие-предалекие маяки. Город засыпал. Ночная жизнь по накалу страстей и движению заметно уступала дневной, а в такую слякотную прохладную ночь тем более. Мало находилось желающих прозябать на заволоченных белесыми испарениями улицах, когда видимость исчезала через несколько шагов, а изо рта вырвались, смешиваясь с туманом, облачка пара. Любой звук, любой посторонний шорох необычайно громко, усилившись, бил по ушам, заставляя непроизвольно вздрагивать.

Туман одерживал победу на всех фронтах, торжествующе захватывая город в свои липкие призрачные объятия. Никто не мог ему противостоять, ни парки, ни площади, ни трущобы бедняков, ни застроенные современными зданиями кварталы аристократов и богачей. Ни даже Промышленные кварталы, где причудливая грохочуще-пыхтяще-чадящая жизнь не останавливалась ни на минуту. Туман захватил всё и всех. Перед ним все были равны.

Одним из тех, кто не спал в эту ночь, был Вилли Престон. Он с самого вечера мужественно боролся со сном, говоря себе, что на этот раз он уж точно не заснёт. Вилли потерял уже

четвёртый зуб, но не разбогател ни на пенни! А ведь по его самым скромным расчётам в фарфоровой копилке-медвежонке уже должно было храниться не меньше трёх золотых монеток. Но он всегда засыпал с выпавшим зубом под подушкой и упускал момент прихода Зубной феи. Самое интересное заключалось в том, что на утро под подушкой было пусто. Вилли было уже семь лет, и он сильно подозревал, что Зубных фей не существует, а выпавшие молочные зубы исчезают благодаря заботам мамы. Но на этот раз он твёрдо вознамерился поймать удачу за хвост. Он не будет спать всю ночь, охраняя свой выпавший зуб, но либо дожждётся прихода Феи, либо поймаёт с поличным свою собственную мать. Кто знает, может, всякий раз, когда Зубная фея уже готова положить ему под подушку взамен зуба золотую монетку, в спальню входит мама и забирает заветный зуб?

Этой ночью Вилли твёрдо и решительно настроился разобраться во всей этой тёмной истории лично. Вот он и лежал в своей постели, до подбородка укрытый одеялом и периодически щипал себя за руки. Поначалу мальчик пробовал считать овец, затем переключился на щенков и, наконец, на вороны бросил эту безнадежную затею. Кого бы он ни считал, меньше спать от этого не хотелось.

В комнате мальчика чуть слышно тикали настенные часы, в горячих отопительных трубах приглушенно шумел пар. Папа Вилли, занимающий в компании Болджер Хаус должность инженера-архитектора, зарабатывал вполне неплохо, чтобы семья Престонов могла себе позволить установить новейший паровой котёл взамен старых угольных печек. Питаемый лижущим окна промозглым туманом сумрак запеленал комнату Вилли в непроницаемый саван. Мальчик отчаянно тарасил слипающиеся глазёнки, пытаясь рассмотреть в тёмных углах хоть что-нибудь. Он боялся пропустить появление Зубной феи, в такой темнотище спрятаться ей проще простого. Но включить в комнате газовые фонари он тоже не решался, боялся спугнуть долгожданную гостью.

Когда борьба Вилли со сном начала приобретать размах фронтовых действий, и он медленно, но уверенно начал сдавать позиции, во входную дверь дома семьи Престон кто-то постучал.

Вилли мгновенно распахнул атакованные побеждающим сном глаза. Сердечко мальчика бешено заколотилось. Вот! Она пришла! Почему-то Вилли несколько не сомневался, что ушлая Зубная фея нарочно постучала в дверь, зная, что внутри все спят. И не дождавись ответа, она, разумеется, прошмыгнёт внутрь и заберётся в его комнату, чтобы произвести обмен. И тут главное, чтобы не проснулась мама. Мысли Вилли спутались клубком шерстяных ниток. Он растерялся, не зная, что предпринять. Продолжать притворяться спящим? А вдруг мама проснётся, и сама пойдёт открывать дверь? Что же делать?.. Уставший после работы на стройке папа точно ничего не услышит и проспит до утра крепким здоровым сном. Но мама... Мама у Вилли была на редкость чуткой женщиной. Иногда мальчику казалось, что она услышит пролетающего в соседней комнате комара.

Стук повторился. Вилли откинул одеяло. Вскочив с кровати, как был, в одной пижаме и босиком, он на цыпочках подошёл к приоткрытой в спальню двери и осторожно выглянул в коридор. Там властвовал такой же сумрак, что в его комнате. Стараясь ступать неслышно по толстому половику, Вилли переступил порог прихожей и, затаив дыхание, приблизился к запирающейся на два замка надёжной входной двери. По обе стороны от двери были узкие, забранные деревянной решёткой окошки. Они никогда не закрывались занавесками, но сейчас Вилли, как не старался, не мог ничего разглядеть за ними. Мешал проклятуший туман, превративший глубокую осеннюю ночь в плотное, наполненное призраками и белесой зыбью марево.

Вилли замер. Тянувшийся из-под двери настырный уличный воздух охлаждал босые ноги. Дубовый паркет под ступнями казался ледяным мрамором. И опять этот стук! Тук-тук-тук. Настойчивый и твёрдый. Вилли чуть не подпрыгнул на месте. Он дико заозирался. Густая тьма, поселившаяся в доме, словно насмехалась над ним. Вилли опасался, что сейчас услышит мяг-

кие шаги выходящей из спальни мамы, щелчок зажигающего газовый рожок кремня и тогда будет уже слишком поздно. Он вновь бесславно расстанется с очередным (уже четвёртым!) зубом.

Ну уж нет, если понадобится, он сам откроет. И пусть он спугнёт её, пусть она убежит, оставив ему зуб и ничего не дав, он, по крайней мере, увидит, как она выглядит – Зубная фея!

Вилли решительно закусил нижнюю губу и протянул руку к дверной ручке. Вот дурак, дверь же заперта! Мальчик вытер о пижамные штаны предательски вспотевшие ладони. Так, сначала, чуть ли не на ощупь, отодвинем тугой массивный железный засов... Ага! Хорошо, что папа не ленится всегда смазывать в доме все навесы и запоры, иначе от скрипа трущегося железа кто-нибудь уж точно проснулся бы! Ну а теперь провернём вставленный в замочную скважину ключ. Внутри врезанного в дверь замка негромко щёлкнули поддающиеся детской руке пружины. Вилли этот едва уловимый звук показался грохотом весеннего грома. Он невольно зажмурился.

Фуу-ух, пронесло... Вилли вновь потянулся к круглой отполированной латунной ручке. Пальцы сомкнулась на металле и... Мальчик заколебался. Стук больше не повторялся. Может, Фея ушла, никого не дождавись? Вдруг она уже в его комнате шарит под подушкой в поисках желанного зуба? Или... Или это вовсе и не Фея стучала в их дверь. Внезапно Вилли сделалось страшно. Он боязливо поёжился. Возбуждающий азарт постепенно уступал дорогу надвигающемуся липкому страху. Но Вилли слыл упрямым и настырным мальчиком. В семь лет он мало чего и кого боялся. С бесстрашием, присущим только детям, Вилли был готов встретиться лицом к лицу с любой опасностью. Единственное, что его могло напугать, это грозный окрик мамы да отцовский ремень, к слову, так ни разу и не пущенный в дело по принудительному воспитанию непослушного сына.

Вилли, отринув последние сомнения, резко потянул дверь на себя. Тяжёлая створка бесшумно повернулась на хорошо смазанных (папа никогда не отлынивал от домашних обязанностей) петлях. За порогом, под изгибающимся над дверью козырьком кто-то стоял. Вилли изумлённо заморгал. Признаться, он до последнего сомневался, что стук ему не померещился или не приснился.

Высоченная, чёрная, чернее ночи фигура, нависающая над мальчиком как утёс и едва не достающая верхушкой шляпы-цилиндра до козырька. Туман расстилался за ночным гостем наваристым жирным киселём, холод торжествующе ворвался в прихожую, обминая застывшего на пороге чёрного человека.

Вилли отпустил дверную ручку и невольно попятился назад, с расширенными от удивления глазами всё выше и выше запрокидывая белобрысую головёнку. Вот это великан! Таких высоких людей он ещё не видел. Незнакомец был даже больше дяди Бена! Этот гигант поинтереснее Зубной Феи будет, решил мальчик. Он замер в центре прихожей, неотрывно глядя на темнеющую в дверном проёме фигуру.

– Здравьете, сэ, – отважно пискнул Вилли. – Вы что-то хотели?

На затенённом шляпой и высоко поднятым воротником длинного, до пят, плаща лице гостя блеснули огромные, навывкате как у совы, круглые глаза. Вилли потрясённо подумал, что должно быть, у этого человека какая-то глазная болезнь. Мальчик понимал, несмотря на свои детские семь лет, что у обычных людей таких глаз быть не должно...

– А разве мама не учила тебя, прежде чем открывать дверь, особенно ночью, спрашивать, кто там? – в ночном туманном сумраке блеснули зубы оскалившегося в ухмылке высокого незнакомца. – Мало ли кто может оказаться за дверью, малыш.

По телу продрогшего на сквозняке Вилли промчался табун мерзких колючих мурашек. Голос этого человека напугал его чуть ли не до мокрых штанов. Безжизненный, пустой и скребущий по ушам, как когти царапающейся в окно кошки. Гортанный голос незнакомца походил

на трение жерновов, на шуршание тараканьих лапок в стене дома. От лица Вилли отхлынула вся кровь. Уж лучше бы он заснул, и не услышал этот чёртов стук!

– Ч-что вам нужно? – дрожащим голосом спросил Вилли. Он прирос к полу, не в силах и пошевелиться, распахнутая дверь казалась ему ведущими в ад вратами, а высоченный чёрный человек на пороге самим дьяволом.

Ночной гость слегка наклонился вперёд, протягивая к мальчику руку. Вили с ужасом наблюдал, как к нему тянутся одетые в чёрную кожу перчатки пальцы. Рука надвигалась страшной чёрной змеей, она казалась бесконечной.

– Хочешь, расскажу сказку на ночь, малыш? – вкрадчиво спросил незнакомец и глумливо хихикнул. От звука этого отвратительного подобия смеха Вилли всего передёрнуло.

Пальцы чёрного человека замерли в дюйме от веснушчатого носа мальчика. Вилли не мог выдавить из себя ни слова. Он хотел закричать, позвать на помощь папу, но его язык намертво прилип к гортани. Мальчику стало очень страшно, нерушимая детская отвага испарилась без следа.

– Жил-был маленький мальчик, который не слушал маму... И однажды он сунул свою маленькую глупую голову в пасть льву, – в темноте туманной ночи внезапно загорелись два алых факела. Вилли не сразу сообразил, что это налились неестественным багровым светом круглые совиные глаза страшного человека в чёрном. – А ты знаешь, что бывает с такими дрянными мальчишками?

Вилли отрешённо покачал головой, ему показалось, что он слышит, как заскрипели все позвонки в его шее. Алые глаза незваного гостя стали огромными как чайные блюдца, из мрака на Вилли надвинулось искажённое омерзительной гримасой лицо, обрамлённое густыми неопрятными бакенбардами, из оскаленного, кривящегося в ухмылке рта жутко воняло. Прихожую наполнил тихий дребезжащий смех сумасшедшего.

– Ну так я тебе расскажу!

Длинные подёргивающиеся пальцы чёрного человека захлопнувшись капканом сомкнулись на горле мальчика. Вилли не успел и пискнуть, как Джек-Попрыгунчик одним рывком вытащил его на улицу, словно умелый рыбак, подсёкший крупную рыбу.

Пассажирский дирижабль «Бабочка» класса «Альбатрос» шёл на высоте две тысячи футов, приближаясь к столице, рассекая ночь и обгоняя разгулявшийся среди плотных дождевых облаков суровый восточный ветер. Огромная серебристая сигара упрямо пронзала студёный воздух. Подвешенные к гондоле проблесковые маячки неустанно подмигивали красными глазками. На такой высоте в шуме нападающего на дирижабль ветра рокот движителей мотогондол был едва слышным.

В рубке управления было тихо и спокойно. Седоусый капитан расслабленно держал руки на штурвале. Первый помощник сонно вглядывался в огромное, расчерченное металлическими перемычками обзорное окно кабины. Капитан, старый воздушный волк с более чем двадцатилетним стажем полётов, снисходительно усмехнулся, услышав тоскливый зевок первого помощника. Молодой ещё, только недавно окончивший лётную школу офицерик. Да этому мальчишке годков примерно столько, сколько капитан уже отпахал в бытность свою пилотом воздушного судна. Но ничего, у него ещё всё впереди. Пусть дремлет. Проложивший путь штурман уже давно посапывает на откидной койке в задней части тёплой безопасной рубки.

«Бабочка» выполняла свой обычный стандартный перелёт из Гринбурга в Раневол. Далеко не в первый, и не в последний раз бороздя бескрайний воздушный океан. Дирижабли класса «Альбатрос» были исключительно надёжными и удобными пассажирскими судами, и в этом плане «Бабочка» ничем не отличалась от своих собратьев по цеху. Жёсткий тип, сто двадцати ярдовая сигара, заполненная баллонами с водородом, четыре движителя последнего поколения, установленные на боковых плоскостях, хвостовые стабилизаторы, гондола, способ-

ная вместить шестьдесят пассажиров, плюс обширное отделение в нижней палубе для перевозки багажа. «Бабочкой» управляли три пилота. Ещё три стюарда следили за порядком в просторном салоне дирижабля.

Воздушное судно успешно преодолевало сопротивление ветра, вспарывая закруглённым носом жёсткой оболочки надутые тучи. Дирижабль шёл плавно, скользя как бумажный корабль по спокойной воде безмятежного пруда. В пассажирском отсеке в пол накала горели защищённые толстым стеклом подвешенные к потолку электрические лампочки. Почти все пассажиры умиротворённо спали, поддавшись мирному убаюкивающему ритму огромного воздушного корабля. Делая около ста узлов в час, «Бабочка» должна была достичь причальных мачт главного городского небопорта ранним утром.

Одним из тех, кто, невзирая на столь позднее (или уже раннее, смотря как рассматривать три часа пополуночи) время, бодрствовал, был пассажир, вольготно расположившийся в полупустом отделении класса люкс. За исключением горсточки избранных, все остальные путешествовали в салоне первого класса. Менее престижного в дирижаблях типа «Альбатрос» предусмотрено не было.

В отличие от разморённых теплом уютного салона соседей, этот пассажир был одет в застёгнутое на все пуговицы дорогое драповое пальто с отложным воротником. Он развалился в кресле с откинутой спинкой, надвинув на глаза шляпу-котелок, и со стороны мог казаться спящим, ничем не отличаясь от полудюжины посапывающих соседей по салону. Справа от него, касаясь вытянутых ног, стоял большущий, чуть ли не квадратный чемодан, из чёрной кожи, с окованными уголками и сверхнадёжным замком от фирмы «Барьер». Человек в тёплом пальто скорее бы согласился расстаться с одной из рук, чем сдать свой чемодан в багажное отделение.

Поёжившись, словно его донимал жгучий холод, пассажир повернул голову и посмотрел в круглое окошко. За стеклом беззвучно проносились размазанные, окутанные ночью облака. Вздохнув, он сунул руку в карман пальто и, достав круглые часы, откинул крышку. В мягком свете салона блеснули фосфоресцирующие стрелки. Начало четвёртого. По его расчётам дирижабль прибудет в столицу через полтора часа. Вполне можно было бы и поспать. Но сон никак не желал идти на встречу. Возможно, тому виной было содержимое огромного чемодана. Или же не отпускающая человека звенящая дрожь предвкушения. Совсем скоро он продемонстрирует свою новейшую разработку, и тогда некоторые высоколбы скептики будут посрамлены...

Гордон Крейг позволил себе довольную усмешку. Слишком многие упорно твердили ему, что подобные технологии не будут доступны ещё целое поколение, но он никогда не гнушался разбивать стереотипы. Крейг не боялся риска и никогда не отступал. И его новейшее изобретение наглядное тому доказательство. Так же учёный никогда не отказывался от щедрых финансовых предложений. Крейг ценил свой труд, а исчисляемые тысячами фунтов гонорары ценил ещё больше.

Гордон, не смотря на относительную молодость, уже успел в полной мере познать цену успеха и вкусить её опьяняющие плоды. Приоритетной жизненной позицией для него всегда являлось воплощение идеи. Дать имя и форму тому, что периодически возникало в его гениальной голове, словно божественное озарение сверху. А дальше... Дальше было два варианта. Либо забросить очередное ноу-хау на полку, либо дать ему дорогу в свет. И прилично на этом заработать. Гордон Крейг был талантливым учёным и большим прагматиком. И ему было глупо наплевать, как использует его изобретения прогрессивное человечество. В конце концов, он же не оружие делает! Так что за будущее населения земного шара можно быть спокойным и совесть Крейга никогда не мучала. Зато удачно заключённые сделки всегда приятно согревали...

В защищённом от промозглых ветров и холодной ночи салоне дирижабля скорость, развиваемая воздушным судном, практически не ощущалась. Крейгу нравилось летать. Здесь, на высоте тысяч футов, среди облаков, над оставшейся далеко внизу землёй он чувствовал себя, как рыба в воде. На него снисходило умиротворяющее состояние, душой овладевал покой. Тут он мог себе позволить безмятежно развалиться в удобном кресле и ни о чём не думать. Многие опасались подниматься в воздух. Дирижабли, эти огромные раздутые киты, властелины небесного океана отпугивали излишне слабонервных. Гордон Крейг к последним никогда не относился.

Первые аварии и падения воздушных исполинов давно остались в прошлом. Но катастрофы, не редкие на заре становления воздухоплавания, настолько сильно отпечатались в людской памяти, что ещё не скоро окончательно забудутся. Современные летающие корабли были фактически лишены недостатков, присущим первым моделям. Единственное, что и сейчас представляло реальную угрозу, это воспламенение водорода в несущей оболочке. И то, подобная опасность оставалась актуальной исключительно для дирижаблей мягкого и полужёсткого типа. На жёстких судах водород был закачан в надёжные, изготовленные из негорючего материала баллоны, расположенные внутри прочной цельной оболочки. Конечно, водород оставался водородом, и применение дирижаблей в военных целях носило повышенный, впрочем, сторицей себя оправдываемый риск. Гордон всё ждал того момента, когда будет придуман безвредный невоспламеняющийся аналог водороду, способный заменить взрывоопасный газ. Да, существовали лёгкие модели кораблей, поднимаемых за счёт постоянно нагреваемого паровым котлом воздуха, но возможности этих малышек были столь ничтожны, а ненадёжность конструкции столь велика, что они использовались разве что в сельском хозяйстве, да в провинции для перелётов на совсем небольшие расстояния.

Так, размышляя обо всём помаленьку, Гордон незаметно для самого себя начал клевать носом. Его рука упала с подлокотника кресла, пальцы прикоснулись к ручке чемодана. Ощущение холодной кожи под пальцами подействовало на учёного успокаивающе и он, смежив глаза, провалился в победившую предутреннюю дрему.

Вторым бодрствующим человеком из расположившихся в классе люкс, был сидящий по левому борту прямо напротив Крейга, одетый в дорогой костюм невзрачный господин средних лет. Он развернул газету и, пользуясь рассеянным светом горящей прямо над головой лампы, не отрываясь от чтения. Так, по крайней мере, казалось со стороны простому обывателю. На самом же деле любитель ночного чтения весьма поверхностно скользил взором жёстких стальных глаз по расплывающимся в сумраке строчкам. Не подавая и виду, он изредка бросал пронзительные взгляды на своего соседа по салону, на кутающегося в плащ Гордона Крейга.

Дождавшись, когда сомлевший учёный уткнулся подбородком в грудь, наблюдающий за ним господин отложил газету и закинул ногу на ногу. Он взял с пустующего рядом кресла клетчатую фуражку и натянул на коротко стриженую голову. Осталось немногим больше часа до начала столь тщательно вынашиваемой операции. Выстроенный план, предусматривающий десяток возможных вариантов развития событий, должен был сработать как безотказные вертоновые часы. Но даже если что-то пойдёт не так, как задумывалось, на этот случай у него имелся ещё один план. Самый безотказный и действенный из всех возможных.

Он невесело улыбнулся. Тонкие сухие губы сардонически искривились, а вот глаза остались холодными и предельно сосредоточенными. Вопреки расхожему мнению он не любил идти на крайние меры и запускал в действие план «Б» лишь в самых исключительных случаях. Людская молва приписывала ему изрядную жестокость и презрение к человеческим жизням. И не редко, благодаря пропаганде и специально распускаемым слухам, навешивала ему чужих собак. Последний факт всегда его изрядно забавлял. Дело в том, что приписываемые ему события действительно происходили. Но если не он, то кто тогда стоял за ними? Интересно, да?

Хотя, положив руку на сердце, он признавал, что для него в этом ничего интересного и таинственного как раз и не было. Он знал, против кого идёт. Так же, как и отлично знал, что эти люди не гнушаются ничем. Впрочем, как и он сам. Они были равны перед господом. Вот только цели у них были совершенно разные.

Он считал себя патриотом. Они называли его врагом номер один. Народ думал, что он преступник. А где же правда? Кто из них прав? Что ж, на этот вопрос он мог ответить. Правы были все. Он был патриотом, он был беспощадным врагом, и он был тем, кем его преподнесли людям. Невидимка был самым разыскиваемым Внешней и Внутренней разведкой террористом. И если понадобится, он, не раздумывая, взорвёт к чертям собачьим этот дирижабль, отправив на небеса более полусотни пассажиров. Он знал, что рука его не дрогнет. Запасной план, лекарство от всех возможных неудач всегда срабатывал на отлично. И заложенные на верхней палубе, под отсеком с заполненными водородом баллонами двадцать фунтов термической взрывчатки в доли секунды превратят «Бабочку» в пылающего мотылька.

Невидимка был готов на это шаг. Если понадобится, он принесёт в жертву и всех этих людей и себя в придачу. Потому что он был патриот.

Глава 4

Элен в полной мере вкусила, что такое настоящая роскошь, когда вошла в ванную комнату особняка Гиллроев. Бог ты мой, она и представить себе не могла, что бывают ванны таких размеров! Стоя в окружении сверкающего великолепия хрусталя и мрамора, девушка поняла, насколько же сильно разнится уровень жизни богатых промышленников и обычной рабочей семьи достатка ниже среднего. Пропасть была колоссальной. Элен посмотрела на гигантскую чугунную ванну, в которой можно было запускать парусники, в сверкающих хромом кранах появилось её размытое отражение. Да уж... И ведь это самая обычная ванная для слуг, расположенная на третьем этаже! А что же тогда говорить о личных санузлах членов семьи Гиллрой? Наверняка там всё из серебра и золота, достойного особ королевской крови.

В ванной комнате было жарко, вдоль отделанных плиткой стен тянулись толстые трубы парового отопления. Большое, одетое в массивную раму, зеркало запотело. Под зеркалом была прибита широкая полочка, уставленная целой батареей всевозможных пузырьков. Шампуни, кремы, бальзамы... Элен едва удержалась, чтобы не броситься изучать все эти красивые бутылочки. Что и говорить, у них дома не было и десятой части того, что гордо красовалось на этой полке. Элен строго одёрнула себя. Спокойно, мисс Харт, спокойно, ты давно не ребёнок. А ведёшь себя, как маленькая девочка, попавшая в замок своей мечты. Только прекрасного принца не хватает. Элен грустно улыбнулась. А чем особняк Гиллроев не дворец? И принц тут имелся, правда, далеко не прекрасный.

В первый же свой рабочий день, Элен осталась совершенно одна в этом огромном трёхэтажном старинном особняке. Говоря одна, девушка не принимала в расчёт пожилого дворецкого, которого, казалось, из пушки не прошибёшь, и старшего сына четы Гиллрой Стефана. Умственно отсталый паренёк, как выяснилось, с утра не высовывал носа из своей комнаты, так что Элен даже понятия не имела, как он выглядит. Ну не велика беда. Девушка была абсолютно уверена, что при встрече со Стефаном ни с кем другим его точно не перепутает. Зато она многое, что успела на другом поприще. Проглотив обиду, девушка стойчески собрала свои домашние вещи, попрощалась с мамой до воскресенья, обустроилась в своей новой комнате, познакомилась с очаровательными сорванцами-двойняшками и была представлена хозяину дома Джеймсу Гиллрою.

Мистер Гиллрой произвёл на Элен неизгладимое впечатление. Высокий, стройный, с идеально уложенными волосами, тонкой полоской чёрных усов и твёрдым взглядом глубоко посаженных серых глаз. Весь облик главы семейства дышал силой и уверенностью. Было в Джеймсе нечто властное, заставляющее безропотно краснеть перед ним. Сразу было видно, что этот суровый видный мужчина привык повелевать и не знает слова – нет. Первоначальное мнение Элен о том, кто в доме является настоящим хозяином, растаяло как весенний снег. Катрин со всем своим высокомерием и норовом рядом с вылитым дворянином Джеймсом смотрелась крайне бледно. Элен даже подумала, что наверняка Джеймс Гиллрой потомственный аристократ. Впрочем, спросить об этом напрямую она побоялась. В подобных семьях прислугу, случалось, выставляли вон и за меньшие провинности. Зачем же искушать судьбу глупыми и несвоевременными вопросами?

Этим вечером, предоставив девушке, по словам Катрин «время, чтобы освоится на новом рабочем месте», чета Гиллрой, взяв с собой детвору, отправилась в театр. Джеймс лично сел за руль новенького паромобиля, стоившего по самым скромным прикидкам Элен столько, сколько ей и за всю жизнь не заработать. В Аркайд-парке открылся новый театр, и все сливки городского общества спешили на премьеру. По такому случаю в театре собирались показать сеанс иллюзиографа. Новейшее слово в сфере технологии и развлечения семимильными

шагами завоёвывало безумную популярность, становясь излюбленным досугом для многих желающих приобщиться к искусству.

Поклонников нового чуда света становилось всё больше. Случалось, что на входе в театр, где должны были показывать сеанс, стояли толпы желающих увидеть магию движущихся картинок хоть одним глазком. И единственное, что пока не давало иллюзиографу стать воистину массовым увлечением – это дороговизна в производстве и, следовательно, высокие цены на билеты. Далеко не каждый мог себе позволить посетить подобные мероприятия. Элен вот, хоть и была порядком наслышана о невероятном зрелище, когда на большем экране оживали картинки, превращаясь в иллюзию жизни, ни разу не видела этого чуда воочию.

Но девушка не особо унывала по этому поводу. У неё хватало и других, более приземлённых и обыденных проблем. Радовало, что её малолетние подопечные оказались несколько не похожими на своих родителей. Ни грамма высокомерия, ни капли мрачности. Бьющая через край энергия, присущая детям сумасшедшая непоседливость и очаровательные ангельские мордашки. А уж когда брат с сестрой посмотрели на свою няню трогательными, карими глазками, Элен поняла, что двойняшки ещё те несносные засранцы, которые постараются устроить ей как можно более весёлую жизнь. Замечательные, в общем, детки. Но Элен была готова объявить им, если понадобится, настоящую войну. У неё был немалый опыт ведения боевых действий, спасибо младшему братишке.

Комната Элен располагалась на третьем этаже особняка в западном крыле. Девушка любила просыпаться дома с первыми лучами солнца, а здесь она будет каждый вечер наблюдать его закат. Ну да это всё мелочи. Сама же комната поразила её своим убранством и чистотой. Удивительно, но как, не имея приличного штата прислуги, дворецкий умудряется в одиночку поддерживать порядок во всём этом огромном поместье? Эта загадка была выше понимания Элен. А может Катрин настолько хорошая домохозяйка, что от её придирчивого взора льдисто-голубых глаз в ужасе испаряется самая мелкая пылинка? Насколько было известно Элен, миссис Гиллрой нигде не работала, но постоянно находилась в разъездах. Чем можно заниматься всё это время, находясь вне дома, девушка ума приложить не могла. Впрочем, она и не должна об этом думать. Ей будут платить, и платить хорошо, за совсем другие вещи, нежели гадание на кофейной гуще.

Итак, супруги Гиллрой усадив в свой роскошный паровой дилижанс без умолку галдящих ребятишек, возбуждённых предстоящей поездкой, отправились в Аркайд-парк, пообещав вернуться не позже десяти. Так что в распоряжении Элен было целых четыре часа, которые она не собиралась тратить зря. Она наскоро разложила свои скромные пожитки по полочкам, развесила в гардеробном шкафу верхнюю одежду, разобрала показавшуюся ей королевской постель и решила принять горячую ванну. Когда за окном слякоть и холод, горячая ванна самое надёжное средство поднять настроение. Погода несколько не желала улучшаться, к вечеру улицы начало затягивать противным сырым туманом. Глядя в большое, забранное ажурной узорчатой решёткой окно, стоя под уютно жёлтым светом горящей люстры, Элен подумала, что такими темпами ночью туман окончательно завладеет погружённым во мрак городом.

Ванная комната была совмещена со спальней, что для выросшей в Фабричном районе девушки было чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно только толкнуть дверь, и ты окажешься в этом царстве сверкающего стекла и блеска отполированных кранов.

Вот и стояла Элен, порядком растерянная, в центре ванной комнаты, не зная, что дальше делать. Отчего-то она заробела, девушкой овладело смущение, словно она без спросу собирается искупаться в личной ванне мистера Гиллроя под его пристальным оценивающим взглядом. Тьфу ты, о чём она думает? Что за пошлости лезут в её голову? Элен, недовольная собой, сморщила носик. Ну что за скабрёзные глупости... Кому она нужна? Кто за ней будет подглядывать? Комната дворецкого располагалась на первом этаже, спальня Стефана на втором.

На третьем, кроме неё, на данный момент никого не было, ни одной живой души. Дверь в свою новую комнату Элен заперла. Так чего же она боится?

Собравшись с волей, девушка откинула все надуманные сомнения и решительно повернула краны. В ванную ударила кристально чистая струя парующей горячей воды. Элен довольно улыбнулась и подошла к зеркалу. Придирчиво посмотрела на своё отражение и не найдя ничего примечательного, вновь сморщила носик. М-да, особой красотой она не блещет, чего уж там. Элен категорически отказывалась понимать, что в ней находят те люди, что одобрительно свистят в след, когда она идёт по улице. Наверняка смеются, другой причины девушка не видела. Мужчины, что с них взять... Правда, мама всегда говорила, что её дочь выросла настоящей красавицей, да и мисс Гиллрой намекала, что она хороша собой.

Пожав плечами, Элен приблизилась к зеркалу вплотную и внимательно всмотрелась в лицо скрывшейся за стеклом темноволосой девушки. Лицо, как лицо. Самое заурядное. Чересчур большие глаза, широковатый нос, дурацкие припухлые губы вызывающего цвета спелой вишни (брр-р... Прямо как у падшей девки какой!), крупный подбородок... Элен разочарованно вздохнула, отворачиваясь. Ничего нового она не увидела. Как была дурнушкой, так и осталась. Мама говорила, что у неё глаза как у султанатской принцессы, нашла, чем порадовать!

Девушка освободила волосы от синей атласной ленты и тяжёлые, тёмно-русые пряди каскадом рассыпались по плечам. Вот волосы, волосы – это да, своей непослушной густой шевелюрой, доставшейся в наследство от папы, Элен в полной мере гордилась. Раздевшись, девушка перекрыла воду, ванна наполнилась почти до краёв. Вода была в меру горячей и очень на вид заманчивой. Так и хотелось как можно быстрее погрузиться в этот чугунный бассейн. Ванна была настолько большой, что можно было спокойно улечься в ней и вытянуть ноги!

Скинув туфли, Элен присела на краешек ванны и с наслаждением помассировала затёкшие пальцы. Она не очень жаловала подобную обувь, предпочитая дома обходиться простыми и удобными босоножками или круглоносими башмаками. Но в доме Гиллроев следовало выглядеть соответственно занимаемой должности. Элен признавала, что благообразная и чистенькая нянечка малолетних сорванцов в грубых ботинках или легкомысленных сандалиях будет выглядеть не очень хорошо.

Поморщившись, Элен с самым невозмутимым видом осмотрелась и взялась за шнуровку ажурного лифа. Она терпеть не могла этот предмет женского нижнего белья. Лиф постоянно давил и стеснял движения. О-о-о, как же она радовалась вечерами, когда снимала его и проклинала, надевая каждое утро. В такие моменты она до слёз завидовала тем самым падшим девкам, которые не удосуживались стеснять себя этим дьявольским орудием пыток! И зачем ей нужен лиф, скажите на милость, если у неё даже и груди то практически нет?! Но мама, мама воспитывала из неё леди. Да уж, леди с улицы Шестерёнок... Элен скептически ухмыльнулась.

Отшвырнув ненавистный лиф в сторону, девушка взялась за панталоны. Увлечённая глубоко личными мыслями, девушка совсем не обратила внимания на едва слышимый скрип, зародившийся в спальне. Скрип был так похож на звук осторожно приоткрываемой двери, что даже услышь его Элен, и то не поверила бы собственным ушам. Какая, скажите на милость, может быть «приоткрываемая» дверь, когда она дважды провернула в замке ключик, надёжно запирая комнату?

Оставшись в чём мать родила, Элен торопливо забралась в ванну. Горячая вода ласковым парным молоком обволокла кожу, принимая девушку в свои объятия. Элен откинула голову на специально предусмотренную подушечку и, вытянувшись в струнку, блаженно застонала. Боже, как же хорошо... Набрав в лёгкие воздуха, девушка зажмурилась и погрузилась в воду с головой.

Скрывшись в хрустальной заводи, Элен, разумеется, не услышала звука едва уловимых шагов, доносящихся из спальни. Словно кто-то осторожно крался, едва слышно ступая по устланному на полу ворсистому ковру. И этот некто очень не хотел быть замеченным.

Вынырнув, Элен смешно зафыркала и щедро плеснула в игриво кусающуюся горячую воду душистого шампуня. Взбив пену, девушка, полностью скрылась под белыми воздушными хлопьями, оставив над водой одну лишь голову. Игриво высунув из пенной заводи ноги, девушка шаловливо сделала в воздухе «ножницы». По комнате разносился одуряюще вкусный пахучий аромат шампуня, а вода настолько нежно ласкала кожу, что Элен была на седьмом небе от счастья. Иногда нужно так мало, чтобы очутиться в nirване. Девушка решила, что эта новая работа принесёт ей больше плюсов, чем минусов. Она справится. Справится со всеми трудностями. Как всегда справлялась. Мама говорила, что упёртый характер ей достался от отца. Папа же в таких случаях добавлял, что умение встревать в разные глупости дочка определённо переняла от матери... Элен невольно улыбнулась. Она очень сильно любила своих родителей. И всегда скучала по ним.

Расслабившись, Элен смежила глаза. Зная о привязанности дочери к родительскому дому, Виктория Харт частенько ворчала, что же будет Элен делать, когда выйдет замуж? Или она думает остаток жизни провести в своей маленькой комнатке под маминым крылышком? Элен же мастерски игнорировала подобные рассуждения мамы. Александр в этом вопросе всегда вставал на сторону дочери. Будь его воля, он бы ни за что и никогда не отпускал свою малышку за порог дальше, чем на сто футов. Тони, младший брат Элен, ждал не дожидаясь того дня, когда сестра выскочит замуж и освободит в его безраздельное пользование свою комнату.

Мечты о замужестве оставались исключительно мечтами мамы. Но ни её. Элен Харт меньше всего на свете хотела замуж. Во всяком случае, пока. А учитывая, что привлекательностью она отнюдь не блещет, перспектива свадьбы отодвигалась на весьма неопределённый срок. Что девушку вполне устраивало.

Вдоволь наплюхавшись, Элен с немалым сожалением вылезла из ванны и спустила остывшую воду. Вытеревшись досуха огромным пушистым полотенцем, она накинула на разгорячённое тело длинный халат и, подхватив свои вещи, вошла в спальню. Элен открыла шкаф и заботливо развесила одежду по плечикам. Юбка, блузка, кофточка, чтобы ни одной складочки и не дай бог пятнышка.

Закрыв дверцу шкафа, Элен прошла к стоящему справа от кровати зеркальному трюмо и, присев на постель, взялась за расчёску. Необходимо привести себя в порядок и как следует высушить волосы, чтобы не выглядеть с утра растрёпанной неряшливой ведьмой. С блистающей безупречными нарядами и косметикой Катрин вполне станется дать Элен пинка под зад из-за любой пустячной оплошности, будь то неровно подстриженные ногти или выбившаяся из причёски прядка волос.

Расчесав волосы, Элен сбросила халат и повернулась, чтобы взять заранее приготовленную ночную рубашку. Она намеривалась лечь спать пораньше. Завтра с утра начнётся её первый рабочий день и уж тогда она не позволит себе такой роскоши, как заснуть раньше уложенных в постель детей. Но сегодня, сегодня она всё ещё была вольна над своими желаниями.

Рука Элен наткнулась на одеяло, но ночнушку так и не нащупала. Недоумённо нахмурившись, Элен внимательно осмотрела постель. Как же так, ведь она же собственными руками положила рубашку на середину, прямо вот сюда... Девушка встала на ноги и медленно двинулась по кругу, обходя придвинутую изголовьем к стене кровать. Что ещё за чудеса такие? Куда испарилась из запертой комнаты её рубашка....

Элен резко повернулась к входной двери. Большие карие глаза изумлённо расширились. Дверь была приоткрыта! Но она же лично... Что здесь происходит?!

С оглушающе забившимся сердцем Элен стремглав кинулась к двери и одним резким движением захлопнула её. Ключ! Где же ключ? Куда она его положила? На прикроватный сто-

лик, кажется... Девушка повернулась и... И только сейчас увидела, что слева от кровати, забившись в самый тёмный угол, сидит, поджав под себя ноги, какой-то молодой парнишка в затасканного вида полосатой пижамной паре, прижимая к груди ЕЁ НОЧНУЮ РУБАШКУ!

И ещё девушка поняла одну очеееннь неприятную вещь. Она была абсолютно голой. Как Элен удержалась от истошного визга, способного по её предположениям поднять мёртвых из могил с близлежащего Шелзенского кладбища, она сама не могла сказать. Зато мисс Харт совершила прыжок через всю комнату, достойный преследуемой львом быстроногой лани.

Элен оказалась в халате быстрее, чем успела выдохнуть. Тут же, упав на пол, она осторожно высунула голову над кроватью. С противоположной стороны, поверх одеяла и простыней, на неё смотрел невесть как появившийся в её комнате паренёк. Так они и замерли, каждый со своей стороны, разделяемые постелью, оба стояли на коленях и оба безмолвно тарасились друг на дружку. Сердечко Элен постепенно замедлило набранный стремительный темп, успокаиваясь и затихая. Девушка понимала, насколько комично выглядит эта ситуация со стороны. Но вот только ей было не до смеха! Элен не разродилась воплями лишь потому, что почти мгновенно сообразила, кем был этот незванный нежданно-негаданный посетитель. Пробравшийся в её спальню молчаливый парнишка не мог быть никем иным, кроме как Стефаном Гиллроем.

Но, позвольте заметить, принадлежность юноши к семье Гиллрой не давала ему ни малейшего права врываться в спальню прислуги и пугать Элен до полусмерти. И, тут девушка покраснела, как перезревший арбуз, не спуская с молодого Гиллроя настороженного взгляда, никто не давал ему права глазеть на её обнажённую натуру. Проще говоря, Элен не привыкла, чтобы на её голую задницу пялились, разинув рот, всякие ненормальные.

Стефан смотрел на неё, скорчившись на полу и не говоря ни слова. Что ж, похоже, его сложившаяся ситуация устраивала более чем, чего нельзя было сказать о мисс Харт. Элен была девушкой доброй и терпеливой, но постоять за себя была вполне способна и редко кому давала спуску. Она мрачно закусила нижнюю губку, не отводя от юноши взгляда. А он ничего, вполне хорош собой, вынуждена была признать Элен. Белокурые волосы, уточённые черты лица, прямой нос, аккуратный подбородок, Стефан являлся более мужественной копией Катрин. Но вот глаза...

Синие глаза Стефана в обрамлении густых ресниц, казалось, были способны свести с ума не одну легкомысленную девушку, но... Но в них ничего не было. Ни отблеска жизни, ни тени эмоций, ни любопытства, ни желания, ни-че-го. Синие глаза Стефана были тусклыми пустыми колодцами, в которых растворился разум, и утонули все чувства. Он смотрел на Элен, но у девушки создавалось впечатление, что он её не видит, а смотрит куда-то вдаль, сквозь неё, словно заметил на стене комнаты нечто интересное. Она даже обернулась, но ожидаемо ничего не увидела, кроме разлинованных в полосочку салатových обоев. Внезапно все страхи, всё негодование и возмущение, вся паника, обуявшая её, показалась Элен не стоящей и выеденного яйца. Хвала всем святым, что она удержалась-таки от крика. Неужели она могла испугаться этого несчастного парнишку? Да он вряд ли даже понял, что она была нагишом, в чём мать родила! Элен подумалось, что для Стефана нет абсолютно никакой разницы, одетая она или нет. Да сбрось она повторно халат, он и бровью не поведёт, а выражение пустых синих глаз нисколько не изменится. И вообще, надо всегда проверять заперта ли дверь на самом деле или же только в её воображении!

Элен стало до того жаль этого светловолосого паренька, лишь на несколько лет старше неё, что в сердце защемило.

– Эй, не бойся меня, – Элен встала на ноги и медленно опустилась на кровать, стараясь не совершать резких движений. Вот чудно то как всё! Как будто она пытается приручить дикого, незнакомого с людьми зверька. Девушка выпрямилась, поджав по себя ноги, расправила прикрывающие бёдра полы халата, и как можно более дружелюбно улыбнулась.

– Привет, я – Элен. Я ваша новая няня. Ну... То есть няня твоих младших брата с сестрой. Ну, ты наверняка понял меня, да? Во всяком случае, мне кажется, что понял. А ты, дай угадаю... Тебя зовут...

Элен специально тянула время. Глубокомысленно хмурия брови и состроив крайне сосредоточенную рожицу, словно решая в уме сложные арифметические уравнения, она как бы невзначай поглядывала на не торопящегося вылезать из-за кровати парня. Элен пыталась уловить в глазах Стефана проблеск хоть каких-то изменений. Но тщетно. Юноша всё так же уныло таранился на неё, словно жующая траву корова. Ладно, ещё не вечер...

– А тебя зовут Стефан! – радостно воскликнула Элен и дурашливо захлопала в ладоши. Да, ведёт она себя так, словно общается с пятилетним ребёнком, а не с взрослым человеком. Кто угодно, увидь происходящую в спальне картину, и её саму вполне способен принять за великовозрастную дурочку, ушибленную в детстве головой об пол. Но в данную минуту девушке было глубоко наплевать, что о ней подумает возможный сторонний наблюдатель.

– Я угадала, верно? Видишь, как я догадливая! Хотя, наверно, тебе стоит знать, что твоё имя мне было изначально известно... Ну да ничего, всё равно я тебя смогла удивить, признайся. Кстати, если ты думаешь, что сидя на полу, разговаривать со мной будет удобней, то глубоко заблуждаешься. Давай, поднимайся и садись на кровать. Я не съем тебя, не бойся. Ну же!..

Элен приветливо, продолжая ласково улыбаться, приглашающе помахала рукой. Стефан, наконец, пошевелился и проводил движение её руки пристальным взглядом, ни дать ни взять цирковая собачка, следующая за командами опытного дрессировщика. Элен сконфуженно ругнулась под нос. Почему-то ей было стыдно даже в мыслях оскорблять бедного парнишку, сравнивая его с бессловесным животным.

– Ну вставай-вставай. Уверю, что здесь намного мягче и лучше, чем на полу, честное слово. Стефан, ну в конце-то концов, это всё-таки твой дом, и ты волен делать в нём всё, что тебе не заблагорассудится. Даже можешь сесть на мою постель. Но только, чур, руки не распускать!

Довольная своей шуткой, Элен тихонько рассмеялась. Звук её звонкого чистого смеха заставил Гиллроя встрепенуться. Он поднялся на колени, затем встал на ноги. И замер, глядя на неё сверху в низ. Неужели на него подействовал её смех, чуть не поперхнулась Элен? Или же он просто отреагировал на звук собственного имени?

– Стефан. Стефан, садись рядом со мной.

– Да, я Стефан. Мама говорит, что я Стефан, – юноша разлепил губы и впервые с момента нахождения в комнате Элен заговорил. Голос у него был под стать глазам, такой же пустой и бесцветный. – Мама говорит, что я хороший мальчик.

В голосе Стефана прорезались капризные нотки. Он словно ждал немедленного подтверждения маминых слов.

– О-о-о, Стефан, ну конечно, конечно ты хороший мальчик, – боясь спугнуть удачу, торопливо сказала Элен. – Ты самый лучший мальчик на свете.

Стефан помотал головой и тяжело бухнулся на кровать, смяв простыни. Элен в душе возликовала. Он послушался её! Послушался!

– Можно, я прикоснусь к твоим волосам? Они у тебя такие красивые, как у мамы... То есть я хотела сказать – миссис Гиллрой.

Поскольку вновь уставившийся в одному ему видимые дали Стефан ничего не ответил, Элен сочла молчание за знак согласия. Она протянула руку и робко дотронулась до белокурых, достигающих плеч, волос паренька. Только сейчас девушка заметила, что эти волосы не мешало бы как следует помыть. Да и самому Стефану горячая ванна совсем бы не повредила. От него шёл довольно-таки устойчивой запах давно немытого тела. А его пижама определённо нуждалась в капитальной стирке.

– Как же ты запустил себя, бедняжка, – прошептала Элен, вглядываясь в лицо Стефана. – Что ж, думаю, мы с тобой поладим, дружок. Ты же хочешь стать моим другом?

– Другом, – эхом отозвался Стефан, из уголка его приоткрытого рта потянулась тоненькая струйка слюны. – Стефан хороший мальчик.

– М-да, вижу, что ты просто без ума от меня, – рассмеялась Элен, вытирая рот Стефану рукавом халата. – Ещё никто из парней не пускал слюны в моём присутствии! Чертовски польщена. У вас хороший вкус, мистер Гиллрой!

Джентри плохо выспался, а потому пребывал в исключительно ужасном расположении духа. Не подал профессиональному нищему, взывающему на паперти к совести проходящих мимо ранних пташек. Нагрубил кондуктору маршрутного омнибуса, заподозрившего в старшем инспекторе Империял-Ярда «зайца». Наступил на ногу разодетой в облезлые меха дорожной даме у Хрустального моста. Отпугивал хмурой небритой физиономией спешащих в школы и гимназии детишек. Пригрозил стайке засыпающих на ходу после тяжёлой рабочей ночи помятых проституток на улице Тюльпанов неделей кутузки... В общем, день у Джейсона не задался с самого начала.

С наступлением утра властвовавший всю ночь туман рассеялся без следа, в бессилии растекаясь хиреющими струйками по каменным мостовым. Туман спешно убежал в канализацию, прятался в занесённых палой листвой городских парках, торопился к рассекающей столицу на две неровные части неспешно текущей Магне. Утренний воздух был чист и свеж, наполняя лёгкие запахами озона, влажной травы, речной воды. Совсем скоро утренняя свежесть сменится иными «ароматами». На смену бодрящим запахам осеннего утра придёт вонь с удвоенной силой запыхтевших фабричных труб, окрепший ветерок принесёт от реки миазмы переполненных коллекторов, добавятся запахи горящего масла, сжиженного газа, пота лошадей, кожи, раскалённого железа. Чуть позже в мешанину сплетающихся ароматов вольются запахи выпеченного хлеба, дух конского навоза, запах тысяч высыпавших на улицы людей. Город окутается этими ароматами, как восточная красавица шелками и так будет до следующего очищающего дождя или растворяющего любые запахи тумана. Таков был большой город. И никто, из живущих в нём, этих запахов практически не замечал. Люди рождались в них, жили с ними и умирали, вдыхая их...

Джентри прибыл в Главный Городской небопорт к семи часам. Утренние сумерки ещё неохотно отступали, освобождая дорогу зарождающейся на востоке заре. Небо было чистым, с вкраплениями серебряных шляпок гвоздей-звёзд по всему бледнеющему, наливающимся серым цветом рассеяно-чёрному полотну. Ещё немного и звёзды исчезнут, а небо заиграет совсем другими красками. Денёк обещался быть на редкость солнечным и тёплым.

Джентри пересёк вместительную транспортную площадку, запруженную дилижансами и паромобилиями, вошёл под своды гигантского здания порта, освещённого изнутри сотнями ярчайших фонарей, и вышел с внутренней стороны. Здесь, на огромной, невероятных размеров, покрытой тщательно подогнанными плитами площади, настоящими великанами высились, обросшие металлическими растяжками причальные мачты. Колоссальные башни из металла вонзались в светлеющее небо, мигая красными сигнальными огоньками. У подножия мачт, уподобившись муравьям, суетились десятки рабочих, занятых приготовлениями к приёму или отправке дирижаблей. Справа, на приличном расстоянии от последней мачты, располагались колоссальные ангары, способные принять в своих необъятных чревах воздушных странников.

Джейсон остановился на выходе из здания порта, прищурившись, наблюдая за волокущими к одной из мачт бухту причального троса дюжими работниками в непромокаемых штормовках. В столь ранний час на территории небопорта посторонних людей было не так уж и много. Намётанный глаз Джентри насчитал в поле своего зрения не более двух десят-

ков человек. Не в пример заполонивших транспортную площадку водителей и извозчиков. Что ж, день только начался. В час пик здесь не протолкнёшься от толп народа. Главный небопорт города каждый день обслуживал десятки дирижаблей: грузовых, пассажирских, почтовых, курьерских. Военные дирижабли располагались на гораздо меньшей по размеру территории Западного небопорта. Так же в Столице имелись Центральный небопорт, для приёма особенно важных гостей и совсем маленький небопорт Бигеллоу, обслуживающий пригородные сообщаемые линии. Главный же Небопорт был самым большим из всех и самым старым. Его построили более тридцати лет назад, одновременно с началом эпохи освоения воздушного пространства.

Интересующий инспектора дирижабль должен был причалить примерно через двадцать минут. Джейсон то и дело поднимал голову, вглядываясь серыми глазами в наливающееся утренним светом бескрайнее небо. Заходящий на посадку дирижабль будет виден издали. Сначала маленькая, мерцающая на бескрайних просторах пока ещё угрюмо-тёмного неба точка. Потом, постепенно увеличиваясь в размерах, на глазах у встречающих, маленькая точка превратится в несомую потоком невидимого ветра маленькую сигарообразную игрушку. А ещё через несколько минут в раскинувшемся над портом небе зависнет сияющая огнями громада властелина воздушного моря – красавца дирижабля.

Сейчас, у вершушек причальных мачт на прочных тросовых растяжках были пришвартованы два судна. Насколько мог рассмотреть Джентри, грузовой толстяк класса «Штоф», имеваемый по-простому бочонком, и двухпалубный пассажирский гигант «Атлант», превосходящий размерами ожидаемый Джейсоном «Альбатрос» почти в полтора раза.

Джейсон со скучающим видом посмотрел на жилетные часы. Ждать он умел, этого не отнимешь у полицейского, привыкшего часами сидеть в засаде или проводить сутки за наблюдениями, когда время течёт настолько медленно, что кажется бесконечной ленивой рекой. Инспектор зевнул. Чёрт его дери, заснул он далеко за полночь и проспал каких-то жалких три-четыре часа. Очень мало для измотанного предыдущим насыщенным днём человека... Ну ничего, в таких случаях Джентри любил говаривать, что на пенсии отдохнёт. Вот тогда он как следует отоспится, на зависть всем медведям и суркам.

В зевающем человеке, наблюдающим за гигантскими причальными мачтами никто не опознал бы старшего инспектора Империял-Ярда. Джентри ничем особенным не выделялся. Всего лишь ещё один человек из толпы. Высокий, с хмурой худощавой физиономией, в длинном плаще и шляпе с чуть изогнутыми полями и прямой тульей. Плащ скрывал вложенный в заплечную кобуру револьвер и приколотый к жилету значок полисмена.

Постепенно серое небо стало наливаться жёлто-алым светом. Заря разгоралась, пронзая торопливо убегающую ночь лучами встающего солнца. Моргнули и пропали последние звёзды, на несколько биений сердца в посиневшем небосводе зыбким призраком замерла горбушка надкушенной луны, но вот исчезла и она. Небо налилось синевой, солнце ярко вспыхнуло из-за горизонта, и торжествующее утро с триумфом вступило в город.

Мимо Джентри, вяло переругиваясь, промаршировал взвод крепких парней. Ребята обступили ближайшую к зданию небопорта причальную мачту. С верхушки вознёсшейся на сотню футов металлической башни безвольно свешивалось с дюжину тросов. Джентри рассматривал на самой верхней площадке деловито копошащиеся возле причального узла фигурки. Забравшиеся на поднебесье удалыцы были готовы взяться за лебёдку, чтобы подтянуть швартующийся дирижабль к мачте. Всё было готово для приёма воздушного судна. Значит, «Бабочка» уже на подходе. Или поллёте. Как правильно сказать, Джентри не знал. Зато прекрасно знал, что гонору и самодовольства у воздушных пилотов ничуть не меньше чем у моряков. Что для лётчиков, что для матросов все пешеходы были сухопутными крысами.

Ага, а вот и он. Джентри задрал голову, сдвигая шляпу на затылок. Вдалеке, едва заметная с земли, в небе возникла чёрная точка, увеличивающаяся с каждой секундой. Огромный

корабль на таком расстоянии казался мелкой букашкой, исторгнутой бескрайними просторами насыщенных густой осенней синевою небес. Джейсон прищурился, разгорающееся солнце начало больно колоть глаза. Скучающие у мачты парни взялись за концы тросов. То, что Джейсону казалось невероятно сложной и ответственной работой, для них давным-давно превратилось в ежедневную рутину. Кто-то из работяг громко травил анекдоты, кто-то умудрился закурить, не выпуская из рукавиц гайдропа, никто из них не подавал и признаков беспокойства или нервозности. На причальной площади властвовал полный штиль. Не единого дуновения ветерка. Многочисленные, усеивающие молниеотводы флажки бессильно обмякли, флюгеры замерли в безмолвном ступоре. Отсутствие ветра значительно упрощало работу швартовочной команды, и облегчало приземление воздушного корабля.

Джейсон не заметил того плавного, но неуловимого для глаз наблюдателя перехода, когда маленькая чёрная точка превратилась в могучего великана, зависшего почти над крышей здания небопорта. Разумеется, это был оптический обман. Сказывалась близость к зданию порта первой причальной мачты, у макушки которой застыл, покачиваясь на воздушных потоках дирижабль. Посадочные и проблесковые огни корабля были погашены. С наступлением утра в них отпала всякая необходимость. С брюха гондолы длинными тянущимися по земле змеями свешивались, издав далеко похожие на тонкие волоски, заранее сброшенные причальные тросы. Корабль отбрасывал на площадь продолговатую тень, накрывшую швартовочную команду. Джейсон с немалым интересом наблюдал за слаженными действиями наземной бригады и экипажа «Бабочки». Небесное судно мастерски удерживалось в одном положении. Широкие лопасти пропеллеров замерли, электромоторы остановились, трескучие мотогондолы затихли. Теперь огромный корабль, управляемый закрылками и несущими плоскостями, слушался только штурвала в опытных руках капитана. Ребята сноровисто вязали тросы корабля с гайдропами причальной мачты. Когда с тросами было покончено, один из команды махнул двумя красными флажками. Где-то на верху башни, заработала лебёдка и связанные воедино канаты начали потихоньку, с трущимся скрипом, натягиваться, поднимаясь над землёй.

Гайдропы размеренно вбирались вглубь башни, наматываясь на барабаны лебёдок. Дирижабль начал опускаться всё ниже и ниже, тросы тянули его к причальному узлу, куда он спустя некоторое время уткнулся носом жёсткой сигарообразной оболочки. Стыковочный узел тут же неспеша заскользил вниз, уходя к земле по направляющим мачты, как лыжи по накатанной в снегу колее. Швартовочная бригада, рассыпавшись, помогала спуску корабля, то натягивая, то ослабляя не задействованные при стыковке с мачтой тросы. К опускающемуся дирижаблю уже спешили толкающие перед собой тележки носильщики и подоспевшие к моменту приземления встречающие. Однако дальше определённой линии никому заходить не разрешалось, пока воздушный корабль не будет надёжно закреплён и обездвижен. Площадь загудела от возбуждённых людских голосов.

Внезапно под сводами громадного здания Небопорта ожили громкоговорители. Усиленный электричеством приятный женский голос сообщил, что в Главный Небопорт Столицы согласно расписанию прибыл дирижабль класса «Альбатрос» «Бабочка», посему просьба всем встречающим... Джейсон в сотый раз зевнул и поднял воротник плаща, нахлобучив шляпу по самые уши. Засиявшее не небосводе солнце нисколько не грело. Осень как-никак, земля уже успела остыть, и жары больше не предвиделось вплоть до следующего года.

«Бабочка» распласталась у земли, зависнув в считанных футах над плитами причальной площади. Растяжки надёжно зафиксировали небесного гостя, и к гондоле подали трап. С такого расстояния дирижабль казался огромным, выброшенным на берег китом. Громадная туша, возвышающаяся над людьми пятиэтажным зданием. Когда дирижабль поднимут вверх к верхушке мачты, его размеры перестанут быть столь угрожающими. Джейсон не спешил подходить ближе. В любом случае Гордон Крейг направится к распахнутым воротам Небопорта и мимо Джейсона уж точно не проскользнёт. Крейгу было известно, что его встретят, так что никуда он

не денется. К тому же отсюда у старшего инспектора открывался прекрасный обзор на опустившийся дирижабль и обступающих его людей. Особенно Джейсона интересовали люди. От его цепкого ищущего взора не ускользнуло незамеченным ни одно лицо. Ни один из встречающих «Бабочку» не был обделён самым пристальным вниманием Джентри. Джейсон вполне отдавал себе отчёт в том, что любой из этих десятков людей может оказаться Невидимкой. Так же Джейсон не питал радужных иллюзий в плане того, что сможет опознать террориста номер один. Разумеется, нет, поскольку них не было ни одной фотографии этого человека и ни малейшего описания его внешности. И вряд ли чтобы на лбу у Невидимки было написано его прозвище.

Правда Джейсон сильно сомневался, что Невидимка решится убрать прибывшего в столицу учёного прямо сейчас. Как и вообще сомневался в намерениях преступника. Невидимка был именно что террористом, а не наёмным убийцей. Конечно, ему ничего не стоило шлёпнуть Крейга. Вопрос только в том – зачем? И почему где-то наверху решили, что именно убрать? И зачем кому-то понадобилась смерть рядового учёного? И почему для этой работы наняли именно Невидимку? Достаточно дать заказ опытному киллеру и дни Крейга были бы сочтены в тот момент, когда эта идея пришла бы голову таинственному нанимателю. У Джентри не было ни одного ответа ни на один из вопросов. Отчасти поэтому он и не выспался ночью. Бесчисленные, громоздящиеся друг на друга вопросы одолевали его. А он был совершенно бессилён в их решении. Джентри знал до смешного мало и подозревал, что знает ещё меньше, чем ему кажется на первый взгляд. Всё это дельце было шито белыми нитками. И просто нашпиговано всяческими нестыковками и неувязочками...

Лицо Гордона Крейга старший инспектор заучил наизусть и узнал бы, даже измени учёный внешность или переоденься женщиной. Поэтому Джентри сразу вычислил из группы высыпавших из гондолы пассажиров человека, которого он должен был сопровождать и охранять ближайшие несколько дней. Среднего роста, невзрачного телосложения, молодой, не старше самого Джентри, привлекательное открытое лицо, умные глаза. Дорогое тёплое пальто, щёгольский котелок, модные туфли, в руке огромный чемоданище, который Гордон тащил без видимых усилий.

– Мистер Крейг, добро пожаловать в Столицу, – снимая шляпу перед приблизившимся к зданию небопорта учёным, Джентри был сама любезность. – «Бабочка» домчала вас быстрее ветра.

Гордон остановился как вкопанный и одарил старшего инспектора не самым любезным взглядом. Но кодовая фраза сыграла свою роль.

– Ветер был попутным, сэр, – учёный слегка приподнял котелок над густыми чёрными волосами. – С кем имею честь...

– Джейсон Джентри, старший инспектор Империял-Ярда, – Джентри намеренно опустил фразу «отдела по расследованию убийств». Совершенно не к чему преждевременно травмировать этого «профессора». – Вас должны были предупредить, что вас встретят.

– Да-да, вот только никто не сказал, что моей скромной персоной займётся лично инспектор из отдела по расследованию убийств, – Гордон хитро улыбнулся и пожал протянутую руку.

Хватка у Крейга оказалась на удивление крепкой. Что он сказал?! Джентри вылутился на учёного. У него аж рот приоткрылся. Вустер божился, что ДРУГОЙ стороне ничего не будет известно о нём. Капитан полиции пообещал, что за учёным присмотрит один очень надёжный человек, но на этом вся информации о Джентри и его роде деятельности для покровителей Крейга исчерпывалась.

Они посторонились, позволяя людскому потоку пронестись мимо. Топали десятки ног, скрипели колёсики груженных вещами тележек, уши забивала нарастающая под сводами порта многоголосица. Джентри торопливо захлопнул пасть и заставил себя принять безмятежный вид. Он внимательно из-под полей шляпы осмотрел входящих в задние пассажиров «Бабочки». Их было много, новых лиц, которые следовало хотя бы бегло, на скорую руку изучить.

– У вас такой вид, мистер Джентри, словно вы надеетесь разыскать в толпе своих близких родственников, – Крейг ни на секунду не выпускал из левой руки чемодан. Джентри подумал, что при внешней хлипкости Крейга, должно быть силён, как вол. И судя по всему, он ещё тот засранец... Инспектор страдальчески скривился. Неприятности продолжаются. Ужасный день. – Или я не единственный ваш подопечный, мистер полисмен?

– Мистер Крейг, давайте пройдем к выходу, сядем в дилижанс, и я вам обо всем по порядку расскажу, – стараясь не терять терпения, растягивая тонкие губы в идиотской улыбке, сказал Джентри. – Заверяю вас, что я всего лишь выполняю приказ и привязан к вам помимо своей воли. Так вот, я вам задницу вытирать не нанимался, но сделаю всё от меня зависящее, чтобы в ближайшие несколько дней с вами ничего не случилось. Слово даю.

Учёный свирепо зыркнул на Джейсона. Видимо он не привык, чтобы с ним общались в подобном ключе. Но заносить ему хвост Джентри и впрямь не собирался.

– М-м-м... У вас просто здорово получается уговаривать, сэр, – сказал Крейг. – Рад нашему знакомству.

– Взаимно. Позвольте ваш багаж?

– Нет-нет, мне совсем не тяжело! Кстати, а-а-а... Я тут кое-что упустил из сказанного вами. Как вы говорите – «ничего не случилось»? А разве со мной должно ЧТО-ТО случиться?

– Давайте сядем в дилижанс, и я отвечу на все интересующие вас вопросы, на которые я в силах ответить. Сэр.

Невидимке очень не понравился встретивший Крейга человек. Чертовски сильно не понравился. Ни сам человек, ни тем паче его острый пронзающий взгляд. Признаться, на секунду Невидимке показалось, что этот хмурый тип с нехорошим взглядом вычислит его. Во всяком случае, когда неприветливые серые глаза вскользь задели его в потоке вливающих под своды небопорта пассажиров причалившего дирижабля, Невидимка непроизвольно вздрогнул. Это было неприятно. Неожиданно и от того вдвойне неприятно. Ещё никогда он не дёргался. Играть в гляделки и у самого Невидимки получалось прекрасно. Но у этого парня были глаза точь-в-точь как у него. С той лишь разницей, что Невидимка не считал свой взгляд нехорошим.

Проследовав за учёным и угрюмым типом в плаще до транспортной площадки и проводив укативший с ними запряжённый двойкой вороных рысаков лёгкий дилижанс с зашторенными окнами настороженным взглядом, Невидимка призадумался. Неприятный парень, дьявольски неприятный. Может причинить немало неприятностей... Конечно, Невидимка нисколько не сомневался в собственных силах и считал, что справится с любыми проблемами, но зачем находить эти проблемы на ровном месте, верно? Кто же этот хмырь?

Невидимка был отлично осведомлён, что Крейга будут ждать, что без присмотра силовиков он не останется. Каналы информации террориста в плане достоверности ещё ни разу не подводили. Но Невидимка ожидал всё-таки увидеть кого угодно, вплоть до вооружённого до зубов взвода констеблей, на бронепаромашине примчавшихся в небопорт, но не одиночку с таким нехорошим взглядом... Само собой Невидимка не собирался брать быка за рога на глазах у множества людей. Время у него есть, а самопожертвование целесообразно лишь в самом крайнем случае. За здорово живёшь приносить себя на алтарь Идеи Невидимка не собирался. Жить он хотел и фанатичным недоумком никогда не был. Но наступи это крайний случай и Невидимка бы не колебался ни секунды. И это не пустая бравада. Это патриотизм. Понятие, порядком подзабытое многими в этой прогнившей словно упавшее яблоко стране.

Пусть едут. Учёный и его сопровождающий умчались, растворяясь в городских дебрях, думая, что смогут скрыться, спрятаться. Не существовало такой норы, из которой Невидимка не мог вытянуть свою законную добычу. Он был охотником, хищником. Универсальным оружием. Террористические акты, взрывы, пушечные под откос поезда? Это одна сторона медали.

С другой Невидимку мало кто знал. Он усмехнулся. Он никогда не оставлял ненужных свидетелей.

Двадцать фунтов взрывчатки остались лежать на верхней палубе «Бабочки», надёжно укрытые от любопытных глаз. Дирижабль останется в порту ещё на шесть дней, в кармане пижонского пальто Крейга лежал билет на обратный рейс. Так что взрывчатка будет нелишней страховкой. Невидимка не страдал манией величия и понимал, что от неудач никто не застрахован. Даже господь бог, когда создавал это мир.

У него было шесть дней, чтобы всё проверить. Уйма времени. Прорва часов и бесконечность минут. Руку Невидимки оттягивал пухлый раздутый саквояж. Террорист почти не замечал его веса. Мысли его вновь унеслись вслед за дилижансом. Кто же он, этот парень? Полисмен? Силовик ВВР? Впрочем, кем бы он ни был, это ему не поможет. Невидимка никого не боялся. Но этот тип его встревожил, чего греха таить. Человека с такими глазами следует, по меньшей мере, опасаться.

Невидимка поднял глаза к купающемуся в солнечных лучах небу, посмотрел на примыкающие к огромному зданию небопорта окраинные дома, вдохнул прохладный воздух большого города. Столица... Грохот работающих заводов, свист пара, гул пролетающих над головой дирижаблей, шум тархтящего по железной дороге паровоза, гудки паромобилей, столь ненавистные им констебли на забитых людьми улицах. Столица. Опять он здесь.

Невидимка обожал этот город. И ради населяющих его людей был готов взорвать его ко всем чертям. Ну что ж... Невидимка огляделся. Перво-наперво поймать пролётку и добраться до подходящей гостиницы. А затем навестить кое-каких старых друзей, которые не откажут давнишнему товарищу и коллеге в помощи. Невидимка умел быть благодарным и жутко не любил разочаровываться в дружбе.

На сугубо личный взгляд Джека Спунера временно замещающий старшего инспектора отдела по расследованию убийств Морган Флеминг не производил впечатления серьёзного фараона. Лысеющий очкарик опрятной внешности с ухоженными бакенбардами. Спрятавшиеся за линзами добродушные глаза и носовой платок в кармашке пиджака. Не хватало в Моргане истинной мужественности, считал Спунер. Скорее он был похож на бухгалтера или хозяйина галантерейной лавки, чем на сотрудника Империял-Ярда. И наверняка о своей службе на флоте Флеминг тоже насочинял, чтоб прибавить себе весу, думал Джек.

...Мальчуган немало изумился, когда вместо хмурой физиономии Джентри увидел мягкое лицо его заместителя, мелькнувшее в сутолоке рыскающих вокруг дома констеблей. Флеминг с понимающе сочувствующим видом записывал в блокнот показания зарёванной молодой женщины. Рядом стоял как в воду опущенный мужчина средних лет, обнимая женщину за плечи. Наверняка её муж. Из дома в дом через настежь распахнутые двери шныряли затянутые в синие мундиры полисмены. Изрядная территория перед крыльцом была огорожена натянутой на вбитые колышки ярко жёлтой лентой. Из окон соседних домов выглядывали любопытствующие кумушки, на улице околачивалось с полсотни развесивших уши зевак. Ещё бы, новое ночное нападение Джека-Попрыгунчика.

Спунер осторожно выглядывал из-за отливающего синевой крыла служебного паромобилия. Если Флеминг его заметит, то Спунеру несдобровать. В отличие от Джентри, Флеминг не шибко жаловал малолетнего проныру. Спунер, крадучись, прокрался до запряжённой четвёркой лошадей скоростной кареты с намалёванным на дверках красным крестом и, стараясь не дышать, затаился за багажным ящиком, надеясь услышать хоть обрывки проводимого Флемингом допроса. Но к глубокому разочарованию мальчика Морган захлопнул блокнот и, что-то ободряюще пробормотав, раскланялся с горем убитыми супругами. Мужчина немедленно повёл плачущую женщину в дом.

Флеминг, сунув блокнот в карман накинутаго поверх суконного костюма тонкого пальто, побрёл к паромобилю. Несколько полицейских продолжали обнюхивать землю вокруг дома, делая какие-то замеры и исчисления. Что же здесь произошло? Кем была очередная жертва Попрыгунчика? И куда подевался Джейсон? Обычно он первым выезжал на место преступления и лично опрашивал всех свидетелей. Поимка неуловимого маньяка всегда была главным приоритетом Джентри. Сгорая от нетерпения, Спунер храбро высунулся из-за кареты и подошёл к Флемингу.

Увидев вихрастого мальчика в лихо заломленной набекрень кожаной кепи с пристёгнутыми затемнёнными гоглами, Флеминг застонал, как истязаемый мученик.

– Я тоже рад вас видеть, инспектор, – широко улыбнулся Спунер, кивая головой. Распавшееся солнце тут же бросило пару зайчиков в стёкла массивных лёгных очков. – Позвольте спросить, а где мистер Джентри? И что здесь происходит? Выжившие есть?

– Это уже три вопроса, – Морган уныло посмотрел на перегородившего ему дорогу к машине надоеду. – Что ты здесь делаешь, Спунер?

– Вообще-то я живу в этом городе, инспектор. Или вы запомнили? А у нас, хвала парламенту, ещё не отменяли закона, позволяющего гражданину находиться в пределах городской черты там, где ему заблагорассудится.

– Эта черта заканчивается у полицейской ленты, – ткнул большим пальцем за спину Флеминг. – Скажи спасибо, что Джейсон опекает тебя, иначе с тобой никто здесь не церемонился бы.

– Можно подумать, что когда-нибудь моя помощь оказывалась лишней, – негодуяще фыркнул Джек. – Я не раз рисковал вместе с вами, инспектор. Разве не так? Да мы с вами просто братья по оружию какие-то! Кстати, а где Джентри? Я вот опять никак не возьму в толк, что...

Флеминг решительно обошёл Спунера с фланга, на ходу обронив:

– Я всегда был против твоего привлечения к операциям Империял-Ярда.

Но от Джека не так-то просто отделаться. Он догнал полицейского у самой машины.

– А Джентри говорит, что у меня скрытый талант по части актёрской игры! Я хоть раз запорол хоть одно дело? По-моему, я заслужил, чтобы со мной нормально общались, сэр.

Морган облокотился о кожух паровой установки машины, и устало сказал:

– Спунер, вот и пусть с тобой Джентри общается, раз он считает, что ты у нас великий артист. Я у тебя автографы брать не стану, и церемониться тоже не намерен. Что ты хочешь знать? А? Ты хочешь знать, кого этой ночью пришил Попрыгун, да? Ну так загляни в карету, откинь покрывало и посмотри в лицо тому мальчику, который всего четыре месяца не дожил до восьмилетия! Вперёд, разрешаю!

Последние слова Флеминг выкрикнул, привлекая немалое внимание отгоняемых несколькими констеблями зевак. Инспектор дрожащими пальцами вытянул из кармана пиджака носовой платочек и вытер, несмотря на прохладное утро, вспотевшее лицо. Джек мудро промолчал, в кое то веки прикусив язык. Пожалуй, он немножко погорячился, таская тигра за хвост.

– Простите, сэр, – прошептал Джек, не глядя на близоруко щурившегося на солнце Флеминга. Полицейский остервенело полировал очки всё тем же платочком. Голос Моргана зазвучал глухо, как из могилы, оттеняемый невыразимой тоской и болью:

– Этот ублюдок перерезал несчастному мальчику горло, словно какой-то свинье. Надо кончать с этим недоноском, клянусь божьей матерью, надо кончать... Он слишком далеко зашёл.

– Собственно, куда мы направляемся? – Крейг отодвинул закрывающую окно шторку и расплющил нос о стекло. – Я плохо расслышал адрес, что вы назвали извозчику... И почему

мы не сели в паромобиль? Домчались бы с ветерком! Конный экипаж это устаревающий рудимент нашей эпохи. Будущее за паровыми машинами и наукой!

– Вы раньше бывали в нашем городе? – Джентри мужественно игнорировал поток нескончаемых вопросов. Этот Гордон оказался тем ещё зазнайкой, болтуном и занудой.

– Конечно! Посему с полной уверенностью хочу порекомендовать вам парочку неплохих гостиниц, где я раньше уже имел честь останавливаться... Мы, кстати, сейчас вот проезжаем мимо одной из них. «Семь башен», слышали? Очень приличное место, хорошая обслуга, вкусная кухня...

Джейсон сдвинул на лоб шляпу и скучаяще сказал:

– Забудьте обо всех прежних адресах своего пребывания в столице. Мы устроим вас в другом, более надёжном месте.

Гордон шумно заёрзал на обтянутом вытертой кожей сиденье и покосился на инспектора:

– Опять недомолвки, мистер Джентри. Что вы от меня скрываете? С того момента, как я сошёл с трапа «Бабочки» и познакомился с вами, я постоянно ловлю себя на мысли, что мне не говорят о чём-то жизненно важном. К чему вся эта суета и детские игры в шпионов? Неужели вы и впрямь думаете, чт...

– Мистер Крейг, кто вам сказал о роде моей деятельности? – перебивая, спросил Джейсон и в упор посмотрел на сидящего напротив учёного. Джентри понял, что если Гордона вовремя не заткнуть, то и слова не вставишь в его нескончаемый монолог. – Что вам вообще известно?

– Смею вас заверить, что мне известно много больше, чем вы даже в состоянии вообразить, инспектор, – Крейг снисходительно улыбнулся. Видимо, он не привык, чтобы его так непочтительно прерывали. – Но я понял, что именно вы хотите от меня услышать... Не надо смотреть на меня волком и морщить лоб. Я всё вам расскажу. Меня предупредили, что человеку, который встретит меня, можно безоговорочно доверять. И поскольку этим счастливым оказался вы, я ничего, в рамках дозволенного для посторонних ушей, скрывать от вас не буду.

Джентри заинтересованно посмотрел на принявшего загадочный вид учёного. В кабине лихо несущегося по мощным улицам дилижанса было сухо и тепло. Джентри почти сразу расстегнул плащ, однако Крейг по-прежнему зябко кутался в своё драповое пальто, изображая замерзающего маури на Северном полюсе. Чемодан Крейг поставил рядом с собой на сиденье. Инспектор периодически с любопытством поглядывал на драгоценную поклажу учёного, не желающего расставаться с ней ни на секунду.

– Уж будьте любезны, сэр. Любая поведанная вами информация может оказаться очень полезной.

– Я прилетел в столицу представить коллегии ОСУ своё новое изобретение. Всего лишь. И поверьте, мне искренне непонятна раздутая в это раз шумиха вокруг моей более чем скромной персоны. Я не вчера родился и понимаю, что дело нечисто. Все эти предосторожности и интриги, пароли, знаменитый инспектор Ярда в качестве сопровождения! К чему всё это, мистер Джентри? Я обычный учёный, которых много. Единственное, что я хочу, это похвастаться своей новой игрушкой, запатентовать её, продать и получить кучу денег. И всё! Больше меня мало что интересует. Удивлены?

– Я думал, что учёные одержимы идеями и творят во благо науки, – скупое усмехнулся Джентри.

– Учёные тоже люди, и от денег никто не откажется. Любое техническое достижение подхлестывает человеческую мысль, стимулирует желание работать и стремиться к лучшему, к совершенству. Вы знаете, чем отличается работа от творчества, сэр?

Джейсон ненадолго задумался. Против воли, разговор с Крейгом начал увлекать его.

– Мне казалось, что басни о вдохновении придуманы поэтами.

– Работа и творчество – это две стороны одной медали. Это величайшее достижение цивилизации. Выполнять любимое дело и ещё получать за это хорошие деньги! Вот вы довольны своей работой?

– Ну, её достаточно трудно назвать творческой и не скажу, что некоторые моменты приносят мне моральное удовлетворение, да и доходы, насколько я подозреваю, у нас разнятся чертовски сильно, но в целом... В целом мне нравится быть полицейским.

– Значит, вы понимаете меня.

– Мы отвлеклись, – возвращая учёного в прежнее русло завязавшейся беседы, кашлянул Джентри.

Гордон с распалившимися глазами скорчил кислую мину. По всей видимости, он так же не любил, когда его на полном скаку осаживали с любимого конька.

– Ну... В общем, рассказывать больше особо и нечего. ОСУ назначили мне встречу, предупредили, что в этот раз все несколько дней моего пребывания в столице меня будет сопровождать очень надёжный и проверенный человек, которому я могу доверять больше, чем себе, сообщили пароль-отзыв и... Собственно и всё! Повторяю ещё раз, мистер Джентри, для меня нынешняя поездка ничем не отличается от предыдущих. И мне до сих пор не понятно, зачем понадобилось приставлять ко мне старшего инспектора отдела по расследованию убийств. Видимо, вы и впрямь так хороши, раз находитесь рядом со мной в этой карете!

Джентри задумчиво нахмурил брови. ОСУ – Объединённый Совет Учёных имел весьма солидный вес в политических играх и парламенте. Немудрено, что они нашли рычаги воздействия на Двор и «попросили» капитана Вустера поспособствовать в разрешении их «незначительной проблемки»...

– А что касается вашей личности, то голову даю на отсечение, что до самого последнего момента и представить себе не мог, что это будете именно вы! Просто у меня феноменальная память на лица...

Крейг скромно потупился, явно ожидая восторженных восклицаний старшего инспектора. Джентри сделал вид, что ничего не заметил. Скорбно вздохнув, Крейг продолжил:

– Я слежу за тем, что происходит в нашем мире, мистер Джентри. Я читаю газеты, слушаю радио, даже начал ходить на сеансы иллюзиографа... Вы ещё не бывали? О, это на редкость занимательная штука, уверяю вас! Сходите обязательно, не пожалеете. Хм, так вот... Я неоднократно видел вашу фотографию в сводках криминальных хроник. Вы более известны, чем вам кажется, сэр.

– Не могу сказать, что мне нравится публичность, – сказал Джейсон, сложив на груди руки. – Позировать для газет – удел вашей братии, мистер Крейг.

– А ведь вы не особо жалуете нас, да, мистер Джентри? – Гордон понимающе улыбнулся. – Я отлично читаю между строк и прекрасно вижу, что вы настроены совсем недружественно. Для вас работа всегда остаётся работой, неважно, нравится ли вам то, что вы делаете, или нет. Профессионализм превыше всего. Что ж, похвально, но позвольте спросить, чем же я вам так не угодил? Или мы? Все мы, те, кто двигает и вращает неумолимое колесо прогресса. Что вам не нравится в науке?

Джентри выдержал пристальный, изучающий взгляд умных, с хитрецей, глаз.

– Наука подминает под собой человечность, а прогресс топчет культуру и чувства простых людей, не считаясь ни с чем.

Пожалуй, ему повезло попасть прямо в яблочко. Во всяком случае, Гордон выглядел крайне огорошенным, словно схлопотал дубиной промеж ушей. Учёный не сразу выдохнул набранный в лёгкие воздух и неожиданно с неподдельным восхищением уставился на Джейсона:

– Это самый лучший и честный ответ из всех, что я когда-либо слышал, сэр! Вам удалось поразить меня! Но вы так и не сказали, чем мой нынешний приезд отличается от, к примеру, последнего, четырёхмесячной давности?

– Наверно тем, что раньше вас никто не пытался убить, мистер Крейг, – на лице Джентри не было и тени веселья, он не отводил взгляда от собеседника. Улыбка сама собой сползла с губ резко побледневшего учёного. Гордон облизал губы и несколько нервно посмотрел на свой чемодан. Да что же там у него такого, что за ним устроил охоту сам Невидимка, в который раз подумал Джейсон?

– Хм, м-м-м... да. Не скажу, что польщён, но всё ж таки... Не каждый день вам говорят подобные вещи, – Крейг осторожно подбирал слова. – Даже не буду спрашивать, откуда у вас подобная информация... Но... Ради всех угодников, мистер Джентри, кому я понадобился?! Зачем кому-то убивать меня?!

– Возможно всё дело в содержимом вашего багажа, – закинул пробную удочку Джейсон.

Как оказалось, Гордон видел старшего инспектора насквозь. Он понимающе усмехнулся:

– А вы ещё тот фрукт, сэр. Думаю, в силу занимаемой должности вы как никто другой понимаете, что существует такое определение, как неразглашение профессиональной тайны. Я не могу рассказать вам ровным счётом ничего о содержимом столь заинтриговавшего вас чемодана. Всему своё время, инспектор. Поверьте мне на слово, то, что сокрыто здесь...

Учёный легонько похлопал по обтянутому коричневой кожей боку чемодана.

... – способно поразить любого, даже самого избалованного и повидавшего человека. Моё новое изобретение способно изменить общество.

– В какую из сторон?

– Безусловно, в лучшую! – Крейг выглядел неподдельно удивлённым. – Я работаю исключительно во благо человечества и мира. Я не произвожу оружия, мистер Джентри. Мне претит само осознание, что некоторые изобретения великих и могучих умов способны причинять вред, уничтожать и разрушать. О, нет, моя стезя – это искусство...

Джейсон наострил уши. Искусство? О чём это он? Как механические гаджеты и плюющиеся паром технические новинки могут быть искусством? Похоже, Крейг начал заговариваться. Сам же учёный торопливо отвёл глаза в сторону, словно сболтнул лишнего. Очень странно. Джентри не знал, что и думать. Он поймал себя на том, что ловит каждое слово своего подопечного... Достаточно интересный и познавательный разговор с учёным окончательно изгнал донимающую Джейсона зевоту.

– Я не верю, что моё новое изобретение является настолько аппетитной приманкой для враждебно настроенных ОСУ людей, – упрямо повторил Крейг. – Я не вижу никакого смысла в моём физическом устранении. Ну сами посудите, зачем убивать такого безобидного парня, как я? Ведь это же всё равно, что прикончить поэта или художника! Возможно, кому-то и взбрело в голову украсть мой прототип... Тут, пожалуй, я ещё могу согласиться с вашими рассуждениями о заговоре вокруг меня... Но... Неужели всё настолько серьёзно?

Дилижанс неожиданно заложил крутой вираж. Вальяжно откинувшегося на спинку сиденья Крейга швырнуло в сторону и вперёд. Он чуть не завалился на Джентри. Салон огласило отборной бранью, в которой Гордон мастерски переплетал нецензурные выражения с пожеланиями скорой смерти ополоумевшему кучеру. С улицы донеслось ржание, утробное механическое пыхтение и резкий, раздирающий уши противный трубный звук – сигнал клаксона-дудки. Джейсон не сразу сообразил, что их обогнал, подрезая, чей-то паромобиль.

– Чёрт возьми, да у вас тут движение, что Святое столпотворение! Сколько развелось этих проклятых машин!

– Прогресс, – с наигранным сочувствием развёл руками Джентри. – А представьте, что будет, когда паромобили и омнибусы полностью вытеснят кареты и конные экипажи?

– Не пытайтесь загнать меня в угол, играя на моём же поле, – буркнул учёный, поправляя съехавшую на нос шляпу. – Прогресс не остановить. Он умчится вперёд, как этот паромобиль, что вы и окликнуть его не успеете... Так куда мы едем? Вы что, намереваетесь спрятать меня в подземный бункер, чтобы уберечь от возможных идущих по моему следу убийц? Или же мы направляемся напрямик в Империял-Ярд, где мне будет предоставлена в безграничное пользование самая удобная и безопасная камера?

Джейсон свирепо взглянул на Крейга:

– Не надо ёрничать, сэр. Никаких камер и подвалов. Мы едем ко мне домой.

– К вам домой? Э-э-э... Я не совсем уверен, что это здравая идея, старший инспектор. Наверняка, в одной из гостиниц уже забронирован номер на моё имя...

– Да, вы совершенно правы, – пожал плечами Джентри. – Согласно плану, я должен был разместить вас в «Клэрстоун», но буквально в последний момент я передумал.

Крейг понимающе хмыкнул:

– А начальство знает о внесённых в генплан коррективах?

– Нет, – Джейсон отодвинул непроницаемую плотную шторку и выглянул в окно. – Об этом никому не известно. Никто не узнает, что вы будете жить у меня.

Некоторое время в кабине подпрыгивающего на выбоинах в мостовой дилижанса царил тишина. Снаружи доносились скрип рессор, стук колёс по устилающему дорогу камню, гудки, крики зазывал, шум разгулявшегося большого города.

– А что скажет ваша семья на моё появление? – Крейг смущённо теребил воротник застёгнутого на все пуговицы пальто. – Знаете ли, не хотелось бы стеснять вас...

– У меня нет семьи, – обыденно сказал Джейсон. – Я снимаю комнаты у одной милой старушки на Сторм-стрит.

– Убеждённый холостяк? В чём-то я вас даже одобряю и понимаю. Женщины... Они, знаете ли, мешают творческому процессу созидания, отвлекают, наполняют думы греховными мыслями, сбивают с пути... Хм, мистер Джентри, вы говорите, что никто не узнает, куда мы едем, верно? А как же быть с кучером?

Подкрепляя свои слова жестом, учёный ткнул большим пальцем себе за спину в сторону щёлкающего на козлах бичом возницы.

– Кучера зовут Роберт Бёрк, – сказал Джентри. – Он один из моих подчинённых. Бёрк хороший агент.

– Вы меня успокоили, – фыркнул Крейг. – Приятно сознавать, что нахожусь меж двух полицейских.

– Вы б предпочли оказаться нос к носу с Невидимкой? – произнесённые инспектором бесстрастным тоном слова тяжёлыми гирями упали на Гордона. Он с отхлынувшей от лица кровью вытянулся в струнку, едва не приподнимаясь над сиденьем.

– Невидимка? Тот самый? Вы не шутите? Но теперь я вообще отказываюсь что-либо понимать, сэр! Невидимка – государственный преступник и террорист. Зачем этому человеку понадобился я?! Он не вор и не наёмный убийца, он чёртов бомбист! Нет, нет, мистер Джентри, где-то вы просчитались. Сдается мне, что у вас в корне неверная информация.

– Я бы хотел, чтобы вы оказались правы, мистер Крейг, – вздохнув, сказал Джейсон. – Вы даже не представляете, как бы я хотел, чтобы ваши сомнения обратились правдой.

Глава 5

– А у тебя есть кавалер? – заданный девятилетней девочкой вопрос застал Элен врасплох. Она внимательно посмотрела на Сью, ожидая очередного подвоха. Но нет, очаровательная пухлая мордочка дочки миссис Гиллрой была предельно серьёзна, а в больших синих глазках горел огонёк плохо скрываемого искреннего любопытства. – Томи говорит, что у такой красивой дамы, как ты, обязательно должен быть ухажёр.

Элен, грозно нахмутив брови, перевела взгляд на двойняшку Сью. Том, увлечённо возводивший из конструктора причальную мачту небопорта в миниатюре, и виду не подавал, что заговорили о нём. Мальчик был настолько сильно похож на свою сестру, насколько это вообще было возможно. Те же густые тёмные волосы, те же большие синие глаза, ямочки на щеках, едва ли ни единственным отличием служила более жёсткая линия подбородка, подчёркивающая зарождающуюся волю самого младшего из семейства Гиллроев.

– Том, я так и знала, что ты начнёшь смеяться надо мной, – Элен нависла над расположившимся на полу детской комнаты мальчуганом. Девушка подумал, что с упёртыми в бока руками, в форменном платье, заплетёнными в пышную косу волосами, и строгим взглядом она выглядит достаточно суровой для того, чтобы напугать малолетних детишек. Однако двойнята почти сразу раскусили Элен и нисколечко её не боялись, как бы она не хмурила брови и не покрикивала на них.

– Я и не думал смеяться над тобой, – Том закрепил на мачте причальный узел и запрокинул голову. Мальчик с явным недоумением смотрел на свою возмущённую няньку. – Я всего лишь сказал Сью, что, должно быть, у такой красивой девушки, как ты, нет отбоя от поклонников! А ты что, обиделась?

Том показал Элен язык и вернулся к миниатюре. Он недоумевал, как можно оскорбиться на такие слова... По его глубоко личному мнению подобные Элен девчонки, наоборот, обязаны таять от таких комплиментов. Во всяком случае, когда его папа на званых вечерах и ужинах говорил любезности вполне себе симпатичным дамам, куда как старше Элен, те просто млели от восторга.

– А ещё Томи сказал, что у тебя красивые глаза! – тут же не преминула добавить Сью. Она торжествующе ухмыльнулась беспомощно всплеснувшей руками Элен. – А ещё...

– Замолчи, Сью! – покраснев, Том втянул голову в плечи. Он осторожно поставил на верхнюю площадку мачты крошечную лебёдку. – Если не замолчишь, то я...

– То что, то что? – не унималась девочка. Её обрамлённое ореолом тёмно-каштановых волос личико светилось от удовольствия. – Элен, ты знаешь, что он ещё о тебе говорил?

– Заткнись, Сью!

– О боже, кажется, я уже не уверена, что вообще хочу что-либо знать, – простонала Элен, падая на тахту. – Кстати, Том, не смей орать на сестру.

– А я скажу, скажу!

– Ах ты вонючка! – в девочку полетела деталь конструктора.

Сью, привычная к подобного рода баталиям, ловко увернулась, вскочила на ноги и, запрыгнув на тахту, из-за спины Элен показала залившемуся красной краской брату «нос».

– Сам вонючка! И ещё задница! А ещё...

– Вот дура, а? – Том беспомощно посмотрел на Элен. – Ты хочешь, чтобы я рассказал Элен, как ты иногда примеряешь перед зеркалом мамины бюстгалтеры?

В детской комнате тот час зародилась гробовая тишина. У Элен смех застрял в глотке, она с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Сью изумлённо, не веря в предательство брата, вытаращилась на него. Её мордашка выражала столько эмоций сразу, что позавидовал бы любой театральный актёр.

– Ладно, ребята, повеселились, и хватит, – Элен решила проявить твёрдость и взять ситуацию под контроль. Не хватало ещё, чтобы двойнята перешли от слов к делу и кинулись в рукопашную. Судя по многочисленным царапинам и синяками на руках и ногах, они частенько выясняли отношения на «кулачках» и присутствие няни нисколько бы не смутило драчливых сорванцов. – Во-первых, вы уже большие мальчик и девочка и должны понимать, что ябедничать и наговаривать друг на друга, по меньшей мере, нехорошо. Некрасиво. Истинные джентльмены так себя не ведут. А настоящие дамы не произносят грязных слов вслух. А во-вторых, если вас услышит мама, то влетит всем. И вам перепадёт, и мне достанется на орехи.

Надувшись как хомяки, двойняшки молча испепеляли друг дружку самыми злодейскими взглядами, находясь в разных концах комнаты, но, по крайней мере, переходить в наступление уже не собирались. Элен облегчённо выдохнула. Право слово, она понятия не имела, как смогла бы объяснить вошедшей на шум в комнату миссис Гиллрой потасовку её младших деток. Возможно, Катрин давным-давно привыкла к подобному зрелищу. Но она определённо не для того платит своей няньке, чтобы подобные разборки происходили и впредь.

– Тебе взаправду может влететь из-за нас? – Том поднялся с пола, подошёл к тахте и плюхнулся рядом с девушкой. Сю благоразумно, от греха подальше, отползла на безопасное с её точки зрения расстояние.

Элен, улыбнувшись, ласково потрепала мальчугана по голове, поражаясь, насколько у него шелковистые и приятные на ощупь волосы. Том возмущённо оцетинился. Он терпеть не мог всякие «девчачьи нежности».

– Может, Томи, ещё как может. Я обычная нянька и мне не тягаться с нанявшей меня хозяйкой. Если ваша мама решит, что я плохо справляюсь со своими обязанностями или как-то нехорошо влияю на вас, она тут же выставит меня вон.

– Да уж, – понимающе протянул Том, – мама у нас просто кремень. Так папа говорит. Я не знаю точно, что это значит, но догадываюсь...

Сзади раздалось шуршание, и тонкие детские ручки обвили Элен за шею. Сю горячо зашептала на ухо девушки:

– Не бойся, мы будем себя хорошо вести, правда-правда. И если захотим подраться, то сделаем это где-нибудь в другом месте!

– Ага! – с заразительным детским энтузиазмом поддержал сестру Том. – Например, в школе или в парке!

Элен, продолжая улыбаться, не удержалась и чмокнула Сю в щёчку. От девочки приятно и вкусно пахло шампунем, карамелью и зубным порошком. Непередаваемый запах чистенького ребёнка.

– Спасибо, ребята, я очень тронута, честно. Вот только... Вы не задумывались о том, что драться тоже нехорошо? А? И не только дома, но и на улице? А так же в школе, парке или где вы там ещё бываете?

– Не стоит благодарности! – младший Гиллрой принял возвышенную позу. Последние слова Элен он стойко проигнорировал. – Мы не дадим тебя в обиду, верно, Сю?

– Конечно! Ты очень хорошая, Элен. И ты нам сильно нравишься. Ты хорошая девчонка. И ты намного лучше нашей предыдущей няньки!

– И гораздо красивее, – добавил Том и вновь покраснел.

Элен обескураженно повернулась к Сю. Катрин и словом не обмолвилась о том, что у Элен, оказывается, была предшественница.

– Предыдущей няньки? – эхом отозвалась девушка.

– Ага! Намного красивее. И добрее. Правда-правда! – девочка радостно заулыбалась. – Ты намного лучше её. Ну а первая наша няня, так та вообще была какая-то гмыр... трым... Томи, ну как ты её назвал, подсажи!

– Грымза, – сказал мальчик и поспешно добавил: – Это не ругательное слово, я у папы уточнял.

Две? У Гиллроев уже сменилось целых две няньки до неё? Ничего себе! Элен потрясённо пригладила себя по волосам. Выбившаяся прядь упала ей на глаза. Отчего-то эти новости насторожили девушку. Две няньки. У Гиллроев уже БЫЛО в услужении две девушки. Но почему они не прижились? За что их выгнали? Элен не верила, что они сами решились уйти. За те два дня, что она провела в особняке Гиллроев, она не увидела ничего, что способствовало бы самовольному уходу. Детишки были ещё тем стрикозлятами, но милыми и добрыми, и особых неразрешимых проблем не создавали, хозяева вели себя как заносчивые высокомерные снобы, но нисколько её не трогали, дворецкий не задирали и вообще старался как можно меньше показываться на глазах. Стефан... Может, всё дело в Стефане?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.